

П. ЗИМА

**ТАМТАМЫ
ДО СИХ ПОР
ЗВУЧАТ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. ЗИМА
**ТАМТАМЫ
ДО СИХ ПОР
ЗВУЧАТ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1970

Petr Zima
ТАМТАМЫ DOSUD ZNI
Praha, 1966

Перевод с чешского
Л. В. МОСКОВСКОЙ

Ответственный редактор
Л. А. ФАДЕЕВ

Зима П.

3-62 Тамтамы до сих пор звучат. Пер. с чешского. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1970.

175 стр.

Книга чешского ученого Петра Зимы представляет собой рассказ о его впечатлениях от поездки по западной части Африканского континента.

Автор поднимает ряд важнейших проблем, стоящих перед различными государствами Африки. Много внимания уделяет он анализу многочисленных языков, диалектов и наречий, проблеме религий, развитию письменности, культуры, литературы и искусства Западной Африки,

Когда в 1962 году я впервые уезжал в Западную Африку, то даже и не подозревал, что очень скоро услышу звуки тамтамов. Говорящие барабаны — традиционный голос Африки — в первый же вечер моего приезда зазвучали на всех волнах маленького приемника. Позже я понял, что большинство африканских радиостанций использует звуки тамтамов в качестве позывных. Я часто вспоминаю тот первый вечер в Африке, проведенный около приемника. Оставив большие африканские города, я вновь слышал голос Африки в маленьких городках и селениях под яркими тропическими звездами. И тут понял, что звуки тамтамов олицетворяют одну из самых интересных черт современной Африки: новая техника, вытесняя старые традиции, вместе с тем их использует.

А старая Европа только начинает понимать, что ключ к исследованию этого молодого континента лежит не только в изучении его истории, но также в познании обычаев и нравов тех, кто ее создает¹. Нам становится ясно, что к пониманию традиций и психологии людей нельзя подходить с помощью графиков и цифр. Ведь, пользуясь ими, можно сконструировать хорошую машину, построить красивое здание, но понять человека или тем более народ — невозможно.

Я надеюсь, что наблюдения европейца, который изучал язык и культуру Африки, будут поэтому небезынтересны. Знание языка здесь необходимо, ибо он служит средством общения, без которого невозможно никакое взаимопонимание и, следовательно, настоящая дружба.

Я не ставлю своей целью рассказать все, что узнал о Западной Африке. Постараюсь описать лишь те стороны жизни, с которыми я близко соприкасался и которые меня особенно заинтересовали, и осветить хотя бы часть сложной и богатой жизни этого континента, где на волнах радио и в тиши тропической ночи до сих пор звучат тамтамы.

¹ Несколько поспешное заключение автора. В Европе и на других континентах давно уже изучаются нравы и обычаи простых людей Африки. — *Здесь и далее прим. ред.*

В путь

Прекрасные асфальтированные дороги, по которым непрерывно проносятся как новенькие, так и видавшие виды переполненные автобусы. Около шофера в униформе сидят несколько пассажиров, которые с довольным, унылым видом обозревают окрестности и время от времени поглядывают на часы, чтобы убедиться, приедут ли они на конечную остановку или на ту, где придется сделать пересадку, без опоздания.

За последние десятилетия Европа обогатилась современными транспортными средствами. Поезда, самолеты, автобусы и пароходы следуют точно по расписанию. А пассажир везде ищет то, к чему привык. Так и я первые дни безуспешно искал на придорожных столбах африканских городов таблички с расписанием движения грузовых автомашин, которые тут носят экзотическое название «мамми-лорри», а в тропических джунглях, на станции в Дагомее, я буквально извелся, ожидая опаздывающий поезд. Не случайно поэтому положение с транспортом в Тропической Африке меня так заинтересовало.

Шоссе там покрыты асфальтом и зачастую не уступают европейским дорогам. Машины летят по ним с огромной скоростью. Чаще всего это потрепанные грузовики английских или американских марок. На них установлена деревянная конструкция, представляющая собой сооружение из нескольких столбиков, укрепленных по углам, на которые кладется крыша. В кузове установлены скамейки из неоструганных досок для пассажиров. Пока машина оставляет за собой километры, пассажиры развлекаются: время от времени из кузова раздается пение. Слегка раскачиваясь, они сопровождают песню ритмическими ударами в ладоши. И шофер, если у него хорошее настроение, принимает в этом веселье деятельное участие. В кузов свалены узлы, пакеты с покупками, корзины и наполненные до краев тазы, которые, по мнению африканцев, так удобно носить на голове.

Машина разрисована и расписана со всех сторон. Встречаются надписи: «Бойся женщины!», «Всегда луч-

ше быстрее, чем медленнее!», «Осторожность — мать мудрости!», «Мальчик из Такоради», «Черная жемчужина», «Бог — мой пастырь!», «Привет! Странствующий мусульманин!», «Я люблю тебя», «Всегда с улыбкой!» и т. д. Однако вы никогда не увидите таблички с указанием конечной остановки, а с расписанием тем более. В больших и маленьких городах Западной Африки машины этого типа обычно отправляются с базара. Здесь его иногда называют по-английски «лорри-парк». Украшенные веселыми надписями автобусы стоят на площадке, пока водители зазывают пассажиров.

Вот как рассказывает об этом писатель Хини Ахей в одной из своих книг: «Водители поняли, что люди охотнее садятся в автобус, где бóльшая часть мест уже занята (если, конечно, он пойдет примерно в том направлении, куда им надо), так как пассажиры надеются, что такая машина скорее тронется. Поэтому предприимчивый водитель за небольшую плату нанимает «пассажиров-статистов». В Западной Африке на каждом базаре можно найти безработных, которые готовы любое время сидеть в кузове машины. Надо только оставить несколько «последних» мест свободными. Пассажиры замечают обман слишком поздно, когда нанятые статисты, получив обещанную плату, покидают машину и исчезают в толпе...».

Однако теперь и эта уловка не помогает. Пассажиры стали опытными и, прежде чем сесть в автобус, смотрят, есть ли багаж у расположившихся в машине людей.

Иногда возникают комические сцены: группа пассажиров стремится, к примеру, уговорить шофера изменить направление. Начинается длительная торговля, результаты которой никому не ясны. Во всяком случае, водитель усаживает в машину всех желающих, садится за руль и автобус, как молния, срывается с места. Пока направление, избранное шофером, устраивает всех пассажиров, в машине царит прекрасное настроение, никто не думает ни о расписании, ни о трассе. Но вот автобус подъезжает к перекрестку — и сразу же возникает необходимость принять решение. Я стал как-то свидетелем подобного случая. У дороги стоял человек и отчаянно махал водителю. Автобус остановился. Уже через минуту всем пассажирам стало известно, что

недалеко отсюда у дяди их нового спутника, в деревне, родился сын. На торжество были приглашены все пассажиры. Ведь это так близко, всего две мили в сторону... Никто не протестовал. «Лорри», трясясь по проселочной дороге, добралась наконец до деревни, где пассажиры до самого вечера любовались новорожденным и искренне веселились в связи с его появлением на свет.

Кое-где так ездят и до сих пор (чаще всего в бывших английских колониях Западной Африки — Гане, Нигерии и Сьерра-Леоне). Теперь скорость этих размазанных во все цвета машин ограничена, но в те времена они мчались как бешеные, не соблюдая правил движения. Водитель подчас не имел никаких документов, занимаясь главным образом перевозкой различных контрабандных товаров. Белые тоже могут пользоваться этим видом транспорта, но, как правило, только теоретически. За все время моего пребывания в Африке я видел в «мамми-лорри» всего нескольких европейцев и двух молодых американцев.

Когда я впервые захотел поехать на такой машине, водитель-африканец, посмотрев на меня, спросил:

— Тебя, видно, ищут?

Напрасно я пытался его переубедить. В конце концов шофер сделал вид, что поверил мне. Однако всю дорогу многозначительно усмехался.

Интересно, что в бывших французских колониях Западной Африки такие машины встречаются крайне редко, да и размеры у них совсем не те. Видимо, это объясняется тем, что здесь дорог много меньше и состояние их значительно хуже. Асфальтированные шоссе тут редкость, проложены они только на основных направлениях. В бывших же английских колониях сеть дорог достаточно разветвлена и в основном покрыта тринидадским асфальтом, который выдерживает все капризы местного климата, включая жару и периоды дождей.

Некоторые африканцы объясняют это явление иначе. Так, один из моих приятелей, получивший воспитание в бывших французских колониях, говорил, что «эти люди из английских колоний любят переезжать с места на место. Не успеешь оглянуться, раз-два — и их уже нет!». Он выразительным движением руки сопроводил слова «раз-два», как бы стремясь доказать, что речь шла отнюдь не о медленном передвижении.

«Раз-два — и их уже нет». А кончается все это часто в придорожной канаве или еще в каком-нибудь подобном месте. Люди попадают либо в больницу, либо домой, в зависимости от того, повезет им или нет, а машину обычно бросают там, где произошла авария. Влажный африканский воздух быстро делает свое дело: машина ржавеет и красочные надписи сходят с нее. Водители, проезжая мимо, на несколько секунд сбавляют бешеную скорость, но уже через какую-то минуту шофер снова дает газ — и машина несется дальше. В Африке не ездят медленно, медленно только ходят.

На «мамми-лорри» перевозят не только людей, но и грузы.

Грузовые машины выглядят проще, ведь из-за одних ящиков нет никакого смысла раскрашивать борта. В бывших французских колониях длинные грузовики с высокими бортами, груженные различными товарами, постоянно курсируют по дорогам от побережья до побережья.

Каждая область страны в определенное время года нуждается в сбыте своего «сезонного» товара, поэтому движение на дорогах не прекращается круглый год. В сезон сбора арахисовых орехов машины проезжают по дорогам из Зиндера и дальше на запад, бороздя огромными колесами дороги, оставляя после себя мелкие кусочки проволоки от пневматических шин. Горе тому, кому они встретятся на пути!

От Ниамея до Досо 135 километров. Мы умудрились трижды проколоть шины на этой дороге, и каждый раз виной тому была та самая проволока, которую оставляли большие грузовики. Во время сбора арахиса они ездят тут и днем и ночью, нарушая тишину саванн.

И еще об одном парадоксе африканского транспорта: старые политические границы, которые существовали в колониальный период, до сих пор не утратили своего значения и затрудняют перевозки. Не будь этого, в Форт-Лами, Зиндер и Маради можно было бы, например, намного быстрее проехать через Нигерию по ее асфальтированным дорогам, проложенным от моря к северным границам. Но еще в 1962 году на север ездили через Дагомею (через Ниамей) по трассе, которая в большей своей части не покрыта асфальтом. Поэтому если минеральная вода на побережье стоит 200 фран-

цузских франков, то в Ниамее цена ее возрастает до 300, в Догондучи — до 400, а в Маради — уже до 550 франков. В Форт-Лами цена воды и виски одинакова: разница здесь выравнивается за счет доставки, так как бутылка минеральной воды больше и тяжелее бутылки виски. Контрабандная же вода намного дешевле, что известно всем, в том числе и таможенникам.

Не лучше обстоит дело и с авиацией. Так, даже в 1962 году нельзя было перелететь из Ниамея или Зиндера прямо на ближайший большой аэродром в Кано. Приходилось летать через Котону, Лагос, облетать половину Западной Африки или же продвигаться на автомобиле, на лошади, а то и на традиционном транспорте — верблюде или осле. Причем старый летный состав не признавал новых границ сфер влияния, установленных европейскими авиакомпаниями. Говорят, что всего несколько лет назад из Аккры в Бамако или в Ниамей было быстрее всего лететь через Лондон и Париж. Колониалисты создали собственные магистрали внутри своих владений, как в рамках бывшей федеральной Французской Западной Африки, так и в Британской Африке — Гане и Нигерии. По договоренности и с выгодой для обеих сторон приняли одно исключение, сохранив дороги, связывающие Южную Гану с Южной Нигерией (Аккру с Лагосом) через Того и Дагомею. В других направлениях транспортное сообщение почти не развивалось. Международные авиалинии связывали — да и до сих пор связывают — только столицы.

Вот и получалось, что из Ганы и Нигерии было удобнее лететь до Лондона, из Лондона в Париж, а из Парижа обратно в области бывшей Французской Западной Африки. Так было и безопасней. Ведь на магистральных заграничных авиалиниях действовало регулярное расписание и обслуживали их современные самолеты. На местных же линиях — если такие вообще существовали — уровень обслуживания был очень низок.

Рассказывают анекдот об одной частной авиакомпании, которую возглавляли два летчика времен второй мировой войны. Они летали по трассе, которая впервые связала две территории, относившиеся ранее к различным колониям. Может быть, они летают там и по сей день. Машина у них была старая, время от времени из строя выходил то один, то другой мотор, но это им

не мешало. Самолет совершал посадку и продолжал свой путь дальше с одним действующим мотором. Никаких жалоб! Летчики и пассажиры смеялись: все в полном порядке, и лишь европеец, попавший впервые на эту трассу, бледнел от страха. Но, наверное, зря. Ведь до сих пор самолет всегда долетал до цели. Правда, иногда с большим опозданием, на день или на два, но какое это имеет значение в Африке!

Служащий этой крохотной компании как-то говорил мне:

— Самолет у нас маленький, а небо большое. Нет ничего удивительного, что он иногда заблудится и долго не может найти дорогу.

Но чаще всего самолет и не пытается искать дорогу, он летит против ветра на одном моторе или же сидит на каком-нибудь захолустном аэродроме, где несколько механиков копаются в его внутренностях. Как-то раз из строя вышел один мотор, потом второй. К счастью, самолет оказался недалеко от аэродрома, и летчик сумел дотянуть его туда. Когда же он наконец приземлился, почему-то посыпались жалобы...

Путешествовать вдоль побережья можно еще и по воде: ведь здесь есть море, а по морю плавают пароходы. Судов было бы достаточно, да портов мало. На всем западноафриканском побережье всего несколько хороших заливов, которые используются в качестве портов: таков Фритаун, который Англия, владычица морей, в период торговли рабами избрала первым портом для своей сторожевой флотилии. Создание других портов стоило труда, денег и пота. Так за последнее время выросли Дакар, Конакри, Абиджан, Лагос, Такоради и уже совсем на глазах — порт Тема, самый новый в Гане. Таким же образом строились порты в Котону и Ломе.

Где не было порта, там создавались сооружения, которые носили название «пристань». Фактически — это длинный помост на сваях, уходящий далеко в море и заканчивающийся там, где сваи уже не могут достать дна. На самом конце помоста над водой склоняется подъемный кран, который разгружает небольшие пароходы, перенося грузы и людей с помощью крюков или корзин.

Обычно по помосту прокладывают рельсы. Большие океанские пароходы бросают якоря далеко в море и

не могут подойти близко к берегу, потому что сильный прибой с волнами в несколько метров высотой вынес бы их на мель. Поэтому людей и грузы доставляют на «пристань» маленькие пароходики. Почти каждый приморский город в Африке имел раньше такую «пристань». Там, где не было помоста, пароходы не могли подойти вплотную к берегу, грузы намокали, да и пассажиры не оставались сухими. Так высаживались на африканский берег первые европейцы, так же приходилось переправляться на борт невольничьего судна рабам, которые часто кончали свое путешествие раньше, чем оно начиналось.

Теперь, когда построены первые современные порты, помосты уже почти не используются. Фонари на них погасили почти по всему побережью.

Большой современный порт более безопасен. Вместе с «пристанями» в прошлое Африки ушли и времена морских пиратов и рынки рабов. Пароходы общества «Фрасинет» и других компаний до сего дня плавают между Лагосом, Котону, Ломе, Такоради, Абиджаном, Конакри, Дакаром, Лас-Пальмас, Касабланкой, Марселем, Бордо, Лондоном, Ливерпулем и Саутгемптоном. Создаются новые пароходства и молодыми африканскими государствами, однако судов, плавающих под африканскими флагами вдоль Гвинейского побережья, еще очень мало. Чаще всего вам встретится только один флаг — либерийский, но к Либерии эти пароходы не имеют почти никакого отношения. Известно только одно: их владельцы платят более низкую пошлину. По этой причине они и предпочитают плавать под либерийским флагом.

Я часто вспоминаю один случай, связанный с первыми шагами африканских пароходных компаний. Я впервые приехал тогда в Такоради. Был поздний, но очень жаркий вечер. Гостиница находилась недалеко от берега, и я решил выкупаться. Полоса пляжа — неширокая, справа и слева ее ограничивали скалы и большие камни. Я отплыл недалеко и тут увидел, как по берегу, покачиваясь из стороны в сторону, шел мужчина с полупустой бутылкой джина в руке. Он присел около моей одежды и время от времени прикладывался к бутылке. Мне стало не по себе — незнакомец не отходил от моих вещей — и я предпочел вылезти на берег.

— Жаль,— сказал он,— что вы не попытались заплывать подальше, туда, где я вчера уже побывал...

Здрав рубашку, мужчина показал свою спину, на которой красовался огромный кровоподтек, и рассказал, что заплыл очень далеко. Его ударило о скалы. Слово за слово, мы разговорились и выпили остатки джина. Незнакомец оказался голландским морским офицером, поступившим на службу во вновь созданную пароходную компанию Ганы. Плавал он на одном из первых больших ганских пароходов.

Узнав, что я чех, моряк сразу же заговорил на ломаном польском языке. Во время второй мировой войны он перевозил беженцев на маленьком катере через пролив в Англию. Однажды немецкие сторожевики задержали катер и всю команду отправили в Бухенвальд, где голландец попал в один барак с поляками.

Пусть же ему хорошо и счастливо плавается под африканским флагом!

Хуже всего в Африке обстоит дело с железнодорожным транспортом. Если посмотреть на карту, то видно, как красные линии, обозначающие железные дороги, уходят от побережья только в одном направлении — к большим городам в центре континента. Из сенегальского Дакара железная дорога ведет к Бамако, из Абиджана — к Уагадугу, из Конакри — к Канкану, из Котону — к Порто-Ново и Параку. Сравнительно разветвленную сеть дорог имеют Гана и Нигерия, тогда как в Либерии вообще нет ни одной железной дороги.

Если лететь с большого аэродрома в Робертсфилде (близ Монровии) до Абиджана, то под крылом самолета вы не увидите ничего, кроме однообразного зеленого массива тропических джунглей. Становится как-то не по себе, когда убеждаешься, что последняя полоса бетона кончается сразу же после взлета и появляется вновь только за границами Либерии. Пока самолет не поднялся очень высоко, можно еще различить одиночные островки среди моря зелени, а затем все исчезает в дымке серо-зелено-голубых испарений — первом приветствии девственной старой Африки. Там, внизу, живут люди, не знакомые с металлом, а в нескольких тысячах метров над ними летит самолет — самый современный вид транспорта, с флагом свободного африканского государства на фюзеляже. Это тоже Африка.

Конечно, либерийские джунгли не показательны. В Африке есть области с довольно широко развитой сетью дорог. Характерно, однако, что большая их часть ведет с севера на юг или с юга на север. Современных дорог, которые шли бы в направлении с запада на восток и обратно, все еще очень мало. Так обстоит дело повсюду — в тропических джунглях и саваннах. На севере, в пустынях, среди дюн и прибрежных лагун по-прежнему сохраняется традиционный способ передвижения — пешком или в повозке. В качестве тягловой силы используют домашних животных. В более или менее отдаленных районах можно встретить африканцев с дорожной сумкой, рюкзаком, узлом на голове и большой палкой в руке для защиты от змей, проходящих так десятки и сотни километров. Юноши из Бирнин-Конни ходят на работу в Ниамей, преодолевая расстояние, равное примерно 419 километрам. Идут, пока хватает сил, а когда наступает вечер, находят пристанище в ближайшей деревне. Ночлега в деревнях саванн не приходится долго просить, люди тут намного ближе друг к другу, чем в водовороте современных городов.

Знатным и богатым считается тот, кто восседает на коне. Начальник из рода фульбе на чистокровном скакуне — воплощение подобного понимания. Лошади, сытые и холеные (а иногда и не совсем сытые), преодолевают как близкие, так и далекие расстояния. Поэтому лишь по количеству и весу груза можно определить, как далеко собрался отправиться путник.

Менее знатных мы увидим верхом на осле или — что чаще — бредущих за ним, ибо на осле положен тяжелый груз, и он не в состоянии тащить на себе еще и хозяина. А если тот все же рискнет побеспокоить своего осла, то ведет себя весьма скромно и устраивается лишь на самом кончике его спины. Ну, уж коли зашла речь об ослах, я не могу не высказать своего уважения к этим милым и умным животным.

Хочется рассказать три случая, которые остались у меня в памяти.

Первый произошел в небольшом местечке в Нигере. Каждый день здесь появлялась тележка с бутылками молока, запряженная осликом. Как-то раз хозяин тележки провел бурную ночь, отмечая какое-то событие,

и утром уснул на козлах. Осел продолжал ездить по знакомому маршруту и развозить молоко. Он останавливался около дома, терпеливо ждал, пока покупатель не возьмет свое молоко, выразительно поглядывая при этом то на него, то на хозяина, который продолжал мирно посапывать на козлах, встряхивал презрительно головой и шел дальше. И никто никогда не брал с тележки ничего лишнего!

Свидетелями второго случая мы оказались на проселочной дороге. Когда последняя деревня осталась далеко позади, а следующей не было отмечено даже на карте, на совершенно пустой дороге неожиданно появился осел, который медленно, с достоинством двигался нам навстречу. Через спину его были перекинуты мешочки с солью и орехами кола — самыми дорогими продуктами в этих местах.

Я напрасно искал глазами погонщика и, удивленный, спросил Ауду — одного из своих африканских друзей: — Где же его хозяин, неужели он не боится, что осел придет домой с пустыми мешками?

Мой друг молча остановил машину и движением руки пригласил понаблюдать за ним. Обойдя осла, он начал осторожно подходить к мешку с орехами и совсем уж было протянул к нему руку. Тут осел моментально остановился, смерил человека глазами, потом, словно сосчитав про себя до трех, бросился с места и лягнул его копытом. Счастье, что Ауду это предвидел и сумел вовремя отскочить в сторону. Осел, однако, не стал его преследовать. Он постоял еще немного, посмотрев на «вора» так, словно хотел сказать: «Так что, дать тебе еще разок или этого с тебя достаточно», — и важно зашагал по дороге, как будто бы здесь ничего и не произошло.

Мы тоже тронулись в том направлении, откуда пришел осел, и, проехав значительное расстояние, увидели двух мужчин, обсуждающих какие-то новости. Водитель остановил машину, и после традиционных приветствий я спросил у одного из путников, не знает ли он, чей осел идет там по дороге.

— Конечно же, мой! — воскликнул он. — Я тут немного заболтался, а он потащил домой кое-какие вещи. С ним что-нибудь случилось? Это было бы удивительно, он всегда был аккуратнее меня!

Третий случай зафиксирован мною на пленку, как наиболее выразительный.

В знойный полдень я оказался как-то на перекрестке улиц одного из маленьких выжженных солнцем городков Нигера. На этой крохотной площади сохранилось лишь одно-единственное местечко, где можно было найти тень. Она падала от глиняной стены против ресторана. Нам, десятерым африканцам, одному чеху, одному французу и двум англичанам из Нигерии, страшно хотелось пить, но еще больше хотя бы на минуту спрятаться от палящих, безжалостных лучей солнца, просто постоять в тени. Именно это и оказалось невозможным. Место в тени было занято двумя ослами, и никто в мире, ни за какие блага не смог бы их сдвинуть с места. Поэтому нашей компании ничего не оставалось, как выпить на солнцепеке теплого пива и следовать дальше.

На севере, там, где постепенно замирает жизнь, начинается пустыня. Но теперь уже и через пустыню по направлению к озеру Чад ходит белый автобус Трансафриканской компании. Издалека он кажется огромным танком, за которым тянется хвост коричневой пыли. Правда, это единственный автобус, который идет здесь по расписанию. Маршрут у него большой, так как автобус связывает главные города. Проезд стоит не очень дорого, а название автобуса — «трансафриканский» — обладает поистине магическим действием. Еще немного глубже в пустыню — и там только на отдельных участках попадаются огромные тяжелые грузовики. Основной транспорт здесь — верблюды. Когда в центре столицы Ниамее медленно и важно большой караван верблюдов переходит перекресток, кажется, что ты попал в далекое прошлое. Они идут плавным шагом, так, словно идут по сыпучему песку среди дюн большой пустыни. Похоже на то, что асфальт, машины и светофоры совершенно им не мешают. На все то время, пока караван переходит на другую сторону, полицейский открывает ему «зеленую улицу».

Это очень красивое зрелище, и никто — ни полицейский, ни водители — не возмущается вынужденной остановкой. На их лицах написано уважение к кораблю пустыни, уважение, унаследованное от далеких предков. Ведь европейский светофор существует здесь всего несколько месяцев — а когда появились верблюды?

Страна, в которую приезжаешь...

Страна, с которой знакомишься впервые, встречает тебя новыми впечатлениями, слагающимися из тысячи мелочей. Мое же первое впечатление по прибытии в Западную Африку основывалось всего лишь на двух. Во-первых, африканский кузнечик, величиной с хорошего воробья, который спокойно уселся на плече моего земляка, ожидающего таможенного досмотра на аэродроме в Дакаре. Во-вторых, мой собственный костюм — «самый легкий», по ручательству пражского портного, — который через минуту после того, как я вышел из прохладного салона самолета, стал насквозь мокрым от пота. Мне ничего больше не оставалось, как терпеливо наблюдать за дальнейшим ходом событий.

Задыхающийся от жары земляк пытался согнать кузнечика-великана с плеча, а я меланхолически наблюдал за тем, как мой лучший костюм постепенно превращался в нечто напоминающее половую тряпку. Издалека долетали обрывки английской речи представителя скандинавской авиакомпании SAS. Глуховатым голосом он объяснял каким-то туристам:

— Сейчас в Дакаре наступает лучшее время года; климатические условия здесь напоминают Ривьеру...

До сего дня удивляюсь, откуда у меня сохранилось столько чувства юмора, чтобы спокойно наблюдать за тем, как пот обильно смачивал документы, которые заполняли пассажиры. Однако и мои документы вскоре оказались в таком же виде, как и у всех остальных.

В этом, правда, нет ничего особенного. У европейцев первые минуты на западноафриканском побережье бывают своеобразными, и каждый, вспоминая их через месяц или два, с удовольствием над ними посмеивается...

Наблюдая за прибывающими новичками, такой путешественник начинает забавляться сам, так как теперь, умудренный опытом, он уже прекрасно понимает, почему таксисты автоматически повышают стоимость проезда неопытным иностранцам: ведь о здешних ценах они понятия не имеют, да и теряют всякое соображение от непривычной жары. Красное, припухшее от пота ли-

цо — визитная карточка каждого европейца, впервые прибывшего в Африку. Через некоторое время цвет лица изменится. В сухой, не особенно влажной местности оно приобретает загар бронзового цвета, а там, где солнце не в состоянии пробиться сквозь плотную завесу влаги, быстро пожелтеет. Этому поспособствует еще и хина... «Знаете, современные средства не помогают теперь, как когда-то хинин, если бы, конечно, не печень...» — говорят, сочувственно кивая головой, старожилы, обосновавшиеся в тропиках, на побережье Гвинейского залива.

Описания Западной Африки делят ее на несколько климатических поясов, протянувшихся с запада на восток. На юге, где расположены Либерия, Берег Слоновой Кости, Гана, Того, Дагомея и Нигерия, это области тропических муссонов, для которых характерны два периода дождей (один — немного короче и не такой холодный, как другой), очень высокая влажность и сравнительно короткое время засухи. Но даже тогда, когда дождей нет, воздух настолько влажен, что над землей постоянно висит облако испарений, которое не пробивают солнечные лучи.

Некоторые вещи в Африке начинаешь понимать только с течением времени. Как боялись первые европейцы, попавшие на континент, получить ожоги от лучей немилосердно палящего солнца! Мало кто вспоминает о тропических шлемах на головах европейских завоевателей. Они ушли в прошлое: ведь теперь каждому хорошо известно, что испарения над землей надежно предохраняют от солнечного удара. Поэтому в этих краях без опасений ходят с непокрытой головой или в соломенных легких шляпах. Пробковые шлемы можно увидеть только на головах африканских ветеранов или тех блаженных, которые считают такой головной убор символом достоинства и власти (каким он, кстати, когда-то и был!). Стоит ли бояться солнечного удара, если за короткий сухой период кожа европейца, мокрая от пота, не успевает даже покрыться загаром.

Влажному тропическому климату на побережье Гвинейского залива соответствует и природа: лагуны, болота и заболоченные русла рек, джунгли, переходящие в мангровые леса с живыми, дышащими корнями, которые обнажаются во время отлива.

Правда, тропические джунгли постепенно отступают. На их месте разбивают плантации какао, и теперь в тропиках вместо подстерегающих на каждом шагу человека ядовитых растений уже встречаются ананасы, апельсины, лимоны, грейпфруты и мандарины. Одни виды деревьев дают такие редкие сорта древесины, как, например, красное или черное дерево, с других — собирают каучук, на третьих — растут орехи. Чуть дальше от побережья выращиваются оливковые пальмы. Разводят здесь также кофе, и хотя его качество не особенно высоко, со временем оно станет не хуже бразильского.

Нельзя не упомянуть и о таком растении, как кола. Орехи кола — лакомство в Западной Африке. Если их хорошенько разжевать, во рту появляется горьковатый привкус и возникает примерно такое же ощущение, как при употреблении наркотических средств. Порошок из орехов кола — основное сырье для приготовления широко известного напитка «кока-кола», реклама которого встречается по всему западноафриканскому побережью.

Тропическая природа, лишенная трудами человека своей девственной дикости, необыкновенной красочностью листвы и плодов вызывает у нас представление о рае. Особенно на пляже, когда сидишь в шезлонге в тени кокосовых пальм, усеянных орехами, и тебя овеивает свежий ветерок. Приблизительно такое же чувство испытал и чешский доктор, когда вернулся с пляжа и обнаружил у себя в гараже кобру. Вообще этот рай, как и настоящий, обладает всем, чем положено, не исключая и змей.

Опасны здесь не только змеи, которые обитают в Западной Африке в десятках видов, пауки, скорпионы и самые разнообразные паразиты и хищники (правда, за последнее время их становится все меньше и меньше), но и различные болезни. То, от чего эти края когда-то называли «могилой белого человека», — желтая лихорадка, оспа, сонная болезнь и малярия. В прошлом от инфекционных заболеваний тут погибал каждый второй европеец.

Теперь против оспы и лихорадки уже применяют прививки. Понемногу отступает перед человеком сонная болезнь, но все еще мучает малярия, заставляющая европейцев постоянно глотать профилактические таблетки.

О ней здесь говорят так: кому суждено подцепить малярию, тот ее не минует. Малярия — бич большей части влажного пояса, а проказа и энцефалит — сухих поясов. Как это ни парадоксально, но именно заболевания становятся здесь предметом международных соглашений и сотрудничества.

Борьба с этим злом, которое угрожает всем, не выбирает только черных или только белых, не делает разницы между представителями разных народов и разных вероисповеданий или политических взглядов, удивительным образом сплавливает людей. Если раньше она велась с помощью марок, наклеек на спичечных коробках и плакатов, то теперь перешла в более действенную стадию. Осушаются болота в целых районах, антималярийные средства вводятся в такие продукты, как соль, сахар, проводятся профилактические осмотры.

К северу тропические леса постепенно редуют. Влажность понижается, вместо двух периодов дождей остается только один, да и он по мере приближения к северу становится короче. Затем начинается пояс саванн, который переходит в слегка волнистую равнину, покрытую травой. Лишь кое-где попадаются здесь деревья и кусты, потом вновь простираются засушливые саванны, а дальше на север — пустыня. Тут большую часть года не бывает дождей, воздух сухой, и все попытки обнаружить хотя бы признаки влаги останутся безуспешными. Это чувствуешь сразу, в первую же минуту по прибытии в пустыню или в ближайшие к ней районы: пересыхает рот, мучает жажда. По воде тоскуют и растения, и животные, и люди. Самое тяжелое время — полдень, когда все живое мечтает хотя бы о крошечной тени, хотя животные, конечно, легче переносят полуденную жару. Вечер и ночь наступают быстрее, чем у нас, и приносят облегчение. Воздух быстро охлаждается; пожалуй, даже слишком быстро. «Ночь — это зима в пустыне», — говорит старая пословица, и в ее справедливости не приходится сомневаться. Если у вас нет хорошего спального мешка, то лучше и не пытаться ночевать под открытым небом. Вечером, когда ложишься спать, еще кое-как миришься с этим холодом, но утром, когда просыпаешься, переносить его очень трудно. Зубы стучат от озноба, а желудок тоскует по горячей пище. Не легче и коренным африканцам. Утром они ходят,

завернутые в бурнусы, в старые одеяла и еще бог знает во что. Так бывает в засушливый период. Но стоит пройти хотя бы незначительному дождю, как температура повышается. Можно ли, однако, сказать, что здесь вообще идут дожди? Это уже зависит от того, как близко вы решитесь подобраться к Сахаре. Случается так, что там, где по выжженной равнине обычно гуляют лишь одни тучи пыли, идет дождь. За короткое время все неправдоподобно преображается, пустыня покрывается зеленью — это необыкновенное и очень красивое зрелище. В тех местах, где весна случайный гость, а зеленая трава редкое явление, людям делать нечего. Собрав урожай, они уезжают в поисках работы на побережье Гвинеи, где нет недостатка в рабочей силе в течение всего года. Каждый путешествует как может: пешком, на машинах «мамми-лорри» или на запыленном грузовике, который перевозит арахисовые орехи. Стада также постоянно кочуют в поисках воды и пастбищ. Скот — самое большое богатство саванн.

Природа Западной Африки удивительна! То, чего не хватает на севере, в избытке имеется на юге. И наконец, полную неразбериху устроили сами люди, которые создали искусственные климатические границы, отведя каждой стране по кусочку от каждого пояса. Поэтому мы с вами, читатель, закроем географический справочник и сами постараемся изучить страну, в которую прибыли.

Ворота открыты

По приезде в Чехословакию вы в первую очередь познакомитесь с Прагой — резиденцией чешских королей и президентов, городом оригинальным и типичным, отразившим весь путь чешской истории. Во Франции таким же окажется Париж, в Италии — Рим, в Венгрии — Будапешт, и, наверное, так будет повсюду...

Когда европеец прилетает в Западную Африку, то исторические места — такие, как Тимбукту, Гао, Ифе, — пустыни, рыбацкие хижины сначала для него всего лишь точки под крылом самолета. Его первые впечатления — это не города и вообще не то, что характерно для Африки, как сегодняшней, так и вчерашней. Он знакомится с бетонированной дорожкой современного аэродрома одного из городов, о которых еще совсем недавно, каких-нибудь семьдесят лет назад, никто не слышал. Известно лишь, что здесь имелся торговый центр с рынком. Таков, например, Дакар, построенный в середине прошлого столетия. Точнее говоря, именно в это время тут возвели здание французской миссии. Современный большой город Абиджан еще в конце 1924 года был не чем иным, как кольцом хижин вокруг нескольких домов первых европейских поселенцев и первой станцией железной дороги, ведущей в саванны. Столица Гвинеи Конакри в 1897 году насчитывала всего три тысячи жителей. А старый город Аккра еще в прошлом веке состоял из двух колониальных поселений около бывших рабовладельческих крепостей.

Итак, в силу обстоятельств, первые впечатления иностранца благодаря современным коммуникациям, сложному политическому положению и административному делению, создавшемуся за несколько последних десятилетий на побережье Западной Африки, остаются от больших городов, о которых еще совсем недавно, каких-нибудь сто лет назад, не знала сама Африка. Теперь здесь есть города, как бы символизирующие многоликую Африку сегодняшнего дня. Разные времена, различные стили определяют внешность главных улиц, прилегающих к ним кривых колоритных переулков и типичных африканских базаров.

Насколько легко фотографировать и снимать на кинопленку эти красочные города, настолько трудно о них писать. Они имеют что-то общее и в то же время так не похожи друг на друга. В каждом из них сохранился бывший центр европейской колониальной администрации, отличающиеся один от другого лишь в зависимости от лица страны-колонизатора. Поэтому я и хочу предложить вам дважды пройти через ворота Западной Африки.

Мы пойдем по принадлежавшему некогда французам Дакару и Аккре, где раньше хозяйничали англичане, и я уверен, что сравнение этих двух городов даст вам возможность понять многое.

Дакар первым лежит на нашем пути. Начнем с него.

Когда я летел в Дакар, все мне казалось таким простым и обыденным. В самолете сидели студенты и стажеры, возвращающиеся домой из Европы. Их было намного больше, чем европейцев, и для большинства из них Дакар — столица Французской Западной Африки² — город их студенческой молодости.

Когда самолет сделал первый круг над Дакаром и дал резкий крен на одно крыло, белые здания столицы стали четко выделяться на фоне голубовато-зеленого моря и равнин, покрытых зеленым ковром. Студенты, не обращая внимания на требование пристегнуть ремни, забегали от окна к окну и возбужденно заговорили:

— Смотри-ка, вон наш лицей!

— А там футбольное поле!

— А вон там, левее, под крылом, тот ресторанчик, ну, помнишь...

В такой обстановке сразу начинаешь чувствовать себя словно в туристском автобусе, который следует по местам, где прошла юность его пассажиров.

Все сразу замолчали, как только самолет опустился на взлетную полосу и мягко побежал к зданию аэропорта.

— Дамы и господа, — раздался голос из репродуктора, — наш самолет совершил посадку на аэродроме в Дакаре!

² Административным центром Французской Западной Африки Дакар был до 1960 года, когда стал столицей Сенегала.

— Я всегда немного нервничаю, когда самолет приземляется в Дакаре,— сказал мой сосед, темнокожий марокканец.

Я понимал его состояние. Дакарский аэродром расположен на полуострове, который заканчивается знаменитым Зеленым Мысом. Взлетная полоса начинается вблизи от океанского берега, поэтому самолеты вынуждены разворачиваться над океаном и перед посадкой низко проходить над водой. Голубые волны Атлантики, которые с высоты кажутся такими маленькими, грозно надвигаются на стальных птиц. Говорят, что время от времени океан поглощает их. Поэтому мой сосед и улыбнулся так радостно стюардессе, первому человеку на твердой земле. Она проводила нас под палящими лучами октябрьского солнца к белому турникету, за которым из окошечек под надписью «Santé — Police — Douane»³ выглядывали строгие лица чиновников, одетых в белые халаты, накинутые поверх униформы сенегальской полиции.

Если вам повезет (или не повезет), то к этому можете прибавить еще образ африканского эскулапа, нагревающего на спиртовке воду для кипячения игл, которые тем, кто не пожелает считаться с его советами, могут показаться слишком длинными. Возмущаться здесь нечем: ведь совсем еще недавно тут свирепствовали тропические болезни, и лишь благодаря этим длинным иглам они сохранились только в воспоминаниях.

Теперь остается занять очередь к таможенному чиновнику, осматривающему чемоданы, и наблюдать за всем, что происходит вокруг. Здесь, в зале, собралось столько представителей различных национальностей, сколько живет их друг около друга в Западной Африке, в нашем XX веке.

Вот женщина-бобо из Уагадугу, столицы Верхней Вольты, кормит грудью своего четвертого ребенка, в то время как остальные бегают вокруг нее. Сирийский или ливанский торговец разговаривает со своим пакистанским или индийским коллегой; около них — студенты, вернувшиеся после двухгодичного обучения в Европе, и, конечно же, вылощенные и затянутые в черные костюмы африканские чиновники или дипломаты.

³ Медицинский пункт — полиция — таможня (франц.).

Все эти люди будут вести переговоры с таможенниками о чемоданах, визах, спорить о каждом лишнем килограмме багажа. Кто-то поставит печать в вашем паспорте, будет копаться в белье и носках, перелистает странички карманного словаря, который вы везете с собой, и на ухо предложит «выгодно» обменять валюту на чеки. Наконец, носильщик вынесет вещи, микроавтобус авиационной компании проглотит вас в своем чреве, а через минуту вы уже будете кружиться по предместью города, отдавая дань благодарности лошадиным силам, заключенным в моторе.

Дакар приветствует путников прекрасной асфальтированной автострадой. С каждым ее километром по обе стороны дороги, как грибы, вырастают дома, и движение транспорта становится все более интенсивным. Шоссе расширяется, и вот наш микроавтобус уже выезжает на центральные улицы города, потом сворачивает на небольшую тихую улочку с гостиницей под пышным названием «Отель де ля Пэ», где выгружает путешественников. Оставим их там отдохнуть, умыться, переодеться в легкие тропические костюмы и подготовиться к прогулке по городу, а мы тем временем заглянем в путеводитель, чтобы получить основные сведения о Дакаре.

На карте этот город появился впервые в 1750 году. Уже договор 1764 года говорит о том, что французы получили земли между Дакаром и Бином. Но превращение Дакара из маленькой рыбацкой деревеньки в современный большой город произошло совсем недавно и шло исключительно быстрыми темпами. С хозяйственной точки зрения место было очень выгодным. Хороший природный порт, закрытый от северо-восточных и западных ветров. Стоило его только оснастить современным оборудованием и закрыть от ветров с юго-западной стороны, как дальнейшая судьба Дакара обеспечена. Ему заранее был предопределен расцвет и как городу, и как порту на самом западном мысе африканского побережья, и как аэродрому, лежащему на пути из Европы в Латинскую Америку.

Уже через шесть лет после открытия первого железнодорожного сообщения между бывшей столицей Сенегала Сен-Луи и Дакаром (то есть в 1891 году) в городе насчитывалось неполных девять тысяч жителей, а к на-

чалу первой мировой войны число их достигло почти двадцати пяти тысяч! После 1931 года город вырос вдвое, а за пять последующих лет — еще вдвое. Теперь в Дакаре более тридцати тысяч жителей. Для Западной Африки такая цифра говорит о многом. По числу населения Дакар представляет собой исключение из всех больших африканских городов. Город рос как дополнение к порту, аэродрому, железнодорожному узлу, наконец, как административный центр бывшей французской колониальной Африки. Поэтому он своеобразен и несколько необычен.

Отложим, однако, в сторону путеводитель и вернемся к нашим путешественникам, которые направляются в город. Дакар представляет собой довольно занимательный симбиоз стран Южной Европы и Африки. Чувствуется это сразу, стоит лишь бросить взгляд на улицу. Множество европейцев прогуливаются по тротуарам рядом с африканцами. Десятки и сотни таксомоторов предлагают свои услуги. Однако водители «симок» и «пежо» напрасно выкрикивают свое «такси, господин!»: машинами пользуются редко. С октября по июль в Дакаре стоит в основном приятная и нежаркая погода, напоминающая климатические условия средиземноморского побережья Ривьеры.

Прохожих на улицах города соблазняют не только таксисты, но также продавцы различных мелочей и чистильщики обуви. В Дакаре можно чистить ботинки раз по десять в день, обуви это не повредит, на содержании вашего кошелька отразится мало, а вы дадите возможность бедняку заработать себе на кусок хлеба.

Бродя по городу, можно постепенно познакомиться с различными сторонами его жизни и двумя частями света, которые сосуществуют тут бок о бок. Своими широкими улицами—такими, как авеню Вильяма Понти, окаймленное одноэтажными и двухэтажными старыми домами, или такими, как авеню Альберта Сарро с модными магазинами. Дакар напоминает африканского щеголя, подражающего всему французскому. На тротуарах на французский манер расположились десятки небольших ресторанчиков с маленькими или большими садиками и верандами, выглядывающими на улицу из-под цветных защитных зонтиков. За стойкой — касса-автомат, издающая мелодичный звон при каждом расчете, как бы предупреждая, что она собирается залезть в карман входя-

щего посетителя. Здесь обычно царит французская мадам, присматривающая за местными официантами, которые ходят заказывать к ней каждое блюдо и только потом, с блокнотами в руках, шествуют на кухню. Гостя, у которого есть деньги — или можно предположить, что они у него есть, — встречают с патриархальными почестями, а если его приход совпадает со временем обеда или ужина, то навстречу выходит и сам хозяин. В больших ресторанах этот ритуал исполняет метрдотель, он же и подзывает мальчика, чтобы тот принес меню. Кухня в этих ресторанах типично французская. Местные национальные блюда почти никогда не подаются. Гость может пообедать или поужинать, посидеть за стаканом вина или чашкой кофе, наблюдая при этом за жизнью улицы.

Космополитический напиток кока-кола подается здесь наряду с кофе; причем кока-кола прекрасно охлаждают, а кофе не менее прекрасно варят, цены же соответствуют всем этим качествам. Но царь всех напитков, конечно же, вино! Красное, белое, розовое — все как во Франции! Вино тут дешевле других напитков, кроме содовой и минеральной воды.

Яркие зонты, цветные занавеси, сверкающие вывески ресторанов и ресторанчиков — все это привлекает прохожих. Чиновников местных банков можно здесь встретить рядом с европейскими и арабскими торговцами, моряки из дальних портов развлекаются с местными девицами, и тут же сидят две африканские монахини, у которых голова кругом идет от стаканчика лимонада. Характер офранцузившегося города подчеркивает и целый ряд магазинов на центральных улицах. В магазине Принтания вы можете купить все — от расчески до легкового автомобиля. Большие фешенебельные магазины промышленных товаров конкурируют с маленькими лавчонками, где продаются знаменитые французские сыры. Франкомания Дакара отразилась и на книжных магазинах, где вы приобретете любую новинку французской литературы. Очевидно, так обстоит дело во всех бывших колониях Франции. В кинотеатрах демонстрируются дублированные на французский язык фильмы, в том числе голливудские о ковбоях или на любовные сюжеты. В больших городах можно увидеть и хорошие французские картины.

Интересна архитектура Дакара. Большие и современные дома, где размещаются банки и учреждения, встре-

чаются не только в центре города, а шикарные виллы дакарских богачей — не только в предместье. Самое красивое и самое современное здание — это, пожалуй, университет и комплекс построек для научно-исследовательских институтов Дакара. Среди них особенно выделяется здание научного института Тропической Африки, до сих пор сохранившего название «Французский институт Черной Африки», а также новые больницы и школы. Школьные здания привлекают не только сверкающим металлом и стеклом. Главное состоит в том, что бесплатное обучение перестало быть сном, оно воплотилось в действительность и стало здесь вполне обычным явлением.

В «исторических» кварталах Дакара, около вокзала, порта или административного центра, можно познакомиться с самыми разнообразными «патриархальными» стилями. Маленькие приземистые домики начала нашего столетия чередуются с современными трех-четырёхэтажными домами. Стоит свернуть за угол, как перед глазами откроется десятиэтажный дом из металла и стекла — символ XX века, украшающий улицы города.

В этом европеизированном Дакаре только мода не носит слепого подражания французской, хотя когда-то ей были подвержены все города на юге Средиземного моря. Французского покроя пиджак тут модернизировали применительно к особенностям африканской фигуры и, конечно же, в соответствии с сезоном.

В городе пока еще сохранились статуи бывших французских губернаторов, некоторые улицы названы в честь французских завоевателей, но жизнь здесь уже новая, своеобразная, на которую Африка, близкая и далекая, оказывает свое влияние. Чтобы почувствовать это, достаточно свернуть с больших улиц и площадей, пройти по улочкам портового района или по узеньким труднопроходимым переулкам африканской части города, так называемой Медины.

Здесь вы не найдете французских рестораников с их цветными зонтиками. Роскошные магазины сменились тут маленькими лавками, где продают любые товары. Кока-кола или лимонад в этих местах стоят в четыре раза дешевле, чем в городе, и в два раза, — чем в магазине Принтания. За лавками теснится множество маленьких ларьков, где торговля ведется даже на перевернутых

вверх дном корзинах или бочонках. Уличные торговцы продают свой незамысловатый товар. Так же торгуют и в других африканских городах — Аккре, Порто-Ново или Конакри. Запах бензина на улицах поглощают запахи жареной рыбы, арахиса, джема и других африканских деликатесов. Французское эскимо заменяют кусочки густо наперченного бараньего мяса, хорошо прожаренного на вертеле.

В городе живут выходцы из самых разных областей Сенегала или других уголков Западной Африки. Приезжают они сюда либо в поисках работы, либо их привлекает торговля, а иногда и стремление просто попасть в Европу, так как из Дакара уходят самые большие пароходы и билеты здесь стоят дешевле. В городе можно встретить волофов, серери из ближайших районов, фульбе и малинке с сенегальско-малийских границ и бобо из Верхней Вольты. Живут здесь и хауса, встречающиеся повсюду, да и представители других народов, дома которых где-то далеко от этих мест: на берегу Гвинейского залива, в Сьерра-Леоне или на Береге Слоновой Кости. Сенегальцы в большинстве своем мусульмане, что подтверждает большое число мечетей в африканской части города. Это совсем маленькие и зачастую непривлекательные строения в Медине и других кварталах. Однако местные жители, вне зависимости от цвета кожи: черной, коричневой, а иногда и белой (белых арабов всегда было много в этих краях), которые идут поговорить с богом, легко отыскивают их по каким-то одним им известным приметам.

Для неверующих туристов или скорее всего для рекламы с крыш мечетей центральных улиц раздается голос муллы, записанный на магнитофонную пленку и усиленный динамиками; он призывает верующих вспоминать и думать об Аллахе.

Мелодии вальса, льющиеся из громкоговорителя, сливаются с гулом автомашин и радиопередач из соседнего большого магазина или кинотеатра.

Наступают сумерки, и в шум городских улиц вливаются звуки колокола католического собора, воздвигнутого миссионерами. Самый большой собор Дакара — «Катедраль дю Сувенир Африкан». Строительство его было начато в 1923 году в стиле, который трудно сразу определить благодаря византийскому влиянию и африканской

реминисценции. Около него приютился целый ряд маленьких костельчиков и один большой — протестантский.

Об анимизме⁴ в этих краях почти ничего не слышно, официальная статистика его вообще не упоминает. Разнообразие и пестрота вообще характерны для Дакара. Старые традиции, принесенные из дальних краев, вступают в бесполезную схватку с жизнью современного большого города, поглощающего их многочисленных носителей различными уголками Дакара. Город очень быстро разлагает традиционный племенной и родовой уклад жизни, но все это протекает далеко не так просто, как кажется европейским авторам.

В обстановке космополитизма, под сильным влиянием бывшей столицы французской колонии, этот процесс идет быстрее, что, очевидно, связано с тем, что между космополитическим лицом Дакара и его африканской основой возникла действительно большая пропасть. Ведь Дакар был когда-то фактической столицей всей Западной Африки, и притягательная сила его действовала на многих представителей различных национальностей и племен. Определенную роль сыграла также французская ассимиляция, хотя в африканском районе города еще встречаются различия, связанные с родовыми или племенными традициями и вероисповеданиями.

Когда над Дакаром опускаются сумерки и город готовится ко сну, черные и белые владельцы ресторанов закрывают свои заведения. Кончатся споры об африканском единстве, о вере, о красоте женщин, допито вино и кофе, кока-кола и соки, чистильщики сапог складывают свой нехитрый инструмент и отправляются по домам. Ложатся спать обитатели Медины и портовых районов, прекращаются работы и Дакарского порта — одного из самых больших в Западной Африке. Редкие прохожие спешат домой по главным улицам, а в многочисленных переулочках после тяжелого трудового дня собираются группы людей. Они присаживаются на разостланные рогожи и ведут тихую беседу. А поговорить и поспорить о том о сем любят больше всего в центре Медины. Здесь нет яркого электричества, нет уличных фонарей, их тут

⁴ Анимизм — вера в существование душ и духов, в наличие фантастических, сверхъестественных существ, будто бы управляющих предметами и явлениями материального и нематериального мира.

заменяют маленькие лампочки, точно такие же, как в небольших городах и деревнях по всей Африке.

Дакар издавна считают не только пограничным пунктом между Европой и Америкой, но также и между Европой и Африкой. В этом, несомненно, есть доля истины.

У меня была возможность близко наблюдать Леопольда Сенгора — знаменитого поэта и президента Сенегала, — в тот момент, когда он вместе со своей женой, француженкой по происхождению, принимал в честь открытия нового банка парад почетного караула на ступеньках этого современного многоэтажного железобетонного здания. Я говорил с рыбаками, промышлявшими за городом на заливе, прошел всю Медину, торговался на базаре, покупал страсбургские паштеты в магазине Принтания. Я прослушал лекцию о будущем африканской литературы, спорил со студентами Дакарского университета. Я наблюдал, как десятки и сотни людей пытаются найти хоть какую-нибудь работу. (Несколько фабрик по переработке сельскохозяйственных продуктов, порт, школа, административные учреждения, большие и маленькие ремонтные мастерские пока еще не могут обеспечить всех работой и предоставить им тем самым средства к существованию.)

В результате я понял, что контрасты тут возникают не только из-за оптической смены света и тени или изменения цветовой гаммы, которую невозможно передать даже с помощью цветной фотографии. (К сожалению, как кинооператору мне не повезло: все, что я заснял на пленку в Дакаре, было засвечено при проявлении.)

Я с грустью покидал столицу Сенегала, потому что мало на свете найдется людей, кому не понравился бы этот город. В то время я еще не знал, что перевалочным пунктом между Европой и Африкой служит не только Дакар, но, по сути дела, все большие города на западно-африканском побережье. Однако лишь немногие из них заслуживают наименования «космополитических денди с французской насмешливой улыбкой среди африканской экзотики», как когда-то говорили о Дакаре.

Сами обстоятельства вынуждают меня проводить сравнение между теми городами, которые еще так недавно отличались французскими манерами, и теми, где предпочитали пить крепкий английский чай...

Самолет постепенно опускается, приближаясь к земле. Тропические сумерки, которые так же быстро сменяет ночь, как после них наступает день, спустились над морем. Четырехмоторный лайнер ганской авиакомпании летит еще некоторое время над прибрежной полосой, затем идет на разворот — и вот уже под его крыльями загораются огни большого города.

Пожилой швейцарец с желтым лицом от многолетнего употребления хинина и длительного пребывания в тропиках возвращается после короткого отпуска из Швейцарии в Аккру. Еще до того, как машина пошла на посадку, где-то над тропическим лесом между Берегом Слоновой Кости и Ганой, он уже нетерпеливо поглядывал в окно и успокоился только тогда, когда стал хорошо виден город, сияющий огнями улиц, и сверкающая авеню Кваме Нкрумы начала стремительно приближаться к самолету.

— Знаете,— сказал он с той доверчивостью, которую обычно испытывают люди, когда хотят поведать кому-нибудь о том, что любят,— всегда ужасно радуюсь возвращению домой.

Потом швейцарец замолчал и уже ничего больше не говорил до самой посадки.

Сколько раз я вспоминал слова моего случайного попутчика, мысленно возвращаясь к этому необыкновенному месту на земле, носящему название Аккра!

Первое, что чувствует тут человек, если даже он приезжает на короткое время,— это полное отсутствие того налета космополитизма, который так характерен для Дакара. Здесь тоже есть несколько главных улиц, несколько больших современных зданий европейских компаний, несколько крупных гостиниц. Однако в больших отелях туристы еще и сейчас сталкиваются с привычным для живущих в тропиках англичан распорядком дня. В ресторанах отелей обычно встречаются несколько английских блюд. Иногда это ветчина с яйцом и очень крепкий чай, хлеб с сыром, маслом или джемом, по-европейской традиции или, вернее, по той, которая издавна царит на островах. Лишь кусочек ананаса или стакан сока напомнят, что вы находитесь в Африке.

Залы и рестораны в отелях оформлены с пуританской строгостью, музыка изгнана в ближайший бар. К сожалению, это пуританство отразилось также и на меню.

Я вспоминаю первый ужин в темном, по-английски чопорном зале. Все было как в Европе, и только ящерица, пробежавшая около меня по стене, нарушила это впечатление. Она спряталась за большим вентилятором, который, разумеется, не работал.

На веранде отеля гости пьют вездесущую кока-кола, не отказываясь при этом и от пива. В Дакаре вы никогда не найдете пива. Это просто невозможно!

Другое дело Аккра. Крепкое немецкое пиво конкурирует здесь с датским «карлсбергом», найдете вы и «пильзенское» и «будвар» из Чехословакии. Доставка чешского пива обходится довольно дорого, но возят его сюда издавна, потому что в тропиках от немецкого пива основательно побаливает голова. Отдают должное в Аккре и ганскому пиву «Клуб и Стар».

Всюду, кроме прохладных залов отелей, зданий банков и универсальных магазинов, встречаются традиционная и новая Африка. Ее влияние на большой город дает удивительные результаты. Ничего подобного невозможно встретить в европейских столицах.

Мы идем по авеню Кваме Нкрумы, аккуратно перепрыгивая через канавы, которые отводят здесь воду в период дождей, минуем Бэркли бэнк, Бэнк оф Вест Эф-рика, Гана комэршл бэнк, заглядываем в универсальный магазин Гана нэшнл трейдинг корпорэйшн, где можно купить все: и африканские сувениры, и романы Агаты Кристи.

Большие универсальные магазины имеют свои собственные стоянки для автомашин. В центре современного и быстро растущего города это уже редкость. Попробуйте-ка в часы пик поставить где-нибудь машину! Торопиться в это время на такси бессмысленно: вам придется долго выстаивать на перекрестках в ожидании, пока рассосется пробка. Таксисты грустно смотрят перед собой и даже не предлагают своих услуг.

Современная архитектура Аккры не только не уступает дакарской, но даже превосходит ее. Строгие белые и серые полосы стекла, перемежающегося с железобетоном, создают ту основу, которой руки художника придают особый стиль и выразительность. Такие же дома есть и в Дакаре, но лицо Аккры определяют не они, а изящные современные виллы, постепенно проникающие в самые различные кварталы города. Здесь много строят;

и не только здания министерств, почт, школ, банков и магазинов, но и маленькие домики, где большей частью живут африканцы. Около огромных и современных зданий университета, Аккрского музея, Публичной библиотеки, Африканского отделения ЮНЕСКО мы найдем десятки и сотни жилых домов вполне современной архитектуры. Старые дома либо одноэтажные, либо построенные на сваях. Жилое помещение расположено наверху — здесь намного прохладнее, а внизу, на первом этаже без стен и окон, размещаются гараж и склад.

Когда проезжаешь мимо такого района, то не знаешь, чему отдать предпочтение — элегантности этих домов или их практичности и удобству.

Сразу же за современными домами, прямо за углом, начинается другой мир — мир африканских базаров. Возникает он совершенно неожиданно: перед глазами появляется множество маленьких магазинчиков и продавцов, которые сидят по обеим сторонам улицы возле своих товаров. Возвышаются горы различных фруктов, орехов кола, арахиса, блестящих на солнце банок привозных консервов. Здесь же можно найти гребни, украшения, дешевые ткани, рогожу ручной работы, матрацы, набитые степными травами. Около продавцов сувениров из кожи сидят те, кто вложил все свои капиталы в блестящие браслеты для ручных часов. Рядом продают дешевые часы, вывезенные, очевидно, контрабандой из Того. Каждый торгует по-своему. Одни с безразличным видом сидят в тени около стены или дома, другие стоя рекламируют товар, а третьи ходят по улицам и, играя на различных инструментах, зазывают покупателей. Посреди базара находится «лорри». Это как раз то самое место, откуда выезжают разрисованные «мамми-лорри».

Остатки пищи, дым небольших печурок, на которых ее готовят, ламповое масло, трава, которой набиты матрацы, — все это издает такой аромат, что сразу же можно догадаться: рынок где-то совсем близко. Тут не только продают и покупают, но и договариваются, выясняют, заключают договора. На рынке можно даже побриться у местного парикмахера, бритвы которого сделаны из лучшей стали. Здесь никто никуда не спешит; спорить и торговаться можно до упаду.

— Что стоит вон та твоя плетка?

— Пусть меня проклянут боги, но уж никак не меньше пяти шиллингов!

— Пять шиллингов? Сумасшедшая цена!

Покупатель то отходит от продавца, то снова возвращается к нему, совершая этот ритуал бесконечное число раз.

— Ладно,— кричит в конце концов продавец,— бери ее за два шиллинга, иначе я совсем разорюсь, и так уж я обокрал свою семью! Дешевле не продам, не видать мне в жизни счастья!

— Даю шесть пенсов!

— Ну, так и быть, уж если ты опять тут, забирай товар! Теперь мне уже не придется купить себе кожу, поползу домой на коленях, как самый последний нищий!

Через минуту, когда покупатель исчезает в толпе, продавец произносит довольным тоном:

— Вот это удача!

После чего он спокойно потирает руки и снова расхваливает свой товар.

Разница между спросом и предложением иногда так велика, что торговля затягивается надолго. Стараясь удержать покупателя около товара, ему предлагают тогда маленькую скамеечку. Это может рассматриваться также и как признак особого уважения, которым пользуется покупатель. Теперь поговорят о погоде, о здоровье, о семье и еще бог знает о чем, и только после этого начнется деловой разговор. Некоторые места на базаре пустуют, так как соседи ревниво берегут их для своих земляков. На стенах можно часто увидеть различные надписи: «Ауду, приготовь мне два ремня», «Я уехал в Лагос и не знаю, когда вернусь», «Пусть тебя растерзает собака: ведь та веревка, что ты мне продал, порвалась!». Под этим проклятием начертан ответ: «Так было, наверное, суждено». Надписи венчают обрывки плаката, призывающего посмотреть фильм «Коричневая змея», в котором можно увидеть «столько убийств, сколько вам в жизни не приходилось видеть, да к тому же еще и индийский танец с мечом!». Уже на самом верху царит выгоревшая на солнце официальная надпись: «На базаре не испражняйтесь!».

Стоит пройти дальше, к центру базара, как, словно по мановению волшебной палочки, остается далеко за спиной современный город; дома и домишки по обеим

сторонам улиц становятся все меньше и ниже, а магазинчики и ларьки преграждают путь, вы вынуждены буквально протискиваться между ними, приглядываясь, куда поставить ногу. Крики торговцев, резкие запахи пищи, смрад от отбросов у лавок мясников кружат голову.

Уходя с африканского базара, вы переполнены впечатлениями и не сразу заметите, что началась городская улица. Кажется, это все еще боковые проулки базара.

В центре Аккры переулки заасфальтированы, но дома невысокие, движение небольшое, не то что на главных улицах, которые вместе с цивилизацией унаследовали нервозность и бешеный ритм XX столетия.

Прохожие говорят на одном из африканских языков, в костюмах же много общего, у некоторых даже одинаковая татуировка на лице.

Гуляя по улицам, вы не устоите от соблазна выпить в одном из маленьких магазинчиков стаканчик кока-кола. Напиток не будет холодным, но подадут его с приветливой улыбкой, и продавец, старик африканец, удостоит вас неторопливой беседой.

Если говорить по-английски, интересной беседы не получится. Другое дело разговор на родном языке. Весь этот район, как правило, населен людьми одной национальности и, собственно, представляет собой что-то вроде большой африканской деревни, перенесенной на городские улицы и в городские стены. Туристы, начитавшиеся справочников и рекламных статей в путеводителях, ищут в Африке экзотики; ею их соблазняют и гиды. Но они не замечают, что именно тут, на узких улочках, вдали от городского шума, и по сей день сохранились старые традиции и самобытная культура, что некоторые районы города на редкость индивидуальны, живут своей собственной жизнью вблизи асфальта центральных улиц и площадей.

Вождь, традиционная слава и сила которого уже ограничены современными городскими порядками, все еще сидит где-нибудь на веранде своего дома и разбирает спорные дела соплеменников. На его дом указывают стрелки, нанесенные представителями местной администрации, под которыми на двух языках значится: «Дом вождя».

В бывших колониях иногда применялись в качестве официальных и африканские языки, особенно те из них, которые имеют письменность. Традиции тут сохраняются тем упорнее, чем скорее их пытаются искоренить и подчинить требованиям современности и общества. Если вождь отложил все свои важные политические дела и уехал, на крыше его дома вывешивают флаг; он может где-нибудь путешествовать или как посланец местного самоуправления, или как высший административный чиновник. Иногда он просто занимается торговлей. Может случиться и так, что ответственный государственный чиновник, близкий родственник вождя, проводит вас по поселку, бросит где-нибудь на главной улице свой «оппель» или «паккард», а вместе с ним и черный официальный костюм. Его будут приветствовать по традиции — то поклоном, то улыбкой, а иногда и низко склоняясь в знак уважения, или же совсем по-местному — приседанием и тихими аплодисментами.

В тех местах, где традиции продолжают жить, вас это не удивит. Как раз здесь асфальтированные улицы, городские домики и сигналы американских лимузинов покажутся чем-то необычным. Но тем удивительнее станет поклон, которым сторож приветствует директора как своего соплеменника в какой-нибудь ультрасовременной, вновь построенной школе.

На улицах, где живут люди разной веры, встречаются и школы различного типа. Посреди маленькой площади растет огромный баобаб, под ним врыто в землю несколько скамеек для учеников. Рядом стол, около которого стоит учитель. Это мусульманская школа; тут по несколько часов в день обучают славить Аллаха, точно так же, как совсем рядом, в миссионерской школе, познают бога всех христиан...

Сразу чувствуется, что этот большой город на берегу Гвинейского залива не только космополитический центр. В нем, собственно, несколько центров, несколько своеобразных поселков, населенных людьми различных национальностей; в них протекает жизнь, в которой традиционное приспособляется к современному.

Центр города — место, где новое обрело свои права. Когда-то это, очевидно, был рынок, где собирались различные племена. Интересно, что именно на рынке прекрасно уживались все африканские языки еще задолго

до прихода колонизаторов. Однако цивилизация приносит с собой и новые возможности. Появились крупные мастерские, порт и вокзал, а в последнее время вырастают и фабрики, где работают люди вне зависимости от национальной принадлежности, веры и происхождения. Поначалу все постоянно возвращаются к привычным жилищам, но чем дальше, тем чаще уходят они на поиски работы или открывают где-либо свою собственную торговлю. И именно здесь, в столичных городах западноафриканского побережья, удобнее всего наблюдать сложный процесс формирования современного общества.

Аккра, Дакар и другие крупные города Гвинейского залива с их морем огней и многоэтажными домами перестают быть всего лишь красочно разрисованными кулисами, пристанищем туристов на короткое время, они становятся воротами, через которые из Европы и Америки лежит путь в Западную Африку, воротами в настоящее, а может быть, и в будущее.

Когда люди хотят договориться...⁵

Во всем мире считают, что чехи страстно интересуются национальными и языковыми проблемами других народов. Это не так уж удивительно, если учесть положение Чехословакии, расположенной на перекрестке в центре Европы. Наши знания о прошлом, о том, как формировались народы и национальности, помогают понять и оценить сегодняшнее положение в Европе.

Другое дело Западная Африка. Здесь все обстоит гораздо сложнее. О ее прошлом у нас сохранилось немного сведений. Мы очень мало знаем о развитии и формировании общества в этом районе земного шара. Известно, что в средние века в саваннах существовали большие государства, что после падения первого из них, знаменитой Ганы, западнее Судана, достигла своей мощи держава Мали. Старая Гана располагалась к северу от современной, которая и унаследовала от нее имя, восприняв его как программу на будущее.

Этническим ядром Ганы и Мали были народности севера — сонинке и малинке из группы мандинго. Гегемонию в Западном Судане после падения державы Мали установила империя Гао, а после ее гибели в северной части Западной Африки наступил период смут. Способствовала этому постоянно растущая погоня за людьми, которых продавали в рабство далеко за океан. Остаточные влияния мощных держав в суданской саванне перекрещивались с постоянно растущим хозяйственным влиянием городов хауса (в области современной Северной Нигерии).

О народах тропических лесов и джунглей Либерии, Гвинеи, Берега Слоновой Кости, Ганы, Того, Дагомеи и Южной Нигерии мы знаем значительно меньше, чем о судьбах народов, населяющих саванны и степи, сведения о которых проникали в Европу благодаря посредничеству арабов. Еще скуднее данные о странах, расположенных на северных границах джунглей, вплоть до побережья Атлантического океана. Они проникали в Европу через посредство первых мореплавателей, которые пытались

⁵ Глава дается с небольшими сокращениями.

найти путь в богатую Индию, а попадали в Африку. Когда-то, в XVI—XVII столетиях, в этих местах возникали и развивались такие государства, как Бенин и города-государства йоруба, позже сложились Дагомейская держава, с центром в Абомее, и Ашантская держава, на территории центральных областей современной Ганы, и некоторые другие.

О народах, языке, прошлом этих государств мы знаем очень мало. Сейчас мы находимся в таком же положении, как и несколько лет назад, то есть на уровне современных знаний, познавая жизнь Африки в том виде, в котором она теперь проходит перед нашими глазами.

Когда языковая карта Африки хоть о чем-нибудь говорит нам — это прекрасно, гораздо хуже, когда она просто молчит или данные ее неверны. В этом не виноваты авторы карты. По целому ряду областей мы располагаем старыми и неточными данными о языке того или иного народа, данными, полученными подчас от людей, которые не в состоянии даже отличить один язык или один народ от другого. Над этим стоит задуматься.

Население всей Западной Африки от устья Сенегала до озера Чад и до восточных границ Нигерии говорит на сотне различных языков. Причем речь идет о названиях, а не о количестве: ведь языки трудно считать поштучно. Очень часто довольно сложно определить, язык это или диалект одного и того же языка. В Западной Африке обычно насчитывают шесть языковых групп. В южной части Нигерии, Того, Дагомее, Гане и в Береге Слоновой Кости африканцы говорят на языке одной группы, которую часто называют КВА.

Далее на запад от Берега Слоновой Кости и в Либерии — в основном ее центральной части — к группе языка КВА присоединяется другая группа, называемая КРУ, которая в свою очередь в Центральной Либерии сливается с так называемой атлантической или западноатлантической группой. В глубине континента говорят на языках других больших групп, например в Северной Нигерии — на семито-хамитских.

Между языковыми группами КВА и семито-хамитской располагается целый ряд языков, распространенных среди населения отлогих ложин нагорья Джос и жителей приграничных областей Камеруна, а также те, которые трудно отнести к той или другой языковой группе. Далее

на запад, в центральных и северных областях Дагомеи, Того, Ганы, Берега Слоновой Кости и прежде всего Республики Верхняя Вольта, говорят на языках, которые иногда относятся к моси-гуси.

К юго-востоку от атлантической языковой области распространены языки группы мандинго. Поиски родственных связей отдельных языков, к сожалению, еще не увенчались успехом. Ведь от начала регистрации и систематизации африканских языков прошло всего лишь неполных два столетия.

Первые попытки описать богатство и многообразие африканских языков — прежде всего западно-африканских — относятся к интереснейшему времени в истории человечества. Скорее символически оно связано с концом позорнейшего периода истории Африки — периода работорговли. После того как сильнейшие в то время европейские державы — Англия и Франция — запретили торговлю рабами, она продолжала приносить немалые прибыли другим странам: ведь после первого официального запрета вывоза рабов из Африки их стоимость на рынках Америки и Бразилии повысилась. Морские державы контролировали этот запрет довольно нерадиво, и торговля людьми процветала. С течением времени контроль взяла в свои руки Англия, которая была, конечно, заинтересована в том, чтобы ее будущие колонии не слишком обезлюдели. Английские законы хотя и очень строги, но чересчур консервативны. Поэтому, если захваченный корабль от трюма до палубы набит черными рабами, но задержан где-нибудь на географической широте Лагоса или Порто-Ново, практически невозможно было на месте освободить черных пленников, а торговцев штрафовать, заключать в тюрьму или даже вешать, так как английский морской закон запрещал это. Полагалось отдать под суд капитана или владельца захваченного корабля. А так как морской строевой суд находился в старой английской базе Фритаун (современная столица Сьерра-Леоне), каждый схваченный корабль работорговцев следовало доставить именно туда, для чего необходимо было зачастую проплыть сотни миль. Строгости морского английского закона оборачивались в этом случае своей теневой стороной. Каждый английский корвет или фрегат мог захватить только один корабль работорговцев и сопровождать его до Фритауна. Таким образом, Фритаун стал местом

скопления африканцев, собранных практически со всех уголков Западной Африки, — из суданских саванн, гвинейских джунглей, с озера Чад и берегов Беню.

Во Фритауне-то и появился человек, которому пришлось в голову использовать эту возможность и познакомиться с различными языками и народностями обширных просторов Африки. Этим человеком оказался С. В. Кёль.

В 1854 году в Лондоне вышла его книга под названием «Polyglota Africana». Мало кто из тех, кому попал в руки этот словарь, понял, сколько терпения, труда, самоотречения и времени потребовалось С. В. Кёлю, чтобы создать эту работу. Материал, собранный в книге С. В. Кёля, до сих пор продолжает служить источником сравнительного изучения. Ценность труда прежде всего в том, что он представляет собой первую попытку заглянуть в область тех языков, о которых в то время с точки зрения лингвистической ничего не было известно. Однако в книге есть и целый ряд неточностей, ошибок, белых пятен, которые в те времена, конечно, невозможно было восполнить. С. В. Кёль собирал свой материал только во Фритауне. В тот период он не переступал границ Западной Африки. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что человек, который только что перестал быть рабом, конечно же, не был самым лучшим информатором по вопросам родного языка и его распространения, тем более что и сведения-то эти он знал лишь понаслышке. Поэтому материалы зачастую содержали ошибки, иногда чисто юмористического характера.

С тех пор прошло более ста лет, а доскональное изучение лингвистической карты Западной Африки все еще ждет своего исследователя.

Изучая языки некоторых районов Западной Африки, до сих пор пользуются материалами, собранными С. В. Кёлем. Так, например, одна очень хорошая лингвистическая работа о Западной Африке, изданная в 1962 году, базируется на его словаре. Существует мнение о необходимости переиздания работы С. В. Кёля с критическим комментарием.

Если вооружиться знаниями, которые накоплены за те сто лет, что прошли с момента издания книги С. В. Кёля, лучшим пособием должен явиться здесь труд под названием «Разговорник африканских языков».

Последней большой экспедицией, которая занималась

изучением и классификацией языков на так называемой судано-бантуской языковой границе⁶, был обнаружен целый ряд очень интересных явлений в горных районах джунглей Камеруна и Центральной Африканской республики, а также в саваннах близ озера Чад. На «джипе» или на лошади, на верблюде или пешком пробирались в глубь Африканского континента ученые, наблюдая за тем, где и как живут люди, говорящие на разных диалектах.

Трудность состоит в том, что разница между наречиями, диалектами и языком как единицей не всегда ясна, и взаимоотношения между тем, что можно считать языком, а что — наречием, в течение столетия меняются.

В Западной Африке можно привести достаточно примеров такого классического типа языка, состоящего из нескольких местных наречий, когда одно из них становится общепризнанной формой общения, а за последние десятилетия (в некоторых редких случаях и столетия) превращается в основу языка литературного. Так, например, для йоруба, на котором говорят жители западной области современной Республики Нигерии, основой стал диалект державы йоруба, располагавшейся около города Ойо. Там находится так называемый *алафин* («тот, кто имеет дворец», то есть король). На некоторых фазах развития общества йоруба *алафин* обладал самым большим влиянием во всей области. Поэтому этот диалект и стал, видимо, основой литературного языка. Диалект ойо — диалект горожан и влиятельных лиц йорубского общества — был понятен каждому и употреблялся при общении с африканцами, говорящими на других языках. Для того чтобы одно наречие выступило в роли литературного языка, вовсе не было необходимым его употребление в качестве официального языка административного центра.

Так, на примере языка хауса видно, что достаточно было большому хаусскому городу Кано, который после падения Сонгайского государства стал практически самым крупным торговым центром в Сахаре, распространить свое экономическое влияние на всю Западную Африку, чтобы этот язык сделался ведущим на континенте. Причем сосредоточения административной власти в Кано не произошло, скорее наоборот. Когда фульбе захватили

⁶ Граница больших языковых групп Африки, о которых нельзя с точностью сказать, что они являются самостоятельными.

города хауса, центр был перенесен в Сокото, а потом еще далее на юг.

Кроме языков и диалектов для Западной Африки характерны наречия. От традиционного понятия языка они отличаются тем, что не имеют определенного лингвистического центра. Но ни одно из наречий не испытало влияния специфических условий развития еще одного связующего звена. Так, например, за скопление диалектов принимаются очень близкие между собой северомандингские.

На землях, где теперь говорят на малинке-бамбардиула, в XIII и XIV столетиях находилась одна из самых мощных держав Западной Африки. Из дошедших до нас источников известно, что она имела совершенную организацию и объединялась в очень сильное единое государство. В XV столетии ее мощь постепенно пошла на убыль, а политическое влияние становилось все меньше и меньше. В конце концов она дошла до уровня незначительного племенного государства.

Другим типом языкового обобществления, отличающегося от наших европейских понятий, является так называемый самостоятельный диалект, самостоятельное наречие. Иногда говорят и о самостоятельных племенных языках. Речь здесь идет о языковых объединениях с меньшим или большим количеством участников, родственность которых с соседними языковыми обществами является как будто бы довольно отдаленной либо ее окружает языковое общество, которое не является ему родственным.

Иногда возникает ситуация, при которой это так называемое изолированное наречие имеет родственные диалекты в странах, находящихся на большом расстоянии от места его возникновения. Поэтому можно сказать, что речь идет о языковых островках, оторванных от собственного объединения. Подобные примеры можно найти и в Европе, например турецкий островок на Балканах. Для Западной же Африки такое положение нередко. Оно носит название — диаспора.

Так, например, в диаспоре живут фульбе, разбросанные островками по всей Западной Африке от Сенегала до озера Чад, а также хауса, диула и другие народы. Сезонное переселение жителей Западной Африки в наше время, а также изменения быта часто преждевременно увеличивают число таких языковых и национальных островков.

В некоторых случаях изолированное наречие становится, правда, исключительным, а страна его преобладания — единственной, где говорят на данном языке. Такое языковое общество существует, например, в языковом родстве КРУ, в Восточной Либерии и на западе Берега Слоновой Кости.

Разбросанными островками представляются некоторые языковые объединения группы мандинго в Верхней Вольте. Все эти особенности языковых обществ являются, разумеется, рабочим разделением, основой схемы, на которую можно опираться при попытке заполнить пробелы в наших знаниях на карте. Действительность, как всегда, нарушает все схемы и не подчиняется никаким шаблонам. При этом ситуация, в которую попадают народы, оказывается на деле сложнее. Положение не облегчается, когда представители двух разных народов говорят на одном и том же языке. Интересно, однако, что небольшие и средние «самостоятельные» языковые единства также в значительной степени отражают давно прошедшее состояние и ограничены современной племенной раздробленностью. Именно в тех областях, где существует наибольшее языковое разобщение, задерживается до сих пор по неисследованным причинам и развитие общества.

В таких случаях трудно говорить только об общественных организациях высшего типа. Так, например, обстоит дело на горной равнине Джос в Нигерии, в некоторых областях так называемых остаточных языков Того, в горах на того-ганской границе, в районах лагун, побережья Атлантического океана и т. д.

Как бы в противовес этому явлению образование крупных языковых единиц произошло там, где не так давно было осуществлено политическое — и как его результат — национальное объединение (например, ашантская династия, йорубская династия).

Представители десятков малых и больших народностей, проживающих на обширных территориях, вынуждены были искать какие-либо способы общения. Повсюду, где люди соприкасались между собой, им необходимо было понимать друг друга, договариваться хотя бы по основным вопросам. Образование рынков в саваннах зачастую усиливало эту необходимость и усиливает ее до сих пор.

Поэтому в некоторых областях Африки уже давно,

еще до прихода колонизаторов, делались попытки создать общий разговорный язык, так называемый *лингва франка*. Лингва франка стал вторым языком для большинства людей, которые пользовались им для общения, прибегая к третьему языку как к посреднику. Такими третьими языками в Африке стали суахили и хауса. В некоторых областях континента эту роль играли и играют другие языки. После открытия, захвата и раздела Африки европейскими государствами туда стали проникать и европейские языки, для африканских народов совершенно чуждые. Первыми колонизаторами были португальские мореплаватели, работорговцы и морские пираты. Сначала их язык не переходил определенной черты, мысленной границы, освященной средневековыми традициями. По чистой случайности юридические законы первых губернаторов работорговых фортов допускали в этом отношении определенные исключения. В ранний период колонизации и погони за рабами возник контакт между африканскими языками и португальским. Носители других языков также вступали в подобный контакт, но роль их оказалась незначительной. Довольно интересные следы этого раннего языкового взаимовлияния отразились на некоторых названиях и личных именах в Западной Африке. Так, названия некоторых современных городов и государств Западной Африки (например, Камерун) имеют португальское происхождение. Подлинный языковой контакт с Европой, вышедший за пределы отдельных названий и имен, начинается ко времени окончательного порабощения континента. В этот период английский и французский языки утверждают свое влияние в западной части Африки. Немцы, захватившие в первый период колонизации Того и Камерун, в свою очередь внедрились свой язык в этих странах. И до сих пор представители интеллигенции старшего поколения говорят здесь свободно по-немецки. Поэтому не приходится удивляться, когда по утрам радио Ломе передает уроки немецкого языка.

Языки европейцев недолго оставались в Африке языками колонизаторов. Колониальная администрация, широко применяя их при контактах с местными органами власти, превращала эти языки в официальные, оказывающие определенное воздействие на местное население, каково бы ни было отношение к их носителям. При этом сам язык и методы его использования не были изолиро-

ванным явлением. Так, при общении немаловажную роль играет поведение людей, их образ мыслей, взаимоотношения с другими странами. Поэтому взаимовлияние европейских и африканских языков — результат сложнейшего процесса, находящегося в зависимости от субъективных влияний людей. Он носит наименование языковой политики, так как внедрение того или иного языка в область общения не что иное, как часть политики вообще. Использование того или иного языка находится в тесной связи с традициями, хотя европейские языки применялись в первую очередь в административной, литературной, общественной сферах и в пропагандистских целях.

За последние десятилетия язык как средство общения с помощью радио и телевидения начинает проникать и в самые западные области Африки. Языковая политика различных колониальных государств была далеко не однородной. Так, в британских колониях она была связана с так называемой политикой косвенного управления. Англичане никогда не разрушали порядков, существовавших в стране до своего прихода, а использовали их при проведении административной линии. С точки зрения местных властей, управление страной в какой-то мере находилось в их руках, на деле же англичане контролировали и направляли действия африканской администрации в своих интересах.

В связи с этим при решении ряда вопросов (например, управление феодальными и племенными вождями) возникала необходимость использования местных языков в области администрирования, пропаганды, просвещения и других сторон общественной жизни.

Появлялась необходимость обучить колониальных чиновников местным языкам, хотя бы в минимальных пределах. Встал вопрос о создании письменности для некоторых африканских народов, о необходимости приспособить для них латинский алфавит и создать условия для возникновения местной литературы. Таким образом, английская политика косвенного управления, распространяясь на политику языковую, способствовала некоторому развитию африканских языков.

Политика французских колониальных властей развивалась в совершенно противоположном направлении. Они считали, что только французский язык единственно приемлем для внедрения в Африке. По этой причине аф-

риканские языки во французских колониях Африки практически не применялись, не использовались и не преподавались в государственных школах. Поэтому здесь не было и своей национальной литературы. Для официальных переговоров пользовались только одним языком — французским. На этом, разумеется, базировалась вся французская колониальная система управления. Если она носила у англичан название «косвенного управления», то французы в отличие от англичан применяли так называемое «прямое управление».

Практически одна половина Западной Африки в начале XX века находилась под контролем Англии, а другая — Франции. Поэтому единая африканская нация подвергалась двум совершенно различным сферам влияния. Например, часть малинке, попавшая в так называемую французскую область Африки, в качестве официального языка пользовалась французским, тогда как другая его часть, обитающая в Гамбии, применяла с этой целью английский язык. У части йорубов в Нигерии официальным считался английский, другая часть этого же народа говорила по-французски, потому что при колонизации их территорию совершенно случайно отнесли к Дагомее. Такая же участь постигла народ хауса и целый ряд других, которые были разъединены границами и отнесены к двум совершенно различным системам, с разными европейскими языками. Ситуация еще больше усложнилась, когда после первой мировой войны был произведен раздел бывших немецких колоний — Того и Камерун. Поэтому старшее поколение эве, живущее на границе Того и Ганы, говорит по-английски, по-французски и по-немецки, на языке, который они, как это ни удивительно, не забыли до сих пор.

60-е годы XX века принесли независимость большинству стран Африки. В Западной Африке свободу практически обрели все народы, кроме тех, которые оказались в зависимости от Португалии и Испании. Это означало разделение двух больших колониальных держав на более мелкие самостоятельные государства. Границы между отдельными административными территориями стали границами между независимыми суверенными государствами.

Одни национальности жили в одном и том же государстве, другие — оказались разделенными. Иногда они по-

падали в страну, возникшую из одной и той же бывшей административной области, иногда — из разных.

В Восточной Нигерии говорят на языке ибо, в Западной — на йоруба. Язык йоруба распространен в соседней Дагомее и лишь в нескольких ареалах Того. Основным же языком южных областей Того и Дагомеи и юго-восточной части Ганы остается эве. В южной области Ганы и в ее центральных областях говорят на языке акан, имеющем диалекты ашанти и фанти. Исключением является область близ столицы Республики Гана, где распространен язык га (точнее, га-адангме). В восточной части Республики Берег Слоновой Кости можно услышать аканские диалекты — ответвления ашантско-фантского ядра. В северной части Нигерии говорят на семито-хамитском языке или на других языках других групп (канури). Язык хауса также характерен для Нигерии и соседних с ней государств. Языки гур (вольтский) и моси — основные для жителей Верхней Вольты, на языке темне говорят на севере Того, на языке барба — на севере Дагомеи. О языках атлантской группы известно значительно больше, как и о языке гола, на котором говорят в Либерии, или о языке темне жителей Сьерра-Леоне.

Менее известны и совсем не изучены языки небольших гвинейских племен, таких, как конаш и басари. Это же можно сказать и о языках диула, волоф, серер, на которых говорят в Сенегале и в известной степени в Гамбии. Кочевники фульбе встречаются не только в Сенегале, но и в Гвинейской республике. Их язык наряду с языком малинке — один из основных в Мали, Верхней Вольте, Нигерии, Нигере и, очевидно, в Республике Чад, так же как и на территории целого ряда других западноафриканских государств.

Общение в Западной Африке далеко не простое дело. Поэтому еще до сегодняшнего дня на помощь приходят старые языки, привычные для общения. На базарах при заключении договоров наиболее употребителен язык хауса. Хауса селятся группами не только вблизи от своих родных мест, но также и в современной Северной Нигерии и Нигере.

Английский и французский служат средством общения и в современных независимых государствах. Разумеется, этому не придается никакого отрицательного значения, никому не мешает то обстоятельство, что их при-

несли с собой завоеватели. Трудности состоят в том, что на этих языках говорит ограниченное количество людей, большей частью горожане. Чем дальше уходишь в глубь континента, в деревни джунглей и пустынь, тем реже встречаются люди, знающие хотя бы один европейский язык.

В некоторых областях Африки употребляются так называемые упрощенные языковые формы: пиджин инглиш и пти нэгр, часто с большой примесью местных наречий. Иногда на этой почве возникают юмористические ситуации. Два африканца из одного и того же племени долго ищут язык, на котором могли бы вести разговор. Наконец выясняется, что этот общий язык для них... родной. Однажды такой случай произошел в государственном учреждении современной Республики Камерун. Чиновник и посетитель долго пытались объясниться то по-английски, то по-французски, то по-немецки, то на местных языках, но безуспешно, так как всякий раз языком владела лишь одна из договаривающихся сторон. Наконец чиновник, исчерпав все возможности, выругался на своем родном языке, что, к удивлению окружающих, прекрасно понял посетитель.

Жизнь в Западной Африке часто преподносит такие шутки, и это не самое главное. Языковая разобщенность современной Африки еще до искусственного колониального раздела строилась на природной основе и развивалась в целом ряде областей в направлении к интеграции, к объединению в более крупные единицы. Однако это развитие было искусственно приостановлено, и теперь перед Западной Африкой ставится вопрос о возможности объединения языковых ареалов на основе новых территорий. Европейские языки выгодно отличаются от африканских тем, что они имеют уже свою окончательно выработанную терминологию в области науки и культуры. И нет необходимости заимствовать ее для общения и поэтому создается впечатление, что ее можно просто «взять и применить в Африке», как считают некоторые африканские политические деятели. Это одна из причин, по которой в некоторых маленьких государствах в качестве официального языка остается язык бывшей колониальной администрации. Нечто похожее происходило в первый период после завоевания независимости во вновь создаваемых государствах Азии.

Три столицы Западной Африки

Ломе, Котону⁷, Ниамей. Три названия, три города, три точки на карте Африки. Для меня они тоже были только точками, но лишь до поездки туда. Я читал о них в географических словарях, рассматривал снимки в старом немецком справочнике «Наши колонии». Смотрел я также фотографии в пропагандистских проспектах о Французской Западной Африке. И наконец, открытки, на которых изображены главные города независимых государств Западной Африки.

Давайте, однако, отложим в сторону все эти снимки и проспекты и осмотрим вместе со мной три африканских города. Еще совсем недавно это были маленькие захолустные городишки, о которых несколько десятилетий назад никто даже и не подозревал.

Жаркий, душный вечер, на небе тысячи, а может быть, и десятки тысяч ярких звезд, пальмовый лес справа и слева от машины отступает перед домиками и хижинами деревни Афлао. Черный асфальт дороги уже давно слился с темнотой, таксист погасил фары, щадя аккумулятор своего нового «мерседеса». Дома на обочине дороги мигают десятками маленьких огоньков от лампочек-лампадок. Одни из них освещают вход в большой или маленький магазин, другие — светят людям, собравшимся вечером поболтать около своих домов. Издалека слышится звучание бубна, сопровождаемое хлопками или похлопыванием по бедрам в такт музыке. Подъезжаем поближе — убеждаемся, что слышим радио, а звуки бубна вовсе не означают приглашения к танцу. Стоило мне осмотреться, как я увидел луч яркого света, пробежавшего справа над пальмовым лесом, над самыми верхушками деревьев. От леса доносился равномерный гул. В кромешной тьме вдали от своего дома вам всегда делается как-то не по себе. А здесь еще этот гул, который продолжал звучать с одинаковой силой.

Впоследствии оказалось, что увертюрой к моему въезду в Ломе был свет прожектора ломеского маяка и прибой Атлантического океана. Государственная граница в

⁷ Котону не является столицей.

то время охранялась очень строго с обеих сторон. Справа от меня шумел океан, слева — сиял огнями город, столица Того, самого маленького западноафриканского государства.

Первое, что производит необычное впечатление, — это близость города к границе. Пограничный пункт в деревне Афлао хорошо виден с крыши самого шикарного отеля города — «Бенин». На деле речь идет о границе условной, о бывшей демаркационной линии⁸, на которую после непродолжительной военной кампании в 1914 году вышли французы и англичане. Здесь немецкая колония Того была поделена на две территории с ведома и одобрения Лиги наций.

Немецкая колония Того имела сравнительно небольшой кусочек земли на побережье, теперь же, когда независимое государство Того получило в наследство бывшую французскую территорию, оно стало еще меньше. Фактически это само побережье. Поэтому столица находится совсем рядом с границей, что никому, в общем-то, не мешает... А некоторые жители, наверное, используют это обстоятельство в своих целях!

Иностранец, прибывший в Ломе, будет несколько поражен: его встретит ярко освещенный подъезд современного — даже ультрасовременного — здания отеля, построенного недавно, после провозглашения независимости, очевидно, в ожидании наплыва туристов. И их действительно много в этом небольшом городе, население которого не превышает пятидесяти тысяч⁹. За одно столетие подхваченный вихрем событий Ломе из фешенебельной столицы немецкой колонии превратился в захудалый городок, не имеющий какого-либо значения во французской зоне оккупации, и вслед за тем — в столицу небольшого африканского государства, одним из первых получившего независимость.

Отель пятиэтажный, с огромным сводчатым рестораном и колоссальным залом, которые используют пока лишь для приемов в связи с национальными праздниками. Повсюду мрамор, от которого веет холодом, причем это не только зрительное ощущение, это действительно

⁸ Так было до 1956 года, когда демаркационная линия стала государственной границей Ганы, с которой воссоединилось бывшее Британское Того.

⁹ В 1960 году в Ломе было около восьмидесяти тысяч жителей.

так, ибо в стены здесь вмонтированы кондиционеры, постоянно подающие охлажденный воздух в комнаты и на лестницы. Через зал гость проходит к лифту. В номере ощущаешь непривычную прохладу и, умываясь, перестаешь бояться холодной воды. В чем дело? Может быть, сказывается усталость? Нет, дело в том, что и тут над дверью кондиционер днем и ночью подает холодный воздух, поток которого невозможно прекратить. Мне рассказывали, что доведенные до отчаяния постояльцы довольно часто среди ночи неумело затыкали отверстия вентиляторов пробками, сделанными из газет. Однако попытки эти всегда оказывались бесплодными: им не удавалось даже немного повысить температуру. Снаружи в это время термометр показывает 30 градусов по Цельсию в тени. Но что поделаешь. Комфорт есть комфорт, а в результате постояльцы получают насморк.

В зале отеля перед лифтом, я обнаружил интересную выставку. Тут были развешаны картины различной величины. Самая большая — портрет президента Того в африканском национальном костюме, формат остальных соответствовал занимаемому положению лица, изображенного на полотне. Таким способом утверждалась местная иерархия. Были здесь и главы правительств США и Франции того времени — Кеннеди и де Голль, которых фантазия местного художника тоже одела в африканские национальные костюмы, а также президенты Либерии, Ганы и Гвинеи.

Наконец, турист, устав от впечатлений и стуча зубами от холода, забирается под одеяло. Он уснет быстро, и ничто не напомнит ему о том, куда он попал: ни голоса тамтамов из деревни Афлао, ни грохот прибоя Атлантического океана. Окна здесь так хорошо замурованы, что ни один звук не проникает в помещение. Утром турист обнаружит, что в комнате есть балкон, выйдет на него и сразу окупнется в городской шум. Жара ворвется в комнату. Осмотревшись, через полчаса он позавтракает в отеле по баснословно дорогим ценам, потом захватит свой чемодан, через холодный зал выйдет на улицу и убедится, что приехал в этот город вторично. Ломе, как и целый ряд других поселений на берегу Атлантического океана, возник в период колониального раздела Западной Африки, то есть в последние десятилетия XIX столетия.

Когда в 1874 году англичане основали торговую фак-

торию в Кета (теперь это город на восточных границах Ганы), местные племена (живущие в южной части современного Того) отнеслись к этому довольно враждебно, так как боялись растущего влияния англичан. Поэтому они не стали препятствовать вторжению с Золотого Берега на их земли других европейцев, противников англичан. Вожди племен надеялись таким способом установить равновесие сил: тех европейцев, которые именуют себя немцами, они надеялись использовать в борьбе против англичан и тем самым сохранить свою собственную свободу. Несколько ловких немцев, в том числе известный путешественник Г. Нахтигаль, воспользовались этим обстоятельством и предложили вождям эве подать петицию германскому императору. Вожди согласились. Колониальная история сохранила текст этой петиции:

«У нас не было бы никаких беспорядков и беспокойства, если бы английское правительство перестало вмешиваться в наши дела, перестало захватывать наши земли, которые мы не хотим им уступать. Мы обращаемся с просьбой к Вашему Величеству, чтобы Вы защитили нас и прекратили аннексию...»

До сего дня весьма странное впечатление производит фраза, которой заканчивается петиция:

«Просим о помощи Ваше Величество и под охрану его поступаем»¹⁰.

Итак, с 1884 года, получив петицию вождей, немцы захватили территорию современного Того. Они имели в тот период мало колоний (в Африке только Того и Камерун), поэтому уделяли им большое внимание и вкладывали туда свои капиталы. Германские власти прокладывали дороги и по чисто немецкой привычке сажали вдоль них деревья. Старые деревянные и железные мосты, построенные с немецкой аккуратностью, и по сей день говорят об их кратковременном господстве, так же как и большие старинные дома колониальных торговых учреждений в Ломе.

В начале XX века в Ломе была построена пристань-помост, для разгрузки океанских пароходов. По территории Того проложили железные дороги. Первые поезда начали ходить в 1905—1913 годах в города Анехо, Палиме и Атакпаме. Ломе становится центром страны, управляемой немцами.

¹⁰ Р. Корневин, История Того.

Период французского господства не оставил таких значительных следов в Ломе. Того для французов было лишь одной из многочисленных западноафриканских колоний, к тому же не самых лучших. Поэтому только во второй половине 50-х годов, а также с достижением независимости Ломе достиг своего расцвета. Город как столица независимого государства, привлекает торговцев, дипломатов, туристов и просто любопытных. Люди хотят собственными глазами увидеть, как выглядит самое маленькое из самостоятельных государств Западной Африки. Увеличивается объем работ на причале, заложен фундамент для строительства нового порта с закрытым рейдом. Для западноафриканского побережья это особенно важно, так как волны достигают там зачастую необычайной силы. Строительство требует больших капиталовложений. Со стороны ФРГ, влияние которой заметно возрастает, делаются предложения о кредитах.

В небольшие административные здания, где когда-то размещались немецкие чиновники, переселяются министерства и правительственные учреждения независимого государства. Для самых крупных министерств и ведомств строятся новые, современные дома. Правительственный дворец, унаследованный республикой от французского губернатора, уже не удовлетворяет независимое государство: строится новое красивое здание.

Большое внимание уделяется строительству школ. В 1961—1962 годах государственные школы в Ломе насчитывали в начальных классах 5269 мальчиков и 3348 девочек. Частные местные школы посещали 5639 мальчиков и 4036 девочек. Новая, хорошо оборудованная больница, построенная за лагуной, вмещает 560 больных; ее бело-снежные корпуса привлекают внимание прохожих. В голубом небе пролетают самолеты местных и европейских авиакомпаний, совершая посадки на новом, сооруженном в 1961 году аэродроме, оснащенный по последнему слову техники. Репродукторы повсюду разносят голоса тамтамов: в 1959 году вступила в строй первая радиостанция.

В конце концов начинаешь понимать, что Ломе — это столица, состоящая, собственно, из нескольких небольших городков, которые сами пытаются играть роль большого современного города, что им, конечно, не удастся. Это начинаешь чувствовать сразу же, переселившись из холодного отеля «Бенин» в более приятный и менее рос-

кошный «Отель де Гольф», который, наверное, еще помнит немецких господ. Сводчатые потолки подъезда, выходящего на улицу Коммерции, тихий внутренний дворик со множеством зеленых растений, окружающих столики обедающих. Заброшенные павильоны во дворе. Справа — павильон со старыми верандами в колониальном стиле, в комнатах которого (без кондиционеров) простые деревянные полы. Как и «Отель де Гольф», все дома на улице Коммерции словно погружают вас в атмосферу сонного немецкого колониального городка. Но жизнь в нем пульсирует, ритм ее быстро нарастает. Потоки машин, мотоциклов, мотороллеров и пешеходов ослабевают только к вечеру.

Стоит выйти из отеля, как к вам сразу же подбегает мальчик или взрослый, выкрикивая на ходу: «Такси, господин?» Не успеваете опомниться, как такси уже перед вами и приходится платить — пока еще не таксисту, а тому, кто нашел машину. Итак, вы заплатили. Такси направляется в деловую часть города. Машина проезжает по бульвару Сиркюлер, который начинается от шоссе, ведущего из Ганы, и тянется дальше, до Дагомеи, по сути дела окаймляя Ломе.

В центре города — европейский квартал с несколькими католическими и евангелистскими храмами, почтой и правительственными зданиями. Здесь небезынтересно выйти из машины. На площади перед католическим собором обычно располагается базар. В последние годы базарные дни — среда и суббота; торгуют, однако, и в другие дни недели, так как торговля все больше расширяется, поток покупателей не ослабевает. Красочность и экзотичность африканского базара со всеми его характерными особенностями, которые мы наблюдаем в больших столичных городах, контрастируют тут с неоготическими линиями двубашенного собора. За ним — самый большой книжный магазин в Ломе; на витринах броские обложки американских и французских иллюстрированных журналов. Зайдемте в магазин. Тут можно найти все что угодно: журналы самого различного содержания, захватывающие детективные романы, сборники ковбойских рассказов, порнографические открытки, которые предназначались когда-то солдатам французского гарнизона.

Вы не найдете здесь только книг на африканских языках, даже журнала, даже Библии. Французскую или ан-

глийскую — пожалуйста. Из старых запасов по знакомству вам могут предложить даже немецкую. Только через несколько дней, беседуя со знакомым, я узнал, что литературу на африканских языках в Ломе можно достать лишь в так называемом «Либрари евангелик» или «Либрари модерн». Там можно найти широкоизвестные книги, путеводители, школьные учебники и, конечно, религиозную литературу на языке эве. Какие-либо книги, издаваемые в большом количестве в соседней Гане, достать было невозможно. В то время междуусобицы еще закрывали границы. Брошюры и календари на некоторых языках африканских меньшинств Центрального и Северного Того лежали на полках. Особенно был интересен календарь, в котором делалась попытка упорядочить традиционное европейское деление года на недели и дни.

Создается впечатление, что церковь в Южном Того обладает значительным влиянием. Я был свидетелем торжественной встречи ломского архиепископа, который возвращался домой из Рима после каникул на пасху. Надо сказать, что приветственные возгласы напоминали мне дни конфирмации, которую я еще мальчишкой наблюдал, когда гостил у бабушки в среднечешской деревне. Было довольно много народа, и все оживленно махали руками.

Во всем Ломе только три кинотеатра, где можно посмотреть фильмы из жизни ковбоев, задремать на невероятно длинной и необыкновенно скучной индийской картине, всплакнуть над старым французским фильмом. В помещении одного из кинотеатров разместился католический клуб под названием «Фойер Кюльтюрель Пий XII». В то время, когда я был в Ломе, здесь читал лекцию один из известных французских африканистов, автор работ по истории Африки — Р. Корневин. В колониальном Того он занимал должность французского эксперта. Лекция была на тему о методе изучения африканских традиций с атеистических позиций. В программе на следующую неделю планировался целый ряд чисто занимательных мероприятий и лишь одна беседа на серьезную тему.

В Ломе сохранилось много бывших немецких домов, мимо которых проносятся в автомобилях французские эксперты и их жены, спеша за покупками. Они не выезжают, однако, за пределы улиц Коммерции, бульвара Сиркюлер и некоторых других, к ним прилегающих. Де-

ло в том, что в центре города, который огибает бульвар Сиркюлер, есть и африканские районы, куда европейцы стараются не заходить. Так, обойдя большое здание почты с сотнями почтовых ящиков и повернув направо около огромного баобаба, можно очутиться в квартале, называемом Зонго. Здесь живут хауса, как местные, так и переселенцы из Дагомеи, Нигерии и Ганы, главным образом мусульмане. Есть здесь люди и приехавшие всего на несколько дней, и проживающие в Зонго из поколения в поколение. В квартале несколько мечетей, мусульманская школа. Расположившись на рогоже, перед крыльцом дома сидят мудрые старцы, читающие Коран или какую-либо другую священную книгу. Тут же местный писарь составляет под диктовку письма для всех желающих.

В Зонго живет и мой друг, знахарь Идриса Иса. Он одет в весьма живописный костюм; прическа его напоминает змеинные хвосты. Иса объездил всю Африку: Судан и Хартум он знает так же хорошо, как Кано в Нигерии. Лечит он заговорами, молитвами, выкуриванием, но главным образом травами. Через несколько дней я уже получил право заглянуть в его «лабораторию» и был поражен. Думаю, что такого количества лечебных трав, какое знает и имеет Иса, не найдешь ни в одной европейской аптеке. Я вспоминаю один удививший меня случай. Однажды я пришел к Идрису неожиданно, без предупреждения. Он в это время заговаривал болезнь пациенту, у которого даже такой не искушенный в этих вопросах человек, как я, и то заметил характерные признаки Эпилепсии. Окончив заговор, Иса подал больному какую-то сушеную траву. Потом он словно забыл про него, переключив на меня все внимание. Пациент уснул. Через несколько дней, вновь навестив своего приятеля, я был удивлен, увидев больного, который строгал во дворе лучинки. Я спросил Идриса, чем болел этот человек и как он так быстро сумел его вылечить. Лекарь назвал болезнь на местном языке. Такого слова я не знал, но, порывшись дома в словарях, убедился, что Иса имел в виду столбняк! Потом я рассказывал эту историю врачам, но все они недоверчиво пожимали плечами. Вероятно, перевод в словаре и был не совсем точен, но кто может сказать, сколько знают врачи, лечащие травами в Африке, такого, что совершенно неизвестно нашей медицине!

Умение африканских знахарей я оценил, побывав в

соседнем йорубском квартале. Там я записывал на магнитофон местный говор. Мой «Старт» — маленький аппарат, работающий от батарейки, имел много недостатков, но обладал и определенным достоинством. Он был легкий, и его можно было везде носить с собой. Я сел около одного старика и включил магнитофон. Почтенный старец сначала смутился, но потом освоился и разговорился. Он был в прекрасном настроении, и я тоже, так как всегда испытываю большое удовольствие, когда слушаю что-нибудь интересное. Неожиданно магнитофон перестал работать. Расстроившись, я пытался починить его, перед глазами у меня всплывали строки инструкции, но все труды оказались напрасными. Старик начал проявлять беспокойство; у меня тряслись руки, на лице выступил пот. Влажный, наполненный испарениями воздух, духота, которая царит в Ломе круглый год, затрудняли дыхание. Неожиданно среди любопытных, окруживших нас, появился местный знахарь и предложил мне свою помощь. Я кивнул в знак согласия.

Знахарь принес откуда-то несколько веток, развел огонь и, держа над ним магнитофон, поворачивая его из стороны в сторону, прикрыв глаза, начал что-то приговаривать. Представьте себе мое изумление, когда магнитофон после этой процедуры заработал! Все мы были чуть-чуть смущены, да и сам знахарь, кажется, тоже.

Старец закончил рассказ, я успокоился и, довольный, унес все свои записи. Волшебник, совершивший чудо, тоже был доволен. История эта очень быстро разнеслась по всему кварталу, слава и почет знахаря еще больше возросли. Потом, уже много позже, когда я делал записи в Сахаре и мой магнитофон работал как часы, я понял, в чем было дело. Перед моим отъездом инженеры с завода Тесла дали мне пакетик с гигроскопической солью. В Ломе, самом влажном городе на моем пути, эта соль уже не могла уберечь магнитофон — и он вышел из строя. Когда же знахарь просушил его на огне, магнитофон вновь заработал.

А сколько таких людей, как этот знахарь из Зонго, живет в других африканских кварталах! Десятки лампочек мигали мне в знак приветствия, когда я проходил по городу. Кварталы отличались один от другого планировкой и архитектурой, хотя, конечно, между ними не было такой большой разницы, как между Аккрой и Дакаром. Некото-

рые кварталы выглядят так, что, кажется, они ничего общего не имеют с тем Ломе, который приветствовал нас залитым бетоном аэродромом и сиянием огней перед гостиницей «Бенин», городом, в котором расположились старые немецкие дома и магазины. Жители этих кварталов — это те, кто приходит сюда искать работу из деревень, кто хочет жить лучше, выбраться к свету из глуши саванны. К сожалению, они далеко не всегда в городе находят работу и с трудом устраиваются у кого-либо из знакомых или родственников. Так они живут месяцами или даже годами, пытаясь куда-нибудь устроиться, в надежде на лучшее будущее. Будем надеяться вместе с ними и мы.

В те времена, когда я посетил Того, оно было первым в Африке государством с бюджетом без дефицита, но с безработными на улицах. Как сказал мне один мой африканский приятель:

— Далеко не всем я смогу подать милостыню, если не хочу сам стать нищим, и лишь одному или двум могу дать то, чего они хотят больше всего, — работу.

Я почувствовал это, когда уезжал. Друг одолжил мне машину, но шофера я должен был найти сам. Достаточно оказалось вечером сказать об этом, как утром перед моими дверьми стояло уже четыре человека. Лица их были печальны, так как они знали, что нужен был мне только один.

Первым впечатлением от Котону была не та ужасная жара, которая наваливается на человека сразу же, как только он выходит из самолета, в какое бы то ни было время года. Южное побережье вновь подтвердило свою славу самого влажного и самого душного места на Гвинейском побережье. Область сухого климата, протянувшаяся от Аккры к Ломе, тут безвозвратно заканчивается.

Не составила мое первое впечатление и картина современного аэродрома, разместившегося посреди пальмового леса, в стороне от города, куда я прилетел с относительно небольшим опозданием в прокуренном самолете «ДЦ-7» из Аккры. Меня не удивила и внимательная проверка паспорта, на котором не было даже признаков визы дагомейских властей. Аэродром был похож на вокзал в небольшом городке, от перрона которого отходит

по крайней мере несколько экспрессов в день. Современное, красивое здание с традиционным окошечком паспортного контроля, с отелем для транзитников и баром. И все это для пассажиров всего лишь нескольких самолетов, которые пролетают тут за неделю! Не показалось мне странным и то, что шофер такси не захотел получить плату в иностранной валюте и вообще посчитал пятьсот колониальных франков недостаточным вознаграждением за проезд от аэродрома до отеля. Наверное, он уже возил иностранцев, которые хотели расплатиться с ним фунтами, и ничего хорошего для него из этого не вышло. А может быть, ему нужны были деньги для ремонта маленького «рено», у которого впереди на крыше возвышалась горделивая надпись: «Маркиза». Эта машина мало чем отличалась от пресловутой «мамми-лорри».

Не поразило и очень красивое здание банка, объехав которое прекрасная «Маркиза» наконец доставила меня в отель.

Когда после ужина я развернул план города для того, чтобы подробно с ним ознакомиться, неожиданно раздался крик и выстрел... Ситуация становилась интересной. Кажется, начиналось мое первое приключение в Котону.

Я поднял голову и прислушался: через минуту услышал удивительную музыку, потом конский топот... Это меня потрясло... Кони на берегу Гвинейского залива? Было бы не удивительно встретить их в саваннах, но ведь они отсюда далеко на севере. Топот копыт все приближался, и ему вторило какое-то пение. Потом раздалось еще несколько выстрелов подряд, где-то совсем недалеко от окна моей комнаты, и затем страшный рев. Я вскочил и подошел к окну. Все вдруг затихло... Неожиданно тишину нарушил какой-то треск и сразу же за ним — свист. Подняв на окне повыше шторы, я высунулся наружу. За стеной, в саду, в пятнадцати метрах от меня, оказался кинотеатр, вместивший несколько сотен зрителей.

Это они бурно протестовали, когда фильм неожиданно прервался; через несколько минут повреждение было исправлено, снова раздалось выстрелы, послышалась музыка.

Я спрятал план города в чемодан и спустился вниз в холл с надеждой найти где-нибудь два франка на билет в кино. Дело в том, что банки в этот день были закрыты, а от тех денег, которые мне поменяли, не осталось ни

франка и даже в отеле я жил уже в кредит. Француженка, дежурившая в холле, с улыбкой разменяла мне фунты на местные франки, и через пять минут я стал обладателем измятого билета в кино.

Журнала не было, шли сразу два фильма подряд, один из которых, «Зорро-мститель» («Знак Зорро»), я прекрасно помнил еще по школьным годам. В другом фильме действовали небритые и грязные негодяи, дешевые герои, отважные и благородные, прекрасно умеющие драться, особенно бить в челюсть. Вначале перевес был на стороне негодяев, и они убивали одну невинную жертву за другой. Когда убили третью, зрители начали орать от негодования, когда же и четвертая жертва подверглась той же участи, то в полотно экрана полетели шкурки от бананов. После пятого убийства, когда ажиотаж разбушевавшихся зрителей достиг предела, какой-то мужчина небольшого роста и невзрачного вида в помятом костюме встал и громогласно заявил: «Этого хватит!». Удивленные зрители на минуту смолкли, а потом наградили его громовыми аплодисментами. Никто не смотрел на экран. А именно с этой минуты действие картины изменилось, верх начали одерживать положительные герои, наконец негодяев поймали, добро восторжествовало, внимание вновь было обращено к фильму. Финал зрители отметили дружными аплодисментами. Зажегся свет. Между железными садовыми скамейками, установленными посреди зала, нельзя было протолкнуться, там сгрудились зрители, окружившие того самого «остроумного» мужчину, который столь громогласно выражал свое возмущение. Все старались выразить ему солидарность и пожать руку.

Вместе с потоком зрителей я вышел из кино. Перед входом толпились, держа лампочки в руках, продавцы орехов, фруктов, сардин и спичек. Короче говоря, это был небольшой базар. Пока я ходил от лампочки к лампочке и расспрашивал, как идет торговля, фильм о Зорро уже начался. В темноте добрался до своего места, но оно уже было занято. Что ни говори, а мальчишкам африканского города Котону подвиги Зорро доставляют такое же удовольствие, как и мне много лет назад. Забор летнего кинотеатра невысок, а бдительность контролеров к началу второго сеанса ослабла, поэтому во всем саду не было ни единого свободного места. Я вернулся в отель и быст-

ро уснул сном праведника. Таково было мое первое знакомство с Котону.

«Котону не покажется туристам современным городом, таким, например, как Абиджан, скорее он имеет характер небольшого курортного городка, который гармонически и постепенно вырос из рыбацкой деревни, возникшей на этом месте сто лет назад». Так утверждает путеводитель, изданный официальным издательством Дагомейского туристического агентства. Когда я впервые прочитал эти строки, то начал сожалеть о своем приезде сюда. Я не люблю курортных городов, в которых на центральной аллее или площади дамы демонстрируют свои туалеты, а в ваннах избавляются от недугов. Когда я уезжал из Котону и вновь заглянул в путеводитель, то не мог не улыбнуться. Убежден, что все это было написано каким-то европейцем. Курортный городок в Котону напоминают только те улицы, которые расположены в так называемом районе резиденций, в западной части города вдоль Атлантического побережья. Прекрасная асфальтированная дорога тут окаймлена красивыми белыми и цветными бунгало, которые выглядывают из зеленых островков кокосовых пальм. Эти растения не только декоративное украшение, они дают тень, а некоторые остались, очевидно потому, что росли здесь задолго до появления виля. Сады около вилл так же прелестны, как и в Европе: тут можно поиграть в гольф или в теннис на специально для этого оборудованных площадках, отдохнуть в шезлонге на веранде, спокойно наслаждаясь видом океанских волн. По белым их верхушкам скользят пироги рыбаков. Интересно наблюдать, как лодочки готовятся проскочить белую полосу прибоя, как гребцы стараются развернуться носом к нему и затем несколькими быстрыми движениями весел прорываются за эту полосу на простор Атлантики.

Когда я был в Котону, в этом районе строили здание отеля, судя по всему еще более современное, чем колониальный «Отель де ля Пляж». А около него уже возвышалось стилизованное железобетонное здание недавно законченного посольства Франции. И тут же недалеко сооружался новый красивый дворец президента. Теперь, наверное, он уже готов. Оставим, однако, в стороне этот район, не будем уделять внимания и новой больнице, архитектура которой всех приводит в восторг, да и сама

больница имеет, конечно, гораздо большее значение, чем все эти роскошные белые виллы!

Лучше отправимся с вами на восток, в подлинный Котону, город, правда, небольшой, но зато резиденция главы государства. Как я уже писал, он не имеет ничего общего с курортным городом. Квартал, затерявшийся между районом вилл и африканским районом, — это дом для тех, кто трудится. Здесь торгуют, ткут, чинят и монтируют. Людей тут ценят не за происхождение и не за богатство, а за умение. Весь этот квартал отделен от города железной дорогой и вокзалом, который, собственно, и делит Котону на две неравные части. Около городской ратуши расположилась почта, затем магазины, гаражи и мастерские. На авеню Дю Гувернер генераль Клозель (теперь ее, вероятно, уже переименовали) и прилегающей к ней улицах можно достать все, что необходимо. В больших гаражах вам всегда исправят машину, мотоцикл или велосипед.

Велосипедов в Дагомее очень много, намного больше, чем в соседних странах, а о Котону можно говорить как о городе мотоциклистов. Иногда к велосипеду пристраивают моторчик, и тогда его хозяин получает возможность преодолевать большие расстояния. Очевидно, мотор подчеркивает здесь достоинство человека, так же как, например, тут особо чтут сестер монашеского ордена, черные лица которых резко контрастируют на фоне белоснежных стен монастыря. С ними я, к счастью, не познакомился.

Как-то раз, проходя мимо монастыря, я услышал какой-то гудок. Это был паровоз, тянувший за собой состав до Вхидды. Гудок напомнил мне, что час отъезда из Котону приближается. Я до сих пор не понял, что, собственно, представляет собой вокзал в Котону. На плане города была указана привокзальная площадь, но ее я так и не нашел. Время от времени из ворот на улицу, параллельную авеню Клозель, по рельсам выезжал паровоз, если он шел налево, то, очевидно, направлялся до Вхидды или до Абомея, а если направо — то в Порто-Ново. Что было за этими таинственными воротами, я так и не выяснил, но думаю, там просто находились старые рельсы, резервные вагоны и локомотивы.

Перрон находится на большой и широкой улице. Отправление поезда — событие для всего города. Состав,

следующий до Вхидды, так гордо оповестивший о себе, состоял из нескольких легких вагонов и одной дрезины. Пассажиры заполнили вагоны задолго до отправления поезда, забив их своими вещами. Сельские жители увозили из города все, что им не удалось продать, и те, кто похитрее, пришли к поезду заранее, привязав свои большие узлы к крышам вагонов и уложив их на дрезину, совершенно не думая о том, что это может помешать отправлению поезда. Те, кто пришли позже или даже в последнюю минуту до отправления, пытались сделать то же самое, покрикивая на маленьких детей, бегая около своих вещей, волнуясь за то, чтобы их не украли. Надеяться в этой беспорядочной толпе можно было только на честность окружающих.

Пассажиры, которым уже удалось занять места в вагонах, наблюдают за всей этой суетой и глядят на окружающих с оттенком превосходства. Если сказать точнее, в вагонах не просто сидят, а лежат. Некоторые пассажиры уже заснули, другие устроились не на полках, а скорее под ними. Здесь им ничто не мешает, даже чья-то курица, которая уселась под полку, чтобы в тишине и покое снести яйцо. Тут же сука облизывает своих щенят, мирно лежащих в плетеной корзинке на коленях у хозяина. Наверное, он собирался их продать, а теперь везет обратно. В это время с крыши падает связка зеленых бананов, пригодных разве что только для печения. Рассерженная хозяйка по-йорубски ругает толстого парня. Она гонит его, чтобы он привязал связку, да, кажется, теперь поздно! Паровоз подал какой-то невероятный сигнал и со скрежетом тронулся с места. Счастливого пути! Последний вагон уже не виден, люди постепенно расходятся, но не все уходят с перрона, ведь эта улица служит им чем-то вроде базара, места для собраний и танцев.

Отъехав от станции всего лишь несколько метров, вы оказываетесь на берегу лагуны, через которую перекинут длинный мост. По нему движутся поезда, проезжают автомобили и велосипеды, проходят пешеходы. Около въезда на мост — перекресток, охраняемый благоразумным стражем порядка. У полицейских в Котону очень красивая форма. Они носят белые брюки, рубашку выгоревшего цвета хаки и голубые береты. Берет, пожалуй, единственная дань синему цвету полицейской формы, которая принята в Европе, но в беретах ведь очень жарко. Иногда

можно увидеть на голове стража так называемую французскую кастрюлю — традиционную круглую шапочку с твердым верхом. Вокруг талии полицейские носят белый кожаный пояс, в кобуре у самых ног болтается настоящий кольт.

У меня была занимательная встреча с полицией, которая говорит о ее внимательности и заботе. Мы подъезжали в Котону к отелю, как вдруг одинокий полицейский начал отчаянно свистеть. Подбежав к нам и с возмущением размахивая рукой со свистком, он спросил:

— Почему вы не остановились, когда я свистел? У вас из глушителя валит дым, как из трубы паровоза, это опасно, посмотрите-ка назад!

Мы были испуганы, считая себя чуть ли не преступниками. Водитель дал газ, и столб смрадного дыма сразу же подтвердил слова полицейского. Мы занялись мотором, а он степенно зашагал на свой важный и сложный перекресток в Котону.

Улица за углом упиралась в маленькую площадь, где была стоянка «мамми-лорри». Тут это название услышишь довольно редко, их называют просто: «машина». И все же из Нигера и Ганы традиционное наименование проникает и сюда. Автобусы здесь сильно отличаются от транспортных средств, которые перевозили — и по сей день еще перевозят — пассажиров в бывших английских колониях на западноафриканском побережье. Чаще всего тут можно встретить старые «рено» и «пежо», реже встречаются грузовые автомобили, то тут, то там попадаются на глаза «фиаты». Машины максимально открыты, в них можно войти с любой стороны. Все делается для того, чтобы автомобиль хорошо проветривался. Иногда встречаются машины, напоминающие своим видом европейские микроавтобусы, но и они приспособлены к местным условиям — окна сняты. Надписи, которыми красочно расписаны автомобили, обычно помещаются на ветровом стекле и очень редко сзади или по бокам. Толкучка, споры и шум на остановках не меньше, чем на станциях «лорри» в Аккре.

Среди этого гама неожиданно раздается совершенно новый, необычный звук. Это появился барабанщик, а с ним несколько музыкантов с импровизированными инструментами. К ним присоединяются еще люди, и через несколько минут все сливается в танце. Размахивая ру-

ками, пританцовывая, толпа следует за музыкантами, постепенно входя в экстаз и убыстряя ритм.

Недалеко от автобусной остановки возвышается белое здание «Библиотеки Друо», где вы можете купить «Монд» с опозданием на два дня, далее — тоже белое здание с вывеской американского информационного бюро. В его витринах — афиша с объявлением о предстоящих гастролях негритянского джазового оркестра США, вход на концерты которого бесплатный. Чуть дальше, на улице, перпендикулярной к авеню Клозель, название которой я, к сожалению, не помню, расположились большие магазины.

Если свернуть в боковую улочку, то вы не минуете ресторана «Ля Провансаль», за высокими стойками которого европейцы пьют сок, французское и алжирское вино и где толстая буфетчица-француженка предлагает французские блюда так, словно она находится где-нибудь в Марселе. Дальше — африканский базар, где продают арахисовые орехи в больших мешках, привезенные из саванн Дагомеи, Нигера и Верхней Вольты. За ним начинаются узкие переулки африканского квартала. Как и повсюду в Африке, они полны запахов жареной рыбы, мяса, кукурузы, проса и блюд из вареных фруктов.

Повсюду на корточках сидят люди, степенно рассуждающие о том, как меняются времена. В вихре жизни и повседневных забот они забывают свои семьи, которые у многих из них остались на севере, бедные деревни, где только в периоды сбора урожая можно добыть средства к существованию. Забывают своих жен и детей, отцов и матерей. Заботятся и думают уже о тех женах, которых нашли здесь, на побережье, мечтают о богатстве, о хорошем месте, которое даст им возможность вырастить многочисленных детей и наградит за страдания в трудные дни.

А их пока еще немало.

Одни откровенно устремляются за танцующей толпой, другие, оставаясь на месте, покачиваются в ритме танца. Третьим только работа не позволяет пойти за танцующими. Это продавцы, сидящие около своих маленьких магазинчиков, шоферы и носильщики. Есть и такие, кому положение предписывает быть степенными:

— Это остатки варварства, — бросает мне полицейский на перекрестке.

— Танцуют так, потому что не знают современных танцев, — заметил продавец книг из магазина Друо.

На нем была нейлоновая рубашка с шелковым галстуком и длинные белые брюки. Однако оба «цивилизованных» господина не без интереса поглядывали на танцующих и на барабанщика. Уходя, я заметил, что полицейский и продавец еле заметно покачиваются в такт...

Пятьдесят лет назад Ломе уже был немецким колониальным городком, а Котону — только воротами в Дагомею. О Ниамее же в те времена вообще никто ничего не знал. Если верить колониальным историкам, то одним из первых жителей Ниамея был капитан французской армии Салама. Он поселился в одной из деревень, которые тут, на берегах Нигера, уже довольно давно образовали независимый конгломерат. Пришел туда со своими шестьюдесятью сенегальскими стрелками и снял дом. Некоторое время капитан платил за аренду этого дома изрядную сумму — тридцать франков в месяц.

Если кто-нибудь придет теперь в Ниамей, то, конечно, найдет для себя лучший ночлег, чем когда-то имел капитан. Цена же будет зависеть от того, где он переночует. Владельцы дорогой гостиницы могут показаться вам потомками того самого капитана с их желанием вернуть деньги, потраченные им.

Ниамей можно хорошо рассмотреть с самолета: с юга его омывает большая река Нигер, на севере расстилается саванна, которая постепенно переходит в пустыню. Ниамей — это город между рекой и пустыней. Город, в который с севера доносится дыхание Сахары.

Здание Национального собрания на большой площади обращает на себя внимание ярко-желтым порталом, его стиль соответствует архитектуре тех городов, где саванна переходит в степь и затем в Сахару. В желтый цвет окрашен не только портал, но и площадь перед ним. Желтого цвета и большая часть тротуаров. А когда налетает сухой горячий ветер, то желтым становится и сам воздух.

Дыхание Сахары ощущается не только в природе. С севера приходят сюда караваны верблюдов с погонщиками, лица которых обветрены пустыней. Медленно и важно, один за другим верблюды входят на улицы, вливаясь в общий транспортный поток. Вежливая улыбка по-

лицейского-нигерийца, приветствие рукой чисто по-французски. Чувствуется унаследованное от предков уважение к каравану... Погонщики часто останавливаются на площади. Верблюды ложатся или продолжают стоять, меланхолично жуя и презрительно поглядывая на движущиеся автомашины, словно хотят сказать: «Попробуйте-ка на этих вонючих коробочках с колесиками проехать в песках двести километров!»

Наступает время, когда дамы направляются в магазины. Смотрят, выбирают, покупают. Они приехали издалека... В большом магазине вы найдете и французские духи, и шляпы, и консервы, и минеральную воду с Эвиана или из Виши.

С юга сюда, в город, находящийся на краю света, приходят иные веяния. На Нигере рыбаки каждый день вылавливают полные пироги рыбы. На них же возят свежескошенную траву и сухое сено. Когда встречаешь фуру, нагруженную до предела сеном, то чувствуешь себя, как в деревне.

За рекой Нигер на границе трех африканских государств — Республики Верхняя Вольты, Мали и Нигера — раскинулся один из самых больших национальных парков Западной Африки — народный парк. Это, собственно, заповедник африканских животных. Название его изображается знаком, напоминающим английское W, и означает двойной поворот реки.

На территории десяти тысяч квадратных километров живут самые разнообразные животные, причем живут они на свободе, именно так, как об этом рассказывается в романах и журналах, которые мы любили читать в детстве. Теперь здесь проложены хорошие дороги, построены пункты для наблюдения за жизнью животных. Итак, если вы хотите увидеть африканских животных или изучить их повадки и собственными глазами обозреть часть дикой Африки — поезжайте в заповедник. Однако без специального разрешения туда не попадешь.

С юга в Ниамей завозятся необходимые для жизни продукты и промышленные товары. С побережья Гвинейского залива идут плоды манго, бананы, апельсины; из Америки и Европы различные товары: школьные тетради из Франции, духи из Парижа, пишущие машинки из Англии, транзисторы из Японии. Из Голландии привозят сыр. Кое-что производит юг страны, кое-что прибывает

на больших заокеанских пароходах из Котону. Часть товаров идет через Северную Нигерию, но за них необходимо платить пошлину. Конечно, если вас остановят таможенники.

Самые дорогие или модные товары, скоропортящиеся продукты и почту из Европы доставляют самолеты. Мир, оказывается, не так велик, если преодолевать пространство с помощью авиации. От Марселя до Ниамея всего одна посадка, от Парижа — две. Однако часто подводит погода, и почта поступает позднее в город, расположенный в центре страны, чем в города на Гвинейском побережье, хотя линия воздушного сообщения здесь намного короче. Почта из Праги до Ниамея идет через Париж быстрее, чем в Аккру, Котону или Ломе. Мы в Ниамее ближе к дому. Почтовые самолеты в Европу летают практически через день, и у почтальона на аэродроме хватает работы. Все, кто захочет послать что-нибудь в Европу, толпятся около его окошечка, запечатывают письма и ждут появления самолета, который приземляется тут прямо у здания аэропорта.

Ниамей действительно небольшой город. Весь его можно объехать за час или полтора. Особенно если проделать этот путь на современной малолитражной автомашине. Их много на улицах города, причем чаще всего встречаются «ситроены». Шикарных лимузинов, сияние хромированных частей которых ослепляет прохожих на побережье, здесь не найдешь. В Ниамее не ценится роскошный внешний вид машины, ценится ее практичность. Ниамей не город для снобов, во всяком случае их тут очень мало. Здесь работают, пока есть работа, и работают хорошо, энергично. На базаре можно найти товары, привезенные и с севера и с юга на грузовых машинах, самолетах, пирогах; можно найти изделия из кожи, крашенной домашним старинным способом, домотканые материалы, искусно вытканные сукна. Их вырабатывают все меньше и меньше: сказывается конкуренция из-за моря. Продаются огромные матрасы, набитые травой, на которых так хорошо спится, чеканное серебро, соль, арахисовые орехи, просо. Короче — все, что растет на этой земле. В красивых одноэтажных и двухэтажных домах размещаются в Ниамее государственные учреждения Нигера. Нигер — небогатая страна, как утверждают ее жители, у нее пока еще ничего нет.

Но зато здесь никто не удивится чиновнику, который не побоится выехать в пустыню проинспектировать какую-нибудь далекую школу. В Ниамее можно встретить массу людей, в страшную жару спокойно садящихся на велосипед и, если этого требуют интересы дела, едущих под палящим солнцем. Температура воздуха здесь большую часть года держится около 40 градусов в тени по Цельсию, причем в течение всего дня!

Враждебно настроенные критики утверждают, что Ниамей — это всего лишь перевалочный пункт между Сахарой и саванной для тех, кто приходит из пустыни, из степи и тропических лесов. Те, кто менее враждебно относится к этому городу, говорят, что Ниамей живет с доходов, которые получает от посещений знаменитого заповедника туристами и учеными. Скептики считают, что Ниамей просто быстро выросший провинциальный город, который никак не может привыкнуть к тому, что стал столицей независимого государства.

«Город этот раскинулся в долине, по обоим берегам широкой реки, на зеленых холмах, повсюду виднеются белые строения. Сияют на солнце белые крыши государственных учреждений и жилищ европейцев». Совсем как наш Мельник¹¹, только над Нигером. Таковы были первые впечатления супругов Эйстнер от Ниамея, которые у них сложились во время знаменитой поездки в 1947 году к Гвинейскому заливу и обратно. Тогда это было действительно захолустное местечко с двумя автомобильными мастерскими и школой.

Я вспоминал об этом, когда фотографировал белый дворец — резиденцию президента Нигера, когда перелистывал историю Ниамея. Это не самый большой город из разросшихся провинциальных городков бывшей Французской Западной Африки, но среди них — самый младший. И не удивительно. Ведь столицей Нигера этот город стал лишь в 1925 году. До этого столицей был хаусский город Зиндер.

Совершенно беспланово вокруг центрального административного здания было построено несколько европейских домов. Гостиница и домишки из ряда деревень довершили создание города, который к началу 50-х годов насчитывал почти пятнадцать тысяч жителей. Сейчас их

¹¹ Город в Чехословакии.

уже свыше двадцати тысяч. Название старого отеля «Терминюс»¹² говорит о том, что здесь когда-то кончалась железная дорога, проложенная с дагомейского побережья на север, которая теперь заканчивается в Северной Дагомее.

Город живет прежде всего за счет земледелия, так как служит перевалочным пунктом по вывозу и торговле плодами. За последнее время тут возникло несколько учреждений и административных организаций. Построены современная больница, здание большой гостиницы, школа и лицей. Открываются и маленькие мастерские. Однако на улицах по-прежнему, в соответствии с африканской традицией, продаются рогожа, различные материалы, изделия из кожи и множество сувениров для туристов. Впрочем, теперь на уличных лотках торговцев можно найти только незначительную часть того, что производилось раньше и кое-где производится еще и теперь.

Кто хочет увидеть по-настоящему оригинальные картины, тому совсем не обязательно искать их где-либо в отдаленных деревнях. Для этого достаточно только пройти несколько сот метров по главной улице и свернуть за угол, где находится здание единственного в своем роде музея в Западной Африке. Его официальное название — Фундаментальный институт Черной Африки (ИФАН) — нам ничего не говорит, хотя с ним многое связано. ИФАН — это научно-исследовательский институт, основанный французами для исследования и комплексного изучения Африки, и прежде всего, разумеется, бывших французских колоний. Этот институт собирал и сохранял все материалы о природных и общественных условиях жизни на континенте. Основное здание его размещалось — и до сих пор размещается — в Дакаре, но во всех столичных городах французской колониальной Африки институт имел свои филиалы.

Когда отдельные государства Африки добились независимости, эти филиалы и их научная деятельность не были затронуты, изменились лишь названия. В Нигере было принято соломоново решение — основное наименование филиала сохранили, но к нему сделали добавление. Теперь он называется: «Нигерский институт фольклора и антропологии». Музей в Ниамес, несомненно, зани-

¹² Конечная станция (франц.).

мается научным изучением Африки. Ежедневно из ворот небольшого здания выезжают машины, в которых по всей стране разъезжают ученые и исследователи самых разных национальностей: французы, испанцы, американцы, поляки. Исследователи естественных богатств земли и те, кого интересуют люди: жизнь, работа, культура, язык и их прошлое. Ничего нет удивительного в том, что этот музей, созданный на научной основе, не соответствует нашим европейским представлениям. Тут нет экспонатов за стеклянными витринами в непроветренных, пахнущих нафталином залах. Это один из самых оригинальных музеев не только в Африке, но и вообще во всем мире. На довольно большой площадке благодаря стараниям и нелегкому труду ученых и нескольких десятков увлеченных своим делом работников построены настоящие деревни самых различных этнографических групп, проживающих на нигерской земле. Итак, вместо диаграмм, рисунков, фотографий, набросков под открытым небом раскинулась сонгайская деревня, рядом с ней хаусская, фульбская, канурийская; тут же можно увидеть переносный домик кочевников пустыни. А чтобы представление было полным, в большинстве деревень сидят и работают ремесленники: ткнут традиционные ткани на ручных станках, изготавливают различные вещи из кожи, вырезают из дерева фигурки, делают филигранные украшения из серебра. Это настоящие народные умельцы, которые приходят сюда работать на сохранившихся старинных станках и инструментах. Собственно, это своего рода африканская резервация и одновременно музей. К нему относится также павильон, в котором собраны национальные костюмы, мужские, женские, детские, самых различных социальных слоев, всех народностей и племен, которые живут на территории Республики Нигер. Экспозиция представляет собой весь Нигер в уменьшенном виде. Проходя по площади музея, убеждаешься, как много интересного можно найти на этой земле между большой рекой и Сахарой.

Когда звонят на урок...

Мы рассказали о стране, в которую прибыли, о народах и племенах, которые ее населяют. Теперь поговорим о людях, о значительных событиях в их жизни. Человек формируется, собственно, с той минуты, как появился на свет. Но кроме физического развития, которое интересует только биологов, человек формируется также психически. А рождение его представлений и мыслей начинается с воспитания. Раньше утверждали, что школа и система образования молодежи были перенесены в Африку из Европы. Это не соответствует действительности, во всяком случае не совсем.

Европа принесла в Африку только ту традиционную школу, к которой все привыкли: школу, возглавляемую учителем, стоящим на крыльце и звонком, призывающим учеников на уроки, школу с уроками латинского языка и классической французской или английской литературы в старших классах, с линейкой, бьющей по рукам,— в младших.

До прихода европейцев молодые африканцы не цитировали Овидия и Вергилия, Шекспира и Вийона. Но...

У ряда племен уже с давних времен было принято весьма своеобразное воспитание молодежи. Какие-либо теоретические предметы не изучались. Молодые люди в определенном возрасте получали сведения о законах жизни. Иногда это воспитание напоминало учебу в интернате. Учащиеся покидали свои родные деревни, поселялись на значительном от них расстоянии где-нибудь в глуши, ставили небольшие переносные домики и учились жизни прямо у природы. Охоте на животных, ловле рыбы, земледелию, умению, если необходимо, отразить нападение врага в бою — всему, что необходимо человеку в суровых условиях, чтобы выйти победителем в тяжелой борьбе за жизнь. Учили их самые опытные и ловкие мужчины племени. Немалую роль здесь играла физическая подготовка: молодые люди бегали, прыгали, плавали, ныряли. Обучение было раздельным. Юноши и девушки воспитывались в соответствии с теми задачами, которые перед ними ставили природа и жизнь.

Возможно, их знакомили и с теми основными предме-

тами, какие преподают у нас в начальной школе, но содержание и метод их подачи, конечно, были другими. Возьмем, к примеру, такой предмет, как начальная арифметика. Очевидно, не случайно в некоторых африканских языках есть своя система выражения ряда чисел, а у части племен — совершенно иная система счета. Так, например, у йоруба эта система не десятиричная, как в большинстве языков, а двадцатеричная, то есть перемножение четырех на пять дает в результате общее число пальцев у человека. Это отличие в подсчете ограничивается первым десятком (ноля совсем не существует). После десяти, от одиннадцати до пятнадцати, система также основана на прибавлении десятка, от пятнадцати до девятнадцати числа образуются путем вычитания от двадцати. Цифра двадцать — основа для всех последующих четных чисел (так, например, сорок — это двадцать, дважды взятое, шестьдесят — двадцать, взятое трижды, и т. д.). Нечетные десятки образуют при помощи вычитания (семьдесят — это четырежды двадцать без десяти).

При такой системе число сорок восемь выражается следующим образом: «два отнятых от десяти, отнятых от трижды взятых двадцати». У сотен аналогично в основе — двести. Четные сотни выражаются умножением, нечетные — вычитанием ста от взятых в нужном количестве двухсот. Так же выражаются и тысячные. Большие числа образуются весьма сложным, но довольно интересным путем. Теперь, однако, вместо традиционной йорубской системы для выражения больших чисел либо применяется десятиричная система, либо она заимствуется у европейских народов. Сложны и выражения порядковых чисел — тут существует две системы подсчета. Одна обычная, знакомая нам, а другая, неизвестная европейцам, дошла с давних времен, когда с ее помощью подсчитывали ракушки каури, которые долгое время заменяли во многих областях Западной Африки деньги. Старый способ счета сохранился и существует наряду с новым, европейским.

Окончание курса обучения отмечалось некоторыми племенами очень торжественно, праздники эти издавна привлекали европейцев своей таинственностью и экзотичностью.

Не удивительно, что они часто носили характер обрядов, ведь молодые люди вступали теперь в жизнь, при-

знавалось их право стать взрослыми, полноправными членами общества. С современной точки зрения интересны не только сами обряды, а и все, что им предшествовало ранее и сохранилось до сегодняшнего дня (обрезание, начало половой жизни). Многие эти обряды были связаны с религией.

Вообще на систему воспитания молодого поколения, да и на взрослых людей все большее влияние оказывали оба религиозных учения, одновременно пришедшие в Западную Африку.

Европейцы, как это ни парадоксально, проникали в Африку и с юга, и с запада. Корабли работорговцев и пиратов сопровождали миссионеры, принесшие с собой христианство.

Арабы достигли Африки, пройдя через пустыню, и с ними вместе пришел ислам. В Африке не приходится искать мусульманскую школу где-нибудь в центре страны. Она есть и в любом африканском квартале Того, Ганы, Дагомеи, Нигерии, и в самых отдаленных деревнях саванны, и в мусульманском районе большого города на Гвинейском побережье. В засушливый период крона огромного старого баобаба или какого-нибудь другого дерева служит пристанищем тихим ученикам, сидящим на лавках, сбитых из досок. Часто это дети самого различного возраста. Впереди, перед скамьями, стоит сам учитель — мулла или чаще всего его помощник, которым может стать и один из учеников. Дети в школе обучаются основам арабской азбуки, учатся читать и писать, иногда получают самые начальные сведения по арифметике или истории, но главное для них — это Коран.

Стоит подойти к такой школе, как уже издали слышно, как дети нараспев читают Коран. Старшие мальчики внимательно смотрят в тетради и механически повторяют тексты.

Народы, для которых ислам — ведущая религия, считают необходимым знать Коран наизусть. Отсюда понятно, что ученики мусульманской школы, как только их отпустит учитель, разлетаются в разные стороны, словно воробьи. Современная мусульманская школа при всем своем консерватизме уже претерпела довольно сильные изменения. В прошлом она имела, правда, большее значение, особенно в те времена, когда других школ не существовало. Всюду, куда проник ислам еще до начала

европейской колонизации, создавались подобного типа школы. Не приходится сомневаться в том, что обучение в них в те времена стояло на очень низком уровне. Любопытно, однако, что учителя этих школ были (и остаются сейчас) многосторонне образованными людьми, но знания своим ученикам из-за консервативности самой школы они давали весьма ограниченные. Лучшие учителя не только подняли уровень культуры и науки Африки на значительную высоту, но и основали университет в Тимбукту, сделав его одним из центров мировой культуры.

Даже в наше время этот контраст очень заметен. Учитель, заставлявший своих учеников зубрить Коран, спокойно оставил их на попечение старшего мальчишка и пригласил нас в свой глиняный домик, где завел беседу о космосе, объяснял положение планет, описывал звездное небо. Он производил даже подсчеты периодов новолуния. В комнате около занавески, отделявшей его спальню от прихожей, играло радио, причем совсем тихо, чтобы не помешать ученикам заучивать наизусть.

В противоположность мусульманским, христианские школы проникали в Африку с юга, оттуда, где находились крепости и морские базы европейцев. Распространение христианства поначалу шло с трудом, ведь для африканцев это была религия белых. И не удивительно, что после длительного периода работорговли оно не пользовалось никаким авторитетом. Правда, среди христианских миссионеров и в период работорговли были люди с передовыми идеями, осуждавшие торговлю живым товаром. Однако они не могли изменить создавшегося положения. С одной стороны, работорговцы, морские пираты и моряки формально выступали за введение христианства (ведь первые поселенцы из Португалии были католиками), а с другой стороны, они же игнорировали любые попытки облегчить тяжелое положение африканцев, особенно во время их перевозки на кораблях работорговцев.

Тем самым эти люди попирали основы христианской морали. Это противоречие было довольно трудно объяснить африканцам, принимавшим новую веру. Именно поэтому воспитание в школе стало одним из самых важных задач христианских миссионеров. В этой области они имели возможность действительно приносить пользу.

Мы посетили две миссионерские школы в современной Западной Африке. Они мало чем отличались от обычной

европейской начальной школы, а может быть, в чем-то даже ее и превосходили. Прошли те времена, когда одинокий миссионер где-то в глуши, в небольшом селении обучал детей основам грамматики, уделяя при этом главное внимание слову божью.

Миссионерские школы сегодня — это не только маленькие домишки в селениях, это гимназии, семинарии и интернаты, которые по уровню обучения близки к церковным школам на Европейском континенте. Они давно уже начали откликаться на требования дня, на все изменения, происходящие в мире. О характере школы можно теперь узнать только по кресту перед фасадом здания, даже закон божий преподается в них лишь в качестве дополнительного ко всем остальным общеобразовательным предметам. Современная африканская администрация следит за миссионерскими школами и вынуждает их проводить различные реформы. Содержание школ обходится довольно дорого, но деньги, вложенные в них христианской церковью, не пропадают, они возвращаются благодаря тому идеологическому влиянию, которое церковь оказывает на молодую африканскую интеллигенцию. Ведь большинство африканских вождей, поэтов, писателей и других общественных деятелей обучалось в миссионерских школах, которые всего лишь двадцать — тридцать лет назад оставались в целом ряде стран (и прежде всего в странах бывшей Французской Западной Африки) практически единственным источником познания.

В качестве иллюстрации к вышесказанному можно привести разговор двух студентов — чешского и африканского.

— Послушай, ты, наверное, католик? — спрашивает африканец.

— Нет.

— Тогда баптист, адвентист или приверженец какой-нибудь другой секты?

— Нет.

— У вас ведь нет мусульман?

— Нет.

— Так ты, наверное, тот самый русский христианин или как это у вас называется? Мы кое-что слышали об этой религии.

— Тоже нет. Я не принадлежу ни к какой церкви.

Африканские студенты, окружившие собеседников, по-

нимающе закивали головами, но несколько огорченно заметили:

— У нас тоже есть такие люди, но они живут большей частью в глуши, в самых отдаленных селениях.

А как обстоит дело с общественными школами? Что в этом направлении предпринимает государство? Получить ответ на этот вопрос — значит рассмотреть положение с образованием в Африке в настоящее время.

До первой мировой войны большая часть школ в Западной Африке находилась в руках частных лиц. Миссионерские школы, с одной стороны, мусульманские — с другой, были неравномерно разбросаны по всей ее территории. В одном городе или селении ученики могли посещать только миссионерские школы, в другом — только мусульманские. И та и другая школа иногда находились в одном месте. Уже перед первой мировой войной были сделаны попытки создать общеобразовательные государственные школы. Позднее, в период между двумя войнами, пытались провести школьную реформу, но все эти планы не пошли дальше различных предположений. В Золотом Береге, где система образования была более передовой, к концу второй мировой войны функционировало всего лишь сто школ, которые посещало приблизительно сто пятнадцать тысяч детей. Это означает, что только около 13% всей молодежи в возрасте от пяти до четырнадцати лет было охвачено учебой. В 1927 году в Золотом Береге открыли так называемый «Колледж принца Уэльского», который в 1928 году после слияния с ним учительского института давал образование от начального до специального педагогического. Решающим этапом для проведения школьной реформы оказался конец второй мировой войны. Да и сама война сыграла в этом вопросе свою определенную роль.

Тысячи африканских солдат воевали в союзных войсках, они изгоняли фашистские полчища Муссолини из Сомали, Абиссинии и Эритреи, японские — из Индии и Бирмы. Особенно много африканцев оказалось на бирманском фронте. Климатические условия для европейцев здесь были особенно тяжелыми, поэтому британское командование посылало туда западноафриканские войска. Камерунцы и сенегальцы воевали также в войсках генерала де Голля. Они участвовали в освобождении Парижа. Но современная армия не может иметь в своих ря-

дах безграмотных солдат, поэтому их обучали на курсах, где давали необходимые знания. Эти курсы были, в сущности, первыми по ликвидации неграмотности взрослого населения Африки.

Вторая мировая война внесла много изменений в карту мира. Колониальная администрация начала понимать, что Африка не может оставаться в стороне от великих перемен. Поэтому англичане разработали и в 1946 году опубликовали десятилетний план преобразования школ в Западной Африке. План был составлен с учетом той структуры, которая к этому времени здесь уже существовала. Некоторые школы, начиная с начальной и кончая высшей, должны были принять совершенно новую, современную систему образования. В этот период на базе «Колледжа принца Уэльского» в Золотом Береге был основан университет. Второй университет создали на базе Ибаданского колледжа. Эти два университета были первыми в Африке.

Новая система образования получила свое подлинное развитие после второй мировой войны. В 50-х годах в Гане была осуществлена государственная общеобразовательная система. Несмотря на то что в Гане и в Нигерии постановка образования была несколько иной, чем в бывшей Французской Западной Африке, государственных школ, которые появились после второй мировой войны, было там еще очень мало.

В 1951 году в начальных школах Нигера обучалось около 7000 человек, тогда как в Золотом Береге их было около 300 000. В странах Французской Западной Африки, особенно в ее южных областях, было и до сих пор остается еще много миссионерских школ.

Из приведенной цифры числа учащихся в Нигере приблизительно 270 человек обучалось в католических, евангелических и миссионерских школах. Сколько их училось в мусульманских учебных заведениях, никому не известно, так как какой-либо статистики здесь не существовало. В Того в 1961/62 учебном году в государственных школах обучался 58 971 ученик, а в частных, в большинстве своем миссионерских, — 108 346.

Колониальную систему образования, которую молодые африканские государства поначалу перенесли совершенно механически на свою почву, можно упрекнуть во многом. Между начальным образованием, проникающим

в самые отдаленные селения в пустынях и в тропических областях, и школой второй ступени лежала огромная пропасть. Вторая ступень была достижима лишь для немногих. В основе обучения лежала здесь европейская система образования, учителя приезжали из Европы. Надо, однако, отметить, что за последние годы и здесь многое изменилось: школа значительно африканизируется. Наряду с латинскими авторами упоминаются африканские, одновременно с греческим изучаются африканские языки, помимо истории страны галлов начинают уже преподавать кое-что и из прошлого Африки. Но одна проблема остается — это проблема кадров.

К 50-м годам среди преподавателей школы второй ступени появились африканцы, но в начале 60-х годов произошел парадокс: завоевание независимости страны привело к... резкому снижению числа национальных педагогических кадров.

Независимым государствам сразу же потребовалось много образованных людей. Это были главным образом преподаватели. Поэтому учителя и профессора стали покидать свои классы и кафедры, вливаясь в отряды государственных чиновников, руководителей учреждений и их заместителей, посланников и послов. А младшее поколение далеко не сразу пришло им на смену.

Во время моего путешествия по Африке я смог познакомиться с работой нескольких школ. Всегда бросалась в глаза — большая разница между ними. Привилегированные школы напоминали наши гимназии старого типа: ученики стараются как можно скорее усвоить наследие, полученное ими от предшествующих поколений. Это люди разных национальностей и взглядов, но все они дружат между собой. В бывших британских колониях за партами рядом сидят африканцы, индийцы и пакистанцы. Араба тут можно увидеть вместе с малайцем, японцем или канадцем. Различие в происхождении совершенно не мешает им совершать проделки за спиной учителя, точно так же, как и ученикам всего мира.

В этих школах собраны преподаватели с весьма разносторонними знаниями, уровень преподавания высокий как в бывших английских, так и в бывших французских колониях.

В одной из школ, затерявшейся в отдаленном местечке, я был приветливо принят директором, угостившим ме-

ня холодным пивом из холодильника. Узнав, что я чех, он начал убеждать меня:

— Было совсем не умно со стороны ваших последних князей Пршемыслов приглашать в ваши пограничные леса немецких колонистов! Ведь это-то и привело к Судетской проблеме, послужившей для Гитлера поводом к разделу Чехословакии!

Я был поражен. Позднее выяснилось, что директор преподает историю и очень ей интересуется. Я должен признаться, что вынужден был собрать все крохи своих знаний о последних Пршемыслах и их политике, чтобы не опозориться вдали от родины.

Студенты этих школ получают материальную помощь. Часто при них создаются интернаты, содержание которых стоит немалых средств. Стипендию платит государство или же некоторые общественные и культурные организации. Самой оригинальной формой стипендии является, пожалуй, материальная поддержка студентов деревенскими или племенными объединениями. Определенный процент выручки от продажи какао или растительного масла отчисляется в пользу обучающихся представителей племени или деревни. Если урожай какао высок, то племя может послать в школу больше студентов, в случае неурожая процент их, естественно, падает. За тем, как занимается студент, пристально следят. Жители деревни или члены племенного объединения не будут работать на лен-тя. Поэтому достаточно директору подать жалобу на студента, как он может спокойно собирать свои пожитки и отправляться восвояси. Многие педагоги приветствуют эту систему. Она дает возможность контролировать студентов и вместе с тем поддерживать дисциплину. Мне на-помнило это один из рассказов К. Чапека, в котором рассказывает, как государственный казначей предложил каждому гражданину сообщать, куда уходят деньги, собранные в порядке налогообложения. Сочетание древних и современных общественных форм в Африке иногда напоминает эту ситуацию.

Нет ни одной страны, где требуется так много специалистов сразу, причем в самых различных областях, как в Африке. А несколько новых университетов, открывших свои двери после второй мировой войны, могут дать знания лишь небольшому количеству людей. Самый старый из этих университетов — Ганский. Есть университе-

ты в Легону у Аккры, Ибаданский университет в Нигерии и Дакарский в Сенегале. Однако всего этого недостаточно. Ведь совсем недавно они были лишь филиалами больших столичных университетов и только теперь постепенно переходят к полной самостоятельности, осознавая себя подлинно африканскими университетами. Три самых старых из них уже хорошо это поняли. Там преподаются естественные и общественные науки по собственным программам с учетом местных особенностей. Ведь еще не так много прошло времени с тех пор, как историю и культуру Африки изучали либо в Лондоне, либо в Париже. Теперь созданы центры изучения африканской культуры, языка и литературы и в Аккре и в Ибадане. Они постепенно приобретают мировую известность. Но и по сей день на этих факультетах студентов немного, так как молодежь проявляет интерес прежде всего к тем дисциплинам и наукам, которые можно применять на практике. Африке нужны прежде всего юристы, врачи и техники. Может быть, через некоторое время проснется интерес и к гуманитарным дисциплинам.

В 60-е годы все новые и новые университеты появляются в городах Африки: в Кейпкосте, Кумаси, Лагосе, Нсука, Зарии. Университеты в Аккре, Ибадане, Дакаре продолжают выпускать специалистов, и надо надеяться, что уровень преподавания будет здесь постоянно расти.

И все-таки учебных заведений в Африке недостаточно. Сотни студентов, желающих получить знания, едут учиться в различные страны мира. Им предлагают руку помощи. Так, в Москве, Нью-Йорке, Лейпциге, Гейдельберге, Праге и Лондоне формируется молодая африканская интеллигенция. Первое поколение тех, кто закончил уже свое образование, вернулось обратно — это сегодняшние министры, партийные руководители, послы, президенты.

Статистика утомляет читателей, которые и так часто соприкасаются с различными цифровыми данными в связи с теми или иными международными конференциями, связанными с Африкой. Однако нам представляется необходимым привести несколько цифровых примеров по стране, о которой пишут мало, например, по Того — одному из самых маленьких государств Западной Африки. Это государство имело в 1961—1962 годах 116 студентов во Франции, 22 — в Дакаре и 10 — в Бамако. Студенты получали стипендию от тоголезского правительства.

Интересно проследить, как распределяли стипендии в Того различные государства и отдельные организации:

Франция	42	стипендии
Германия (ФРГ)	5	•
Югославия	2	•
Чехословакия	22	•
СССР	9	•
США	9	•
Тунис	13	•
Тоголезская торговая палата	3	•

Надо иметь в виду, что вовсе не каждый африканец стремится получить высшее образование и не каждый в нем нуждается. Да и государству не требуются одни только граждане с дипломами. Гораздо важнее на данном этапе ликвидировать неграмотность среди населения. Общее образование в начальной школе и обязательное ее посещение детьми и молодежью, увеличение количества школ и повышение уровня преподавания — вот путь к решению этого вопроса.

Не меньше нуждается Африка и в курсах по ликвидации неграмотности.

В бывших британских колониях учащиеся обычно начинают с изучения того языка, который в этой области или районе является общепринятым. Затем, уже на втором этапе, овладев основами местного языка, переходят к изучению английского.

Курсы в Африке испытывают постоянную нужду в учебных материалах: книгах, учебниках, сборниках стихотворений и журналах. Это относится и к начальной школе, и частично к старшим классам, в которых английский язык также осваивается на базе местных. Но речь идет не только о том, чтобы найти педагогические кадры, подготовить учебные пособия, создать нормальную обстановку для обучения. Нет смысла учить людей тому, что не будет потом применяться на практике. Дипломы в африканской деревне не потребуются. В 1956 году, за год до провозглашения независимости Ганы, был проведен опрос 202 человек различных профессий. Примерно третья часть опрошенных утверждала, что они умеют немного читать по-английски, и всего трое заявили, что умеют читать только на английском языке. По ответам жителей одной из деревень, расположенной в вольтской области (на се-

вере бывшей немецкой колонии Того), можно составить следующий вывод:

Читают только на самом распро- страненном языке этой области— эве	10 человек
На эве и английском	11
Только на английском	1
На самых распространенных в Гане языках—акан и тви	2
На языке тви бегло и на эве слабо	1
На эве и немецком	1
На эве и йоруба (язык Западной Нигерии)	1
На эве и языке га (язык района Аккры) и на английском	1
На языке га и на эве	1

Эта анкета показала, что в период опроса (то есть в 1956 году) четвертая часть всех опрошиваемых научилась читать на курсах для взрослых.

Какую же литературу предпочитали африканцы? Бóльшая часть отдавала предпочтение книгам, в которых рассказывалось о традициях и прошлом их родины, много было любителей читать Библию, тут сказывалось влияние миссионерских школ. Многочисленные читатели проявляли интерес к статьям о последних событиях в мире, к коротким рассказам и, в меньшей степени, к более сложным литературным произведениям. Если учесть краткость времени, за которое население Западной Африки приобщилось к литературе, то удивительным кажется ответ, полученный от многих читателей: «Если хочешь что-нибудь прочитать, не жалея денег». Сейчас уже поступают жалобы на плохую доставку книг и журналов. Возможности обучения и интерес к изучению той или иной науки упираются теперь в наличие литературы по разным вопросам. Времена меняются, и тот, кто издает и пишет книги, уже не носит их на спине в корзине и не ходит пешком. Книги развозят в «джипах», которые разъезжают со своим грузом по селениям.

Жизнь за кулисами прошлого

Сколько существует мир, столько сохраняется бережное отношение к памятникам и наследию прошлого. В какой-то мере здесь сказывается чувство грусти человека по поводу того, что его переживают вещи. И действительно, они переживают людей, и не только отдельных личностей, но и целые поколения, народы и общественные формации. Они могут быть маленькими и большими, могут сохраняться долго или сравнительно короткое время. В период, когда вещи создаются и используются, они составляют часть жизни человека и помогают формированию поколений и народов. Но когда в один из дней исчезают с лица земли люди, а вещи, созданные ими, остаются, напрашивается сравнение с огромной сценой, которую покинули актеры. Сцена и кулисы прошлого.

У нас в Европе вещественные памятники сохраняют как свидетелей давно прошедших дней: реставрируются древние стены, заботливо охраняются росписи дворцов, и группы туристов торжественно проводят по их внутренним покоем.

В Западной Африке, в тропическом климате, вообще не очень подходящем для сохранения памятников старины, они и сейчас встречаются довольно часто. И тут вы сразу же можете увидеть кулисы двух совершенно различных миров. Мира старой Африки, мощных династий на побережье Гвинейского залива, и мира первых европейских пиратов, работорговцев, купцов, их рабов и слуг. Зачастую оба эти мира десятилетиями и столетиями жили один около другого, располагаясь вместе за одними кулисами. Но мир прошлого Африки значительно отличался от прошлого Европы. Это диктовалось прежде всего самой жизнью, ее особенностями, которые отразились, в частности, на западноафриканских памятниках прошлого. Оставим, однако, философию и заглянем за кулисы...

Если проехать по хорошей дороге сто пятьдесят или двести километров от города Котону на север, то неминуемо приедешь в небольшое селение, которое сначала не привлечет к себе вашего внимания. Официальное его название — станция Бохикон на железной дороге Кото-

ну — Параку. В общем-то, это более или менее большая деревня, чуть получше, чем другие, каких в тропических лесах вперемежку с заповедниками паркового типа полным-полно. В селении есть рынок, и несколько европейских фирм имеют тут свои отделения. Кстати, реклама крупных фирм в этих местах характеризуется несколько меньшими размерами букв, чем на побережье или в больших городах. Тут же расположились католическая и протестантская миссии. Если приехать в такое селение в базарный день, можно спокойно отказаться от обеда в государственных кемпингах. Желających продать тебе что-либо — хоть отбавляй. Особенно много продавцов изделий народных умельцев. Иногда встречаются скульптурки из бронзы и дерева невиданной красоты. Среди них вы можете найти и сувениры, связанные с историей: какой-то предмет, напоминающий трон, различные символы, искусно вытканые материалы.

Бохикон — не просто селение. Совсем близко от него находится бывший центр одной из самых знаменитых и самых сильных когда-то держав на побережье Гвинейского залива — Абомей.

Итак, прибавим шаг и пройдем несколько километров на запад по довольно хорошей дороге в Абомей. Дорога становится все шире и шире, и вот перед нами появляются первые развалины мощных высоких строений абомейского королевского дворца.

Уже много писали об истории национальной группы эве, о ее представителях, говорящих на труднопонимаемом диалекте, живущих в южной части Республики Того и Дагомеи. Культура этого народа, разделенного в ранний период колониализма между тремя сферами влияния, представляет большой интерес.

Древняя его история может служить типичным примером развития одной этнической группы в Тропической Африке, которая не подвергалась в те далекие времена постороннему влиянию. К сожалению, почти никаких исторических источников мы здесь не имеем. Представители эве утверждают, что их древние поселения находились в мало известном в наше время местечке на востоке Дагомеи—Кету. Сейчас знаменитое Кету—небольшое провинциальное селение так называемого района Абомей, и его две тысячи жителей уже мало интересуются своим славным прошлым и его легендами. Согласно преданиям,

предки сегодняшних эве переселились отсюда в легендарное Тада. Может быть, дальнейшее изучение захоронений и руин, которые, как рассказывают, сохранились в тех местах до сего дня и чтутся эве как святыни, укажет, какова доля правды в легендах. Очень интересен рассказ о дальнейшем передвижении племен, уходе их из Тада в места более поздних поселений. Главная роль в рассказе отводится дочери начальника эве Алигбонан и леопарду. Согласно легенде, Алигбонан встретила в пустыне раненого леопарда, вылечила его, а он подарил ей за это двух чудодейственных голубей, которые своим воркованием подсказали Алигбонан, когда ей надо покинуть страну и пуститься в путь. В соответствии с другой легендой, дух, превратившись в леопарда, изнасиловал Алигбонан. Она родила мальчика с длинными ногтями, который стал потом статным мужчиной и новым вождем эве. Он-то повел их на новые места.

С XV по XVI столетие на территории Дагомеи (части современного Того) возникли два государственных образования: одно в глубине материка — в Алладе (Адра), а второе на побережье, приблизительно там, где находится современная Вида. Название государства в Алладе можно найти только на карте Арношта Лангрена, изданной в Европе в 1596 году.

В Алладе было, очевидно, государство, которое первыми посетили португальские мореплаватели и славу о его богатстве привезли в средневековую Европу. В конце XVI — начале XVII столетия по причине различных волнений и междоусобиц от былой славы этого государства остались лишь жалкие воспоминания.

С начала XVI столетия возвысилось еще два племенных государства эве: Абомей, имя которого стало известно во всех странах, Хогбону — ныне Порто-Ново, столица современной Дагомеи.

Въезжая в ворота королевского дворца в Абомее, попадаешь в центр одной из самых мощных когда-то держав, которая пережила работорговцев на Гвинейском побережье, хотя позднее все же была завоевана.

В мифах и легендах эве часто рассказывается о герое Такоду, который возглавлял племена эве, и об основателе Абомей — Уигбадже, который, очевидно, был сыном мифического вождя племени, пришедшего из Того. Среди легендарных героев выделяется весьма выразительная

фигура уже реального короля Агджа, сыгравшего выдающуюся роль в истории государства в период его расцвета. Королем Агджа, который правил где-то в первые три десятилетия XVI века, удалось создать в Абомее сильное централизованное государство, которое превзошло все существующие до этого времени эвейские племенные объединения. Ему удалось также найти и удержать выход к морю (благодаря захвату части территории современной Вхидды), объединить все племена, жившие в областях современной Южной и Юго-Западной Дагомеи, и уничтожить остатки государства в Алладе. Агджа вступил даже в войну с соседним государством йоруба, но проиграл ее и вынужден был отступить за реку Моно. С этого времени Абомей платил ежегодную дань королю из Ойя. Дань эта оказалась довольно значительной — 41 раб, 41 рабыня, 41 пушка и, наверное, что-нибудь еще. Постоянно растущая концентрация дагомейской державы и усиление внешнеполитического влияния, разумеется, отразились и на ее внутреннем положении. Из племенного объединения фон племени эве возникла надплеменная организация, которая укрепляла государственный строй державы, для чего последняя была разделена на отдельные области. Во главе каждой области стояли вожди. Они собирали налоги, отвечали за охоту на рабов.

Дагомейская держава со столицей в Абомее была — и это, безусловно, одна из самых грустных страниц истории Африки — одним из крупных центров торговли рабами и охоты за ними на побережье Гвинейского залива начиная с XVI и кончая XIX столетием. Вместе с Ашантской державой и некоторыми другими государствами она вела активную торговлю рабами, исполняя роль перекупщика, часто добывавшего свой товар в братоубийственных войнах с близкими и далекими племенами. Разумеется, таким позорным путем Дагомейская держава наживала свои богатства и завоевывала позиции сильного государства.

Охота за рабами, их транспортировка и продажа были здесь хорошо организованы. Существовали даже государственные фермы, где на полях и плантациях использовался труд рабов. Причем фермы эти представляли собой в некотором роде что-то похожее на загоны для рабов: в те периоды, когда на европейских и азиатских рынках «товара» было достаточно, а цены на него падали,

рабы содержались на фермах и работали там в ожидании повышения спроса. Тогда можно было продать живой товар без потерь или даже с прибылью. Так как работорговцы платили неплохо, прибрежные племена были заинтересованы в том, чтобы законсервировать торговлю Абомея, пытаясь заставить его играть роль некой передаточной инстанции. Рассказывают, что прибрежные торговцы захватывали иногда дагомейцев, сопровождавших корабли с рабами, и продавали в рабство вместе с их «товаром». Это, должно быть, не очень-то приятно — за одну ночь из работорговца превратиться в раба. Иногда бывало и наоборот. «Товар», который посылали прибрежные торговцы, резко падал в цене в Абомее, потому что у них были отрезаны половые органы.

Растущая военная сила Абомея позволяла ей решительно защищать свои торговые интересы. Были организованы легендарные женские полки амазонок, о которых много писала европейская романтическая литература. Но это далеко не все, чего достигла Дагомея благодаря прекрасной организации и терпеливо накопленного опыта.

Дагомейская держава, после того как она завоевала выход к морю, наладила контакт с Европой, о чем сообщают различные источники. Один из последних дагомейских королей, Глезе (правил где-то между 1818—1858 годами), сумел найти новый товар, более верный и безопасный, и тем самым конкурировать с торговлей рабами. Он был одним из первых, кто попытался перевести свою страну на выращивание оливковых пальм и продажу оливок. Глезе основал в Абомее профессиональную армию, якобы для обеспечения безопасности государства; делал попытки произвести изменения его внутренней структуры, которая раньше была всецело подчинена работорговле; организовал вывоз сельскохозяйственных продуктов; установил систему налогов и пошлин. В период его владычества Дагомейская держава с центром в Абомее постепенно теряла черты паразитического работоргового государства и становилась ядром всей национальности эве на востоке. Неизвестно, как далеко зашло бы это естественное развитие большого африканского государства, если бы оно не было остановлено насильем!

История Дагомейской державы полна войн, особенно в последние годы ее независимости. Правление наследника Глезе — Глеле и его сына — Беханзина сопровож-

далось бесконечными войнами с Францией, которая в 1878 году окончательно обосновалась в Котону и с 1882 года в Порто-Ново. В 1890 году Беханзин заключил с Францией договор, и с этого времени протекторат над Порто-Ново был признан безоговорочно, как и право на оккупацию Котону. Уже в 1892 году опять началась война, последняя для старой, мощной некогда державы, после которой наступили времена колониального владычества Франции. На юге Дагомеи Франция сосредоточила свои самые большие военные силы, какие ранее и не применялись при завоевании Африки: три тысячи солдат под командованием полковника Додса. Это превосходство в силе сломало даже такую хорошо организованную армию, какой в то время была армия Дагомеи. Король Беханзин хорошо понимал это и попытался заключить с Францией мир, не дожидаясь своего поражения. Поэтому он вел оборонительную войну. Из некоторых источников известно, что Беханзин искал помощи у немцев, которые в этот период завершали порабощение соседнего государства — Того. Он сумел, однако, привлечь на свою сторону лишь нескольких профессиональных немецких наемников, которые хотели ввести тяжелую артиллерию в дагомейской армии. Согласно сообщениям некоторых авторов, французы очень жестоко поступили с этими немецкими офицерами: их расстреляли. Никто и ничто не могло спасти Дагомейскую державу от поражения в этой войне, так как силы противников были слишком неравны. И вот 18 ноября 1892 года Абомей был захвачен французами и сожжен дотла. Беханзин еще два года вел с французами партизанскую войну в лесах и пустынях на севере от Абомея, но, когда его собственный брат принял предложение французов, которые провозгласили его абомейским королем, Беханзин сдался с горсточкой верных ему людей. Он был сослан на Мартинику, откуда писал французскому президенту, требуя от него справедливого решения своей участи.

Эти времена давно уже миновали, и теперь когда приближаешься к Абомее, то кажется, что от былой славы великой державы остались только одни воспоминания. Пробоины зияют в высоких стенах из красного камня и кирпича. Строения высотой в десять метров и выше, обвитые тропическими растениями, теперь стали лишь предметом восхищения местных и иностранных туристов. Их

мощь и сегодня еще нагоняет страх — это, действительно, остатки одного из самых больших укреплений, которые существуют в Западной Африке. Вся площадь перед королевским дворцом, с его зданиями и пристройками, когда-то занимала более сорока гектаров. Теперь же можно найти лишь несколько сохранившихся строений, да и то в разных местах.

Внутри крепости тоже мало что осталось, тропический климат и буйная растительность не способствуют сохранению старых зданий. Пожалуй, единственное, что еще рассказывает здесь о прошлом, — это сооружения, построенные последними королями — Глезе и Глеле. Они были частично реставрированы французскими и дагомейскими архитекторами и историками, после чего здесь открыли дагомейский музей. Он рассказывает о жизни, которая протекала когда-то в этих хмурых и неприветливых стенах.

По словам местного экскурсовода, дворец этот был как бы государством в государстве, сосредоточившим в миниатюре все черты, присущие Дагомейской державе. Иерархия министров соответствовала иерархии жен короля, которые жили в маленьких домиках, скорее хижинах. Рассказывают, что король никогда не ночевал в одной и той же хижине. Неизвестно, хотел ли он быть справедливым по отношению ко всем женам или же не желал, чтобы его застали подданные, покушавшиеся на его жизнь. Король имел личную охрану из амазонок. Сначала она была создана для развлечения короля, а потом заменила ему гвардию, которую бросали в бой во время войны в самых трудных ситуациях.

В Дагомее была армия прислуги, над которой надзирали евнухи, много различных мастеров — ювелиров, резчиков по кости, ткачей, красильщиков, кузнецов и лудильщиков, которые производили оружие, изготавливали украшения, мебель, различные предметы роскоши, декоративные ткани, строили дома, удивляющие сейчас наших современников. Собственно, они были слугами своего короля, потому что за работу получали всего лишь некоторые привилегии у королевского двора. Король содержал их, обеспечивал едой и кровом, оказывал «милости» своим подданным.

Проходя по восстановленным комнатам, построенным Глезе и Глеле, не знаешь, чему удивляться, барельефам

ли, прекрасным по цвету и исполнению, рассказывающим о различных событиях из времен царствования короля; драгоценностям ли, оружию или декоративным материалам, на которых довольно часто изображается жизнь дагемейских королей, или столбам, где вырезаны символические приказы короля своим подчиненным. Каждый король выбирал какой-нибудь символ, отображавший его силу, какое-нибудь великое имя, этимологию и значение которого расшифровывали потом искусные руки умельцев на настенных гобеленах. Основатели музея собрали и изобразили на стенах все церемонии, символизирующие наступление различных времен года. И лишь одно наводит на грустные размышления — троны королей. Некоторые из тех, что собраны в этом так называемом тронном зале, являются всего лишь копиями и лишь немногие из них подлинные. И когда смотришь на удивительную, прекрасную работу неизвестных резчиков, которые своим мастерством пытались возвеличить власть королей, то контраст, существующий между возможностями огромной власти и тем, с какой целью она используется, сразу бросается в глаза. Особенно остро чувствуешь это, осматривая трон короля. Король был мал ростом. Для того чтобы он не казался таковым и подданные не могли на него смотреть сверху вниз, трон установлен на человеческих черепаках. Король, символ светской власти, был смертен, поэтому, когда он умирал, во дворце три месяца продолжались особые обряды. Перед воротами дворца собирались люди со всех концов страны. Начинались невиданные по своему размаху церемонии. Амазонки и армия проходили парадным строем перед наследником, тот раздавал подарки, потом начинались празднества в память усопшего и во здравие нового короля. После смерти короля казнили часть его рабов, чтобы они могли служить ему в загробной жизни. Иногда эту участь постигала и его жен, что, кстати, отражено в документах. До наших дней во дворце сохранилась гробница, в которой захоронена 41 жена короля Глеле, их казнили после его смерти. Жены Глеле теперь спят вечным сном в нескольких шагах от гробницы своего мужа.

Дворец Глезе не похож на дворцы европейских королей. Снаружи можно увидеть только желтые стены из обожженной глины; крыша дворца — из сухой травы и камыша. На первый взгляд он напоминает наши большие.

сарай, внутри — довольно прост. Посредине расположен огромный зал для стражи, там же — склад оружия, наверху две просторные комнаты, одна для короля, другая для его привилегированных жен. Комната короля имела большое окно, чтобы он мог наблюдать за всеми происходящими церемониями.

Перед дворцом установлены разрушенные средневековые пушки, которые дарили королям дагомейские торговцы, чтобы заручиться их расположением. Одна пушка, сделанная во Франции, была захвачена немцами во время войны с французами где-то около Седана и потом продана немецким торговцем из Того последнему дагомейскому королю.

В другом дагомейском музее — тетради с пожелтевшими планами и рисунками, рассказывающие о былом величии и славе когда-то могучей державы.

Иногда можно увидеть, как группа африканских женщин с важным и сосредоточенным видом направляется к гробнице короля Глезе. Было бы ошибкой принимать их за обычных посетителей дворца и музея. Это потомки дагомейских королей, которые точно так же, как много лет назад, совершают ритуальные обряды. До сих пор они живут и даже властвуют, занимая небольшие посты начальников округов или районов. Тут прошлое не кажется уже таким далеким, каким оно является на самом деле.

Мы покидаем Абомей. Мотор нашей маленькой машины весело шумит, колеса отсчитывают километры по современной асфальтированной дороге, ведущей на юг, к морю. Старые постройки уже не видны. Остались позади ворота музея, дома, рынок и площадь Абомей. И только в воспоминаниях сохранится этот город, перекресток прошлого и настоящего, город, который был когда-то знаменит, а теперь превращен в музей и живет своей музейной славой.

Другой город, в котором также находилась эвейская держава, сейчас выглядит совершенно иначе, чем мрачные остатки древнего Абомей. На карте вы найдете его португальское название — Порто-Ново.

Так назвал португалец Эухаристос де Кампос африканский город Хогбону, куда он попал впервые около

1752 года. Город этот уже в те времена был значительным центром, его окружали подвластные ему области, Хогбону привлекал работорговцев и пиратов самых разных национальностей. Ее африканские хозяева, которые вели свою династию от старых властителей эвейской Аллады, поначалу видели в прибывающих европейцах только силу, пригодную для защиты от своих воинственных соседей — йоруба, а также против все усиливающейся Дагомейской державы. Соперничество двух европейских государств — Англии, которая прочно закрепилась в соседнем теперь нигерийском городе Лагосе еще в 1861 году, и Франции, которая начала свое наступление из соседней Виды и Котону, — привело в конце концов к неизбежному результату — французскому протекторату, установленному в 1863 году. Он был подписан вождем де Соджи. Однако пришедший после него к власти вождь де Микпон сделал ставку на конкурентов и обратился к англичанам в соседний Лагос. Англичане откликнулись на его просьбу и в 1872 году выслали военный корабль в Хогбону под тем предлогом, что «король Порто-Ново не принял протекторат Франции», о чем сообщалось в письме английского губернатора из Лагоса. Ситуация вновь изменилась по приходе к власти наследника де Микпона — Тоффи, который в 1883 году признал протекторат Франции. Англичане некоторое время еще блокировали Кетону — маленький островок-крепость, который прикрывал залив у Порто-Ново. Этот город не стоит на самом берегу моря, и выйти из него в залив можно только по сложной системе каналов.

В Порто-Ново нет красивых замков и дворцов, нет замшелых средневековых фортов, охраняемых ржавеющими пушками, нет большого собора в колониальном стиле, нет и традиционных мест, где собираются укротители змей, и все же это одно из самых красочных мест на Гвинейском побережье.

Узкие и глухие улочки старого африканского Хогбону, изгибающиеся самым невероятным образом и совершенно непригодные для движения какого-либо транспорта, хорошо сочетаются с тишиной, которая царит в рыбацких поселках на заливе. Широкая, безбрежная гладь залива привлекает своим покоем, который так необычен для Гвинейского побережья. Вы всегда узнаете этот залив по его спокойной поверхности, которая лишь изредка

нарушается порывами ветра; его легко отличить от вечно бушующего Атлантического океана. Рыбачьи лодки, которые там с трудом преодолевают белые гребни прибоя, тут, вблизи от берега, поднимают паруса и спокойно плывут дальше, лишь изредка подгоняемые монотонными и однообразными взмахами весел рыбаков.

Во всех районах Порто-Ново разбросаны дома и маленькие домишки старого португальского города в колониальном стиле. Правда, этот стиль несколько изменился под влиянием не только бывших работорговцев, но и эмигрантов — «бразильских» йоруба, фону и других потомков рабов, когда-то проданных из этих краев в рабство. Старые дома с крышами из гофрированного железа, с верандами, немного напоминающие крепости, стоят попеременно с разнообразными строениями, в которых когда-то жили африканские вожди.

Самое большое здание Национального собрания, здания других министерств, центральных учреждений современной Дагомейской республики, дагомейского музея, почты напоминают, что мы находимся в официальной столице Дагомейской республики. Здание Дагомейского архива словно сошло со страниц романтической сказки времен пиратских набегов. Оно чем-то напоминает маленький замок, жилище конкистадоров. Сейчас в нем хранятся тысячи реестров, приказов бывших французских губернаторов, различных документов с мест, из далекой пустыни, отчетов дорожных или портовых строительных организаций. Все это спокойно покрывается пылью на полках в ожидании историка, который, может быть, только теперь родился...

Столица, продолжающая еще в какой-то мере жить своим прошлым, напоминает ярко расписанную декорацию на сцене, где начинается новая жизнь. Большие банки и магазины, современные здания — все то, что более или менее характеризует большинство столичных городов Западной Африки, — все это Дагомея уступила соседнему городу — Котону, находящемуся от нее на расстоянии 32 километров. В Порто-Ново — тишина, покой и пока лишь ожидание тех времен, когда согласно традициям страной будут управлять из этого мира старых зданий.

Так же как и много лет назад, на маленьких площадях города трудятся ремесленники. В одной половине его но-

минально управляет род вождя Тоффи, когда-то подписавшегося под документом о французском протекторате. Здесь, в районе Гбецо, живут рядом король дня и король ночи, которые никогда не должны встречаться. Собственно, не смеют встречаться до тех пор, пока тут властвуют традиции. Согласно старым мифам эве, когда-то к царствующей династии пришел откуда-то с востока, очевидно из йорубских стран, Адимола. Этот иностранец женился на дочери старшего вождя эве, унаследовав таким образом трон для всех своих мужских потомков. Так возникла двойная иерархия. Существовал король, которому каждый был обязан воздавать почести, рядом с ним обычный гражданин — отец королевы. Традиции не позволяли, чтобы отец первый приветствовал своего сына или зятя. Но он обязан был оказывать ему всяческое уважение. Так появился институт короля дня и короля ночи. Зунон — король ночи, потомок, действительный или предполагаемый родственник бывшего когда-то отца королевы, имел право выходить из дома только ночью, чтобы никогда не встречаться с предполагаемым наследником трона — королем Ахолу, который в свою очередь не имел права выходить ночью. Приход к власти нового вождя до сего дня сопровождается очень сложной церемонией и ритуалом, напоминающим историю возведения на трон прапрадеда вождя. Во время этой церемонии король ночи должен приготовить своему «сыну» традиционную ритуальную ванну. Тут и происходит встреча с королем дня. Сейчас они не встречаются, конечно, один только раз. Современная жизнь привела к тому, что оба короля участвуют теперь в различных празднествах и их присутствии придает им еще больше блеска.

Традиционная структура двора в Порто-Ново в наше время начинает распадаться, правда не так быстро, как это иногда кажется. Язычество в известной степени уже уступает место христианским и мусульманским обычаям. В конечном счете создается впечатление, что падение власти и влияния традиционной администрации в Порто-Ново привело к укреплению позиций ислама, ибо анимизм перестал быть господствующей идеологией, а христианство, пришедшее сюда позднее, не успело занять привилегированного положения. Существование всех этих религий иногда порождает занимательные ситуации. Так, обряды, связанные с рождением или смертью, могут в одной

семье совершать представители разных религий, так как каждый родственник действует в соответствии со своей верой, не мешая и не завидуя друг другу. Может случиться, что покойный проведет ночь после своей смерти с распятием в остывших руках, как и полагается христианину, а потом, чтобы не обидеть родственников, будет зарыт в землю под своей хижиной, как этого требует традиционный обряд.

Даже культ воды, известный в Центральной и Южной Америке, постоянно бытует на дагомейском побережье и в Порто-Ново, принимая иногда диковинные формы.

Иностранные туристы часто спрашивают, почему столицей Дагомеи считается не Котону, где находятся правительственные учреждения, живут все высокопоставленные чиновники и президент, где есть все условия для представительств и гостиницы для приезжих, а Порто-Ново. Ведь еще в 1962 году в Порто-Ново была всего лишь одна, да и то не очень привлекательная гостиница и правительственный особняк с четырьмя комнатами. Жизнь там шла своим издавна заведенным порядком.

Дагомея чтит традиции, что, как признают и сами высокопоставленные дагомейские чиновники, может быть, и не очень разумно. Когда-нибудь Порто-Ново, наверное, сольется с Котону или туда перенесут столицу. Будет ли это? Кто знает...

До сегодняшнего дня в Порто-Ново правят короли дня и ночи, точно так же как официально заседают здесь дагомейское правительство, парламент и приезжает из своего красивого дворца в Котону президент. Как представитель государственной власти, он, видимо, имеет право встречаться с королем дня и королем ночи одновременно, но действительно ли это так, сказать трудно.

Как установить родственные отношения и подлинные имена людей

*Nomina sunt omnia*¹³,—говорит старая латинская поговорка. Я вспомнил о ней, проезжая со своим приятелем по африканским городам и селениям. В каждом втором селении мне представляли какого-нибудь знакомого как брата, или двоюродного брата, или дядю. Причем иногда бывало и так, что мужчина, с которым меня знакомили, называл себя Джоном К. Евуси, на его визитной карточке значилось «Д. Е. К. Кларксон», а мой африканский друг называл его дорогим Кофи!

Я никогда не сомневался в том, что африканские семьи многочисленны, но мне все время оставалось неясным и непонятным, как же все-таки обстоит дело с родственными связями африканцев и каковы их подлинные имена. Подобные же вопросы мучили, видимо, и других европейцев, посещавших Африку. Сбитый с толку множеством имен и каких-то особых понятий, скрытых под привычными нам — брат, сестра, двоюродный брат, дядя, тетя, каждый европеец ориентируется в этой мешанине в меру своих способностей.

Мы не собираемся подробно разбирать сложную систему родственных отношений, число которых в Западной Африке настолько велико, что выпутаться из них не так-то просто. Рассмотрим поэтому только самые основные отношения между людьми, играющие важнейшую роль в их жизни: вступление в брак, создание семьи, выбор имени и все остальное, что прямо или косвенно с этим связано.

Было бы ошибкой считать различные традиционные семейные отношения в Западной Африке ушедшими в далекое прошлое, к бабушкам и дедушкам. С некоторыми традициями мы можем встретиться и сегодня, особенно в африканской деревне. Тут существует множество различий в обрядах женитьбы. Большая часть народов и племен Западной Африки создает свою семью и складывает свои родственные отношения на основе патриархата. Культ отца заводит часто так далеко, что сын, даже если

¹³ Имена — символы (лат.).

он женат, вынужден селиться недалеко от дома своего родителя. Исследователи, занимавшиеся вопросами родства в Западной Африке, утверждают, что у народа хауса отец решает, может ли женатый сын переехать или обязан остаться при нем и заботиться об отце до самой смерти. Иногда братья (в нашем понимании) остаются вместе и после смерти отца, хотя у каждого из них есть семьи. Так иногда возникает «большая семья», состоящая от шести до пятидесяти членов, которая начнет распадаться только тогда, когда кто-либо из сыновей решится ее покинуть.

Далеко не везде в Западной Африке распространен патриархат. Значительное число национальных групп сохраняют в своем быту элементы матриархата — это главным образом аканы в современной Гане, а также некоторые племена севера Нигерии и, как стало известно в последнее время в результате тщательного изучения, некоторые пограничные племена хауса, не испытывавшие на себе влияния ислама (в основном на северо-западе, близ Пиаульта в современной Западной Нигерии). Их деревни и до сих пор представляют собой совокупность больших домов с особыми отделениями. В каждом из них живут дети одной женщины — главы семьи.

Мужчина, глава ли он семьи или нет, обязан завоевать женщину. У западноафриканских племен существовало множество способов такого завоевания. Наиболее известны два: мужчина должен либо купить себе жену, либо ее заработать (при покупке выплачивалась так называемая «цена за жену»). Иногда комбинировались оба способа.

Довольно редким случаем было «обменное супружество»: мужчина должен был дать взамен жены родственнику будущей жены свою родственницу. Обычай платить за жену также выливался в различные формы: у кочевых племен в северных саваннах расплачивались скотом или дичью. Так, например, в одном племени Северной Ганы цена за жену была назначена в размере трех коров и быка. Если мужчина был обручен еще с детства, то выкупать жену можно было заранее и постепенно. Часто бывало и так, что приходилось жениться в долг. Иногда сын платил долг отца за мать. По обычаям других племен, женщина должна была иметь приданое — чаще всего посуду, необходимые в хозяйстве вещи и кое-какие

продукты, которые молодая семья употребляла в пищу месяц или два после свадьбы. У менде, жителей Сьерра-Леоне, сын находился в зависимости от отца и своего дяди по материнской линии и должен был ждать, пока тот заплатит за него цену, которую назначит семья невесты. Бывали и такие случаи, когда молодые уже давно жили как муж и жена и даже имели детей, но они считались детьми семьи жены до тех пор, пока муж не заплатит установленную за невесту цену. С женитьбой «на отработку» дело обстояло (и еще неизвестно, как обстоит сейчас) гораздо сложнее. Разные племена имели и имеют различные и очень сложные правила, регламентирующие порядок, при котором молодой мужчина должен заработать для себя право взять в жены ту девушку, которую он выбрал. У земледельческих племен молодой человек отработывал определенное количество дней на поле будущего тестя. Иногда этот обычай исполнялся довольно формально. Жених ходил работать не один, а с группой молодых мужчин, своих родственников, в чем и проявлялась семейная солидарность.

Интересно, что такая система отработки у некоторых племен обязательна не только для мужчин. Так, у эве в то время, пока мужчина трудится на поле отца невесты, девушка должна работать у матери жениха. Это можно классифицировать как обмен. Кто знает, может быть, в основе подобных обычаев лежит желание предоставить возможность молодым людям сблизиться со своей будущей родней, если мы, конечно, не злоупотребляем чисто европейским подходом к африканским обычаям. Супружество «на обмен» трудно рассматривать как простую награду за невесту. Некоторые социологи считают, что этот обычай имеет глубокое содержание. Если брат обменяет свою сестру (или родственницу) на жену и выдаст ее замуж за брата своей невесты (или за родственника), то тем самым женщина, которая приходит в дом, заменяет ушедшую из него. Ее дети считаются детьми семьи: следовательно, в семье не уменьшается число женщин и не исчезает возможность продолжения рода. Необходимо обратить внимание на то, что в африканских семьях дети — главная цель супружества. Иметь детей — большая честь, чем и объясняется обычай, который предоставляет мужчине возможность убедиться в способности будущей жены родить ребенка и лишь после того же-

ниться на ней. В то же время, если женщина по вине мужа не имела детей, она старалась любой ценой добиться расторжения брака. Муж мог не согласиться. Тогда жена переставала о нем заботиться, готовить пищу, проявлять послушание и в конце концов добивалась своего. В настоящее время желание иметь детей заставляет зачатую женщин некоторых племен покидать родные места. Так, например, Ж. Рух пишет, что женщины одного горного племени Центрального Того очень часто уходят в большие города на побережье, где оседают на длительное время, занимаясь мелкой торговлей. Здесь же они и выходят замуж. Как только у такой женщины рождается ребенок, она бросает мужа и возвращается в родные края с сыном или дочерью на спине. Иногда законный муж ищет ее (чаще всего жалея о потерянном ребенке), но, если даже находит жену и ребенка, фактически ничего не может сделать, так как согласно законам ребенок навсегда отнесен к членам того племени, откуда происходит его мать. Он имеет знаки племени на лице, получает воспитание согласно традициям и вообще является его собственностью.

Если у мужчины нет детей от первой жены, это еще не так страшно, так как он может жениться несколько раз. Создается впечатление, что у большинства западноафриканских племен в прошлом было широко развито многоженство, хотя данные первой половины нашего столетия говорят о явной тенденции к моногамии. Так, из 1515 молодых людей племени менде холостых было 44%, 27% имели одну жену, 13% — две, 4% — три, 11% — четыре и больше. Из 89 мужчин племени хауса было 19% холостых, 55% имели одну жену, 29% — две, 6% — три и только 1% — четыре и больше. Из 146 представителей племени таленси было 24% холостых мужчин, 46% имели одну жену, 20,5% — две, 4,1% — три, а 5,5% — четыре и более.

Среди взрослых мужчин племени нупе, у которых к опросу не были привлечены холостяки, 32% оказались женаты на одной женщине, 53% — на двух, 11% — на трех и 4% — на четырех и более¹⁴.

Традиционное африканское общество не только не отвергало многоженство, но и даже способствовало этому.

¹⁴ Приводятся данные Смита, Гросби, Фортса и др.

У некоторых племен существовали особые правила довольно сложных взаимоотношений между мужем и женой, а также женами одного и того же мужчины, основанные на определенном правопорядке. Старая Африка создавала тип семьи с несколькими женами в очень сложных формах и совершенно новую идеологию, непохожую на принятую в подобных случаях другими странами. Очевидно, здесь и скрыта причина заинтересованности исламом — религией, освящающей многоженство, в отличие от христианства с его строгими в этих вопросах правилами.

Сейчас, конечно, многое изменилось. Современная жизнь ломает в Африке традиционные формы заключения брака и нарушает привычные семейные связи. Но разрушение и ломка традиционных форм вовсе не зашло так далеко, как это может показаться на первый взгляд. И методы заключения брака, и система отработок за невесту давали определенные преимущества моногамному браку, а не многоженству. Влияние современности по ряду вопросов, связанных с браком, вовсе не проявляется прямолинейно, традиции и обычаи лишь постепенно изменяются и приспособляются к новым требованиям. Изменился, например, способ расплаты за невесту. Во многих районах, главным образом среди населения, представители которого приходят в города на сезонную работу, заменяют отработку на полях своего будущего тестя либо чисто символической работой, либо выплатой установленной цены деньгами или другими близкими к ним эквивалентами. Но и выплата выкупа за женщину теперь уже редкое явление. Этому не приходится удивляться. Сказывается влияние современной идеологии, новая организация африканского общества, быстрый рост эмансипации женщин, сопротивляющихся обычаям, по которым невесту можно выдать замуж, лишь заплатив за нее определенную цену.

В 1954—1955 годах Клод Тардитс провел в Дагомее специальное исследование. При опросе в Порто-Ново 107 женщин с одинаковым уровнем знаний показали, что большая часть из них вышла замуж за того мужчину, которого они выбирали сами. Результаты опроса приводятся в таблице I.

Создается впечатление, что с течением времени выкуп за женщину исчезнет совсем. Обычай этот уходит в

Таблица 1

Замужество по согласию среди грамотных женщин*

Женщин, вышедших замуж	Число	%
За мужчину, которого выбирали сами	103	96
За мужчину, выбранного семьей	2	2
Без ответа	2	2
Всего . . .	107	100

* Составлено по материалам Клода Тардитса, Порто-Ново.

прошлое постепенно, все чаще и чаще наблюдается символическая выплата, которая помогает сохранить традиционные привычки, но не служит вместе с тем препятствием для вступления молодых людей в брак.

Процесс распада старых традиций еще любопытней проследить на решении проблемы моногамии и полигамии. Если взять данные таблицы 2, то можно сделать вывод об отсутствии пока определенного стремления к моногамии, скорее следует сказать о каких-то колебаниях то в ту, то в другую сторону.

Однако, как видно из таблицы, примеров двоеженства становится меньше.

Таблица 2

Сокращение случаев полигамии в Западной Африке*

Годы	Число опрашиваемых	Количество жен, %				
		1	2	3	4—9	10 и больше
до 1919	50	50	26	8	12	4
1910—1929	182	43	21	14	19	3
1930—1945	315	44	18	14	20	4

* По материалам исследования: Ашанти Социал Сервей, — «Сервей оф Африкан Мэрридж энд Фэмели Лайф», стр. 137.

Рассмотрим эту же проблему на примере одного и того же африканского города Порто-Ново по материалам опроса среди представителей различных племен:

Полигамия и моногамия в Порто-Ново в соответствии с племенной и религиозной принадлежностью*

	Племенная и религиозная принадлежность									
	Йоруба		Гуны		«Бразильцы»		Мусульмане		Христиане	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Полигамия	75	51	47	27	18	16	74	68	64	23
Моногамия	72	49	124	73	75	84	48	32	211	77
Итого . . .	147	100	171	100	93	100	122	100	275	100

* По материалам К. Тардитса, Порто-Ново.

Эта таблица говорит о том, что моногамия не преобладала над полигамией ко времени проведенного опроса. Для одних племен была характерна моногамия, для других — полигамия в соответствии с их обычаями и религией, заимствованной или традиционной.

К вопросу о религии и ее значении в современной Африке мы уже несколько раз обращались. Большое влияние она оказывает и на проблему бракосочетания. Обе религии, христианская и мусульманская, по-своему способствовали развитию моногамии в Западной Африке, но по-разному относились к многоженству.

Для ислама многоженство в Африке не являлось каким-то чуждым явлением, и поэтому ислам лучше подходил к африканским условиям и был для африканцев более приемлемым.

Христианство же с самого начала своего проникновения в Африку столкнулось со значительными трудностями из-за своего отношения к полигамии, так как она совершенно исключается этой религией и несовместима с ее основами. В то же время миссионеры понимали, что, не признавая полигамию в Тропической Африке, невозможно проникнуть в ее народ. Сохранились донесения, из которых видно, что христианские миссионеры растерялись, столкнувшись с этим противоречием. Они предупреждали свое духовное начальство о том, что если в некоторых случаях и добьются положения, при котором молодые африканцы будут иметь только одну жену (это им удалось, кстати, очень редко) лишь в период распростра-

нения христианства, то попытка находить новых приверженцев своей веры и крестить африканцев значительно усложнится.

Как же поступать с теми, кто хотел бы принять христианство, но уже много лет находится в браке с несколькими женами? Согласно церковной догматике, их жены лишались всяких прав, а дети становились незаконнорожденными. Понятно, что у африканцев резко падал интерес к христианской вере, стоило им услышать об этих законах. Различные религиозные секты решали вопрос довольно сложным способом, стараясь найти ортодоксальные или менее ортодоксальные пути. Нас не так интересуют литургические или правовые решения, как выводы, подсказанные самой жизнью.

В повседневной жизни, однако, на первый план выдвигается еще одна важнейшая проблема — образования и эмансипации женщин. Решение этого вопроса вызовет, очевидно, существенные изменения положения женщины в Африке, хотя процесс, видимо, затянется надолго. Женщины, которые и ранее были уже достаточно самостоятельными, стремятся сейчас к экономической независимости. Те из них, кто умеет читать и писать, следят за событиями во всем мире, добиваются равных прав с мужчиной и не хотят уже жить с мужем в условиях антидемократической полигамии.

Так, из 151 грамотной женщины Порто-Ново только семь в 1954—1955 годах выступали за полигамию (то есть приблизительно 5% всех опрошенных), 18 (12%) — не имели определенного взгляда на этот вопрос, и 126 женщин (83%) выступали против полигамии.

Женщины современной Африки борются за свои политические права. Совсем недалеко то время, когда семейные проблемы, связанные с замужеством или женитьбой, будут решать женщины или, точнее говоря, жены совместно со своими мужьями. Нет никакого сомнения, что полигамия навсегда уйдет в прошлое.

Мы рассмотрели проблемы брака и семьи в Африке. Не меньший интерес для нас представляет вопрос о происхождении африканских имен.

Кто может разобраться в их необычайном многообразии? Среди моих знакомых была одна чешская учитель-

ница, которая подозревала своих учеников-африканцев в том, что они употребляют одно из своих многочисленных имен тогда, когда хотят избежать опроса по материалу, которого не знают.

В Западной Африке уже издавна, еще до первого контакта с Европой, сложилась довольно сложная система имен, причем у каждого народа была своя, отличная от других. Начнем с имен йоруба.

Традиционное имя йоруба состояло из трех частей: так называемые *оруко*, *орики* и *ориле* (в основе всех трех лежит йорубское слово — *ори* — 'голова'. *Оруко* при определенной доле фантазии можно считать нашим европейским «именем собственным». Это было имя, которое ребенок получал через неделю после рождения. Обычно имя мальчикам давали через девять дней после рождения, а девочкам — через семь. На восьмой день получали имена близнецы. Присвоение имени сопровождалось обрядом, как бы приветствием ребенку, вступившему в жизнь. Часто и само имя говорило о новом человеке многое: как он появился на свет, каковы планы его родителей. По этому принципу создавались имена, которые можно приблизительно перевести следующим образом: «родившийся лицом вниз», «родившийся поздно», «повернувшийся во время родов», «рожденный в воскресенье».

У народов, живущих на Гвинейском побережье, очень часто дети получают имя в соответствии с тем днем недели, в который ребенок был рожден.

Некоторые племена, как, например, аканы и эве, имеют сложную систему имен в соответствии с днями недели, которая распространяется как на мужские, так и на женские имена. Если проследить за именами йоруба, то обнаруживается очень интересное обстоятельство. В содержание имени *оруко* входят различные подробности рождения ребенка. Одно имя означает, что отец ребенка в момент родов находился где-нибудь в пути (своеобразный упрек родителю), другое — можно перевести словосочетанием: «отец меня уже не видел». Такое имя дается сиротам, рожденным после смерти отца. Особый статус имен принят для близнецов. У йоруба существует их культ. Первый из близнецов носит имя Тайво, что означает «первый познакомился с миром», второй — Кехинде: «появился за ним». Ребенка же, который родится после близнецов, называют Идову — «упрямец»!

Имена *ориле* можно приравнять к нашим фамилиям. В давние времена — а иногда еще и теперь — целые семьи имели одно *ориле*, что также означало их фамильное табу, фамильные законы и тому подобное. Интересно, что женщины, выходя замуж, обычно не получали *ориле* своего мужа, а оставляли себе свое собственное — это, кстати, еще один из признаков традиционной эмансипации женщин. Принадлежность к старому *ориле* означала когда-то весьма отдаленное кровное родство.

По данным некоторых авторов, ранее было запрещено вступать в брак представителям одного *ориле*, теперь это уже не препятствие. Дети наследуют *ориле* своего отца, но иногда могут наследовать и оба имени — как отца, так и матери. Между различными *ориле* существовала — и, очевидно, до сего дня существует — определенная иерархия. Одни из них считаются более, другие менее знатными. Если девушка выходила замуж за мужчину, *ориле* которого было менее знатным, чем ее собственное, то своего ребенка она могла отнести к *ориле* своего отца или же он получал ее *ориле*.

Теперь нам остается объяснить значение среднего имени *орики*. Найти ему европейский эквивалент довольно трудно. Это примерно то же самое, что мы обозначаем понятием «прозвище». Так, например, йоруба получают *орики* в молодые годы, а иногда и позже. Оно отражает их индивидуальные особенности, способности, иногда пожелания родителей, каким должен быть ребенок и какова будет его судьба. Можно назвать такие *орики*: «тот, кто сеет радость вокруг себя», «тот, из-за кого ругаются люди, добиваясь его любви», «тот, кто воюет, чтобы иметь или брать», «было самое подходящее время для того, чтобы он родился». Интересно, что *орики* всегда имело определенный, несколько фамильярный оттенок. Именем *орики* обычно мог называть только старший младшего, муж — жену, родители — ребенка, в обратном порядке оно употреблялось очень редко.

Система имен была тесно связана с традиционным мышлением, с составом семьи, организацией общества, в какой-то степени отразились в ней и религиозные традиции. В эту систему проникает влияние двух различных миров, так же как и повсюду в Африке: мира арабских традиций — через ислам, европейских — через христианство. Сначала это влияние проявлялось чисто механиче-

ски, то есть перед традиционным именем стояло либо мусульманское, либо христианское. Какое-то время африканцы сохраняли это мусульманское или христианское имя с прибавлением своего личного. Еще и теперь можно встретить йоруба, который представляется нам как Самуэль Олабиси Аййока Игола Опа или Муса Олабиси Аййока Эгун. Влияние христианских и мусульманских имен приводило, однако, к постепенным изменениям в употреблении традиционных имен.

Некоторые части традиционного мужского имени употребляются часто в ином значении. Так, например, *ориле*, унаследованное от отца, заменяет *оруко* либо отца, либо деда. Это напоминает процесс, протекающий во многих странах, когда некоторые собственные имена несли все функции фамилий. Так как отцовское *оруко* или *оруко* деда (то есть имя, получаемое после рождения) имеет для йоруба определенное значение, имена довольно часто бывают весьма красочными.

Так, например, если йоруба родился после смерти своего отца, имел соответствующее имя «отец меня уже не видел», то такая ситуация вовсе не обязательна для его сына или внука, а имя они уже унаследовали от отца или деда. При этом возникают комические положения. Внук, например, принимает христианское имя — Франтишек с прибавлением «отец меня уже не видел», в то время как отец жив и здоров и видится с ним каждый день. Так как под европейским влиянием женщины здесь при замужестве стремятся взять фамилию своего мужа, то возможны и такие случаи, когда жена внука будет носить имя «отец меня уже не видел», а если по европейскому обычаю принять окончание фамилии женского рода, то возникает более чем забавная ситуация.

Сравнение системы, которую используют йоруба, давая ребенку имя, и системы, принятой у большого западноафриканского племени хауса, также рождает комические положения. На первый взгляд контакт хауса с религией ислама был более тесным, чем у йоруба. Большая часть современного населения хауса — мусульмане, что прежде всего отразилось на их именах. На восьмой день после рождения большинство детей хауса получают имя, так называемое *сунан'янка*. В прямом переводе это означает: «имя, полученное в момент, когда режут» (то есть приносят в жертву барана, овцу или хотя бы козу в честь

родившегося и получившего имя человека). Итак, новый маленький гражданин племени хауса получает имя Муса, Абдулла, Иса или еще какое-нибудь в этом роде, а гражданка — имена Хава, Амина, Хадиджату и другие. Так как список самых распространенных мусульманских имен довольно ограничен, а каждая мать хочет иметь своего Мухаммеда или Мусу, часто два сына одного отца от разных матерей имеют одинаковое первое имя Мухаммед. Не остается ничего другого, как различать их по номерам: Мухаммед I и Мухаммед II, словно они оказались наследниками какой-либо царской династии.

После имени ребенка обычно идет имя отца. Если ребенка назвали Абубакар, а отец его Муса, то полное имя мальчика Абубакар Муса. Часто имя ребенку дают по тому дню недели, когда он родился. Правда, здесь нет такой последовательности, как у других народов, живущих на Гвинейском побережье, но довольно часто какой-либо африканец представляется вам как Данлади, Дантани или Йар Асабе — то есть «Сын воскресенья», «Сын понедельника», «Дочь субботы». Раньше людей часто называли по имени того места, где они родились, откуда происходил их род или где работали их родители. Так, представитель оппозиции и вождь нигерийских скаутов носит имя Малам Амину Кано. В последнее время эта традиция ушла в прошлое, так как подобное имя вносит определенную путаницу. Представьте себе, сколько людей могло иметь в имени частичку Кано, если современный город Кано насчитывает более 130 000 жителей. В последнее время на страницах газет хауса можно встретить следующие заметки: *«Я, Абдуллахи Катсина, прошу с сегодняшнего дня называть меня Абдуллахи Халлилу».*

Все документы, выписанные на старое имя, продолжают оставаться действительными. Гораздо сложнее положение тех людей, которые в своей работе ежедневно сталкиваются с именами, например почтальонов, чиновников местных учреждений или сотрудников банков. Хуже всего то, что хауса прибавляли к своим именам еще имя-прозвище, которое давалось либо в связи с должностью, либо в связи с любимым занятием (например, Дан Горо в переводе означает «Сын орехов кола»), либо в соответствии с физическими или психическими особенностями (например, «Короткий»). Иногда это имя-прозвище является не собственным, а унаследованным от от-

ца, деда или от какого-нибудь родственника, который давно умер. Какая-то часть имени переходит и от каждого предка, что делает полное имя довольно-таки сложным. Я знал одного мужчину, которого звали Муса (это была его собственная *сунан'янка*) — Ибрагим (*сунан'янка* его отца) — Маядинки (что означает ткач — имя-прозвище его отца) — Майджирги (тот, у кого есть лодка, лодочник — имя, связанное с профессией) — Гаджере («Короткий» — его прозвище). Родился он в понедельник, следовательно — Дантани, но это имя он уже не употреблял; наверное, всех остальных ему хватало. За последние пятьдесят лет имена в Западной Африки значительно упростились. Этому содействовал бюрократизм колониального управления, так как чиновниками большей частью были европейцы или же африканцы-переселенцы. Они не разбирались в особенностях местных имен и вынуждали африканцев, посещавших государственные учреждения, называть только два своих имени по европейскому образцу. Довольно большое число африканцев ограничились впоследствии этими именами как своими собственными. Вместе с тем становилось модным носить европеизированное имя. В последнее время наблюдается и обратный процесс, когда африканцы возвращаются к своим традиционным именам, чтобы не отставать от веяний нового времени — приверженности ко всему национальному.

И все же система африканских имен остается довольно сложной. Не исключено, что в некоторых случаях происхождение своего имени не знает и сам хозяин. Мне запомнился в связи с этим очень веселый случай. Однажды я пришел в гости к своему приятелю йоруба, который учился в Праге и жил в общежитии вместе с чешскими студентами. Знакомого не было дома, но сосед сказал мне, что его сейчас позовут. Этот сосед был огромен, как гора. Он вышел на лестницу, спустился на ступеньку, а я ждал, думая, что он позовет моего приятеля, назвав его имя *оруко*, *орики*, *ориле* или же христианское Самуэль, которое ему дали когда-то миссионеры. А сосед уже кричал в пролет лестницы, не жалея легких:

— Богоуш, к тебе гость!

Радостная, улыбающаяся физиономия моего приятеля йоруба сразу же выглянула из дверей ванной в конце коридора, а я подумал, что люди всегда если захотят, то найдут для своих друзей имя.

Что осталось от кнута рабовладельца через сто лет

В одной из предыдущих глав рассказывалось о жизни в Африке, на которую все еще падает тень прошлого. Ушедшие в небытие африканские державы оставили на ней свои следы. Лишь вскользь коснулись мы, однако, тех следов на побережье Африки, которые сохранились там от работорговцев и пиратов, когда-то пришедших сюда и проведших здесь всю жизнь. Теперь мы пойдем по этим следам. Позади останется Порто-Ново — город, получивший новое название, но не лишенный еще старых африканских черт. Двинемся дальше на запад. Нашей первой остановкой будет Вида, а второй — небольшой островок Горе. В конце пути мы вернемся в духоту тропиков, чтобы осмотреть гордые белые города на берегу, который когда-то назывался Золотым, и удостовериться в том, как ржавеют цепи работорговцев.

«Приветствуем тех, кто приходит с добрым намерением...»

Эти слова начертаны на стене старой португальской крепости в Виде. Путь к ней от современной Дагомеи не так уж далек. Достаточно сесть в Котону на поезд или на какой-нибудь другой вид транспорта и проехать по дороге, свернув с основной магистрали Гана — Нигерия.

Последний привет из современного, становящегося все более модернизированным Котону с его роскошными кварталами у дворцов и вилл посылает нам новая больница. И вот мы уже едем вдоль побережья. Часть дороги споясана пальмами, а когда приближаешься к прибрежной полосе, то глаз радуется буйная растительность равнинного пояса. Мы минуем несколько селений, спрятанных в зелени от любопытных взглядов проезжающих по дороге туристов, с осторожностью переезжаем железнодорожную линию (осторожность не помешает, так как на переездах довольно часто бывают несчастные случаи), оставив справа дорогу, ведущую на север, к Алладе, Абомею, и далее к берегам Нигера. Минуем небольшую деревню Ахозон, где обрабатывают ядра пальмовых оре-

хов, и через 42 километра выедем на окраину города Виды, одного из самых интересных на карте Западной Африки.

У перекрестка нас встречает огромный крест. Он стоит тут не случайно. Вида — город, в котором еще и по сей день большим влиянием пользуется католическая церковь и ее миссионеры. Здесь есть даже католическая семинария. Другой объект, который, несомненно, нас интересует — кладбище у мнимых ворот города. Кладбище, как это ни парадоксально, представляет собой часть исторической социологии Виды. Здесь можно очень многое узнать о людях, проживавших когда-то в этих местах. Имена их рассказывают о происхождении, титулы — о социальном и классовом составе общества того времени. Начиная с XIX столетия на кладбище в Виде хоронили искателей приключений из Европы. Тут нашли свое последнее прибежище немцы, англичане, французы и португальцы. Интересно, что африканец, похороненный на этом кладбище, считался удостоенным высокой чести. Кладбище спрятало под свой покров тех, кто в прошлые столетия пришел искать сюда богатство и славу, а нашел тишину и покой, да и то только после смерти. Можно сказать, что с кладбища, встречающего путников на пороге города, веет дыханием прошлого, которое отложило свой отпечаток на весь город. Попробуем, однако, оторваться от прошлого, покинем кладбище и пройдем по улицам Виды.

Два стиля двух различных миров встречаются тут вместе и тянутся вдоль дороги. Африканские домики по своему стилю напоминают домики Котону, Ломе или других мест на земле эве. Они довольно равномерно окружают рынок и образуют площади. Рынок, как и всюду, прячется под крышей из обрезков железа, чтобы торговля могла продолжаться как во время дождя, так и под немилосердно пекущим солнцем. Во дворики африканских домиков из обожженного и необожженного кирпича ведут двери и дверцы, украшенные самыми разнообразными орнаментами из легких камешков и осколков стекла, вешанных в сырую глину. Между африканскими домишками, а иногда и на порядочном расстоянии от них стоят молчаливые колониальные дома «*Les vieilles maisons coloniales*»¹⁵, как говорят о них с известным сарказмом

¹⁵ Колониальные виллы (франц.).

старожилы Гвинейского побережья. Все они одинаковой высоты, обычно одноэтажные, реже в два и три этажа. Крыша — из ребристого или гладкого железа, иногда из досок, прикрывающих дырявое железо, так замазанных сверху глиной, что уже не поймешь, чем она была покрыта раньше. Обычно эти дома окружают веранды, которые не только дают возможность находиться на свежем воздухе, для чего их строят в Европе, но и защищают окна, не пропуская в комнаты лучи беспощадного солнца. А солнца европейцы боялись здесь более всего на свете. На всех окнах ставни в самом различном состоянии, двери массивные, особенно если дом сохранился с тех времен, когда форт был не только торговым центром, но и крепостью, охранявшей европейских торговцев и работорговцев. Около некоторых домов сохранились остатки стен или оборонительных валов, напоминающие архитектуру дворцов в пражском районе Малой Страны и средневековых мелкопоместных крепостей одновременно.

Давно ушли в прошлое те времена, когда по этим верандам прогуливались дамы, губернаторы, европейские путешественники и торговцы, промышлявшие различными товарами, особенно «черным деревом». Англичане, немцы, французы и датчане основывали здесь свои базы, откуда вели торговлю с Дагомейской державой, основным поставщиком рабов. Правда, в этой области они не обладали суверенитетом, ими номинально управлял специальный королевский чиновник. Он должен был уезжать из Абомея, собирать налоги и следить за тем, как ведется торговля. Такого чиновника называли *йевоган*. Иногда между ним и рабовладельцами возникали острые конфликты, иногда все споры разрешались мирным путем. Если торговцы закрывали глаза и открывали ладони, то длинная рука дагомейского короля не была карающей. Известны случаи, когда африканским *йевоганом* назначали бывших морских пиратов, иногда наполовину европейского происхождения. Таким чиновником был, например, Франциско де Суза, авантюрист, едва-едва перебивавшийся в Абомее. Позже, оказав услугу наследнику трона, он побратался с ним на жизнь и смерть. История его жизни составляет целый роман и относится к периоду расцвета старых пиратских крепостей, теперь уже полностью разрушившихся. Сцена еще цела, но играют на ней уже новые актеры. У стен бывшего немецкого форта,

который теперь уже давно занят под жилье простыми африканскими жителями Виды, висит веревка с бельем. В самих стенах зияют проемы. Французский форт можно узнать лишь с трудом, а с развалинами английского резко контрастирует современная бензоколонка компании «Шелл».

Пройдем между домами через центральный рынок в городе. Над легендарным португальским фортом еще недавно, в 1961 году, развевался флаг Португалии.

«Приветствуем тех, кто приходит с добрыми намерениями», — гласит старинная поговорка, которая, собственно, принадлежит Иоанну Крестителю, покровителю крепости. С ее могучих стен и башен еще по сей день смотрят дула старинных пушек. До 1961 года крепость подчинялась португальскому губернатору. Форт, вход в который закрывают железные ворота, сожжен. Его подожгла не конница и не черные солдаты дагомейского короля когда-то, в далеком прошлом, и не конкурирующие между собой пираты. Крепость, как рассказал нам один местный житель, сожгли ее владельцы. Это последний оплот европейцев на дагомейской земле. Он продолжал оставаться им даже после провозглашения независимости Дагомеи. Были сброшены гербы с французских зданий в Котону и Порто-Ново, а флаг Португалии все еще развевался над средневековыми пушками форта в Виде. Велись сложные переговоры о том, чтобы сохранить крепость как исторический памятник. Дагомейская республика, суверенное и независимое государство, не хотела, однако, чтобы на ее территории оставались колонизаторы, которые в те дни проявляли себя с определенных позиций в Анголе и Мозамбике¹⁶. Португальцам предложили мирно разрешить спорный вопрос: лишить ли форт прав экстерриториальности, которым он пользовался в течение столетий французского владычества, или объявить его португальским консульством. Позиция дагомейцев была весьма либеральной. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что средневековая крепость в Виде в XX столетии стала объектом туризма. Им могло оставаться и португальское консульство, окруженное белыми стенами и охраняемое средневековыми пушками крупного калибра.

¹⁶ Речь идет о жестоком подавлении движения за независимость Анголы и Мозамбика.

Экстерриториальность олицетворяют до сего дня белые столбы с португальскими гербами, стоящие в тридцати шагах от стен крепости. Но у португальцев не хватило чувства юмора. Они не вняли словам Иоанна Крестителя, высеченными на стене форта, и ушли не с добрыми намерениями. Комендант крепости, капитан, отдал приказ поджечь ее изнутри и, совершив этот варварский поступок, исчез. Когда я был в Виде, крепость приводили в порядок, восстанавливали обгорелые строения и чистили сад. Рабочие, увидев меня около ворот, пригласили в сад и с большой охотой провели в крепость. Через несколько минут я уже шел по городку, где еще так недавно властвовала история. Мой проводник позванивал огромными ключами. От него я узнал, что в крепости работают заключенные, отбывающие наказания за небольшие преступления. Рано утром начальник охраны приводит их в крепость, запирает там на день, а на ночь опять уводит. Уходя, я вручил заключенным несколько монет и слышал, как один из них покорно закрывал за мной решетчатые ворота. Пораженный их сознательностью, я обратился за разъяснением к своему знакомому.

— Начальник стражи не имеет своего ключа, — сказал он, — и не может даже проверить их работу. Кроме того, они хранят в башне свои вещи, а тут полным-полно бродит всяких подозрительных личностей...

Когда я покидал форт, огороженный столбами с португальскими гербами, то увидел, как заключенный, сидя верхом на средневековой пушке в угловом бастионе крепости, машет мне рукой на прощание. Я осторожно обошел группу малышей, играющих в прятки между камнями, около которых прощались, уходя в рабство, еще их прадеды, и молча пошел дальше.

Жизнь среди обломков прошлого, прокладывающая себе дорогу в новой Виде, оставила два символа, как бы две веры.

Веру дедов и прадедов олицетворяет легендарный змеиный фетиш одного из самых популярных мест Южной Дагомеи. Анимизм фону и других племен эве, к территории которых относится и Виде, до сего дня все еще остается загадкой. Каждый африканец, мужчина или женщина, имел раньше свое собственное божество — фетиш, какое-нибудь растение или животное.

Символ новой веры — веры отцов, привезенный сюда

из Европы, — современный собор в Виде 1907 года постройки. Как и большинство костелов этого периода, он не отличается чрезмерно строгими формами какого-либо определенного стиля, хотя своей внушительной внешностью и довлеет над окружающими строениями. Символ старой веры, разместившийся как раз напротив, почти не виден на его фоне.

В городе довольно много построек позднего колониального периода. Главное здание — ратуша. Собор, ратуша, так же как и ультрасовременное здание, в витринах которого выставлено несколько запыленных фотографий, — все это возвращало нас на другой континент и к другим временам.

Ту настоящую жизнь города, которую напрасно искал бы турист в унылом, запыленном культурном центре, можно увидеть совсем в другом месте. Вы идете по улице и случайно обращаете свое внимание на полуразвалившийся романтический дом в бразильско-португальском стиле. Радуюсь открытию, вы уже готовитесь нажать спуск фотоаппарата, как за спиной раздается таинственный голос:

— Фотографировать нельзя, господин, это наш дом!

В силу вашего романтического и мечтательного строения у вас наверняка пробегут по спине мурашки. Вы тотчас представите себе, что сзади стоит разгневанный потомок знаменитого авантюриста Франческо де Суза. Однако, оглянувшись, вы увидите лишь пожилого, растолстевшего африканца.

— Он, правда, уже ничего не стоит, мы два года как там не живем. Дом осыпался во время прошлых дождей... Не хотите ли посмотреть наш новый дом?

Через минуту вас уже волокут через улицу, где стоит низенький современный домик. Тут вас моментально окружает вся родня этого человека, вам все покажут, всем представят, и через минуту вы будете знать все об этой семье, члены которой носят громкие бразильско-португальские имена, хотя и родились в Дагомее. Наверное, когда-то давно жил на белом свете некий бразильско-португальский предок, а может быть, было использовано только его имя, так как оно всем очень понравилось. Кто теперь это может беспокоить?

Вы прощаетесь с новыми знакомыми и направляетесь дальше. Несколько поодаль стоит обветшалый домишко

с верандой, превращенный в небольшое игорное заведение. Здесь можно найти пару стульев, маленький разломанный столик и приступить к игре. Играют столько, сколько позволяет время, а здесь его у всех предостаточно. Быт в Западной Африке тоже построен в расчете на максимум свободного времени. Конечно, его хватает у всех, в том числе и у парикмахера, что сидит и дремлет у входа в свой «большой салон» с пустыми бутылками из-под вина и пива в ногах, которые свидетельствуют о каком-то недавно прошедшем событии. С противоположной стороны улицы на него поглядывает конкурент, не имеющий даже крыши над головой.

Приближается вечер, становится немного прохладней. Рынок оживает. Закрываются маленькие магазинчики, рыба «гарантированной свежести» вместе с овощами отправляется на кухни, люди из деревень продают свой последний товар, привезенный специально для этого в город, а когда вечер вступает в свои права, сворачивают «магазин» — узел или корзину, горшок или умывальник — и, поставив его себе на голову, отправляются на станцию. Для них ничего не стоит пройти большую часть пути пешком, так как они могут рассчитывать, что подвезут их только на небольшое расстояние, хотя приходят торговцы чаще всего издалека. Все же они кое-что продали. Торгуют здесь не только фруктами или рыбой, но и спичками, которые привозят из Котону, свечами или блестящими коробочками консервов. Может быть, невдалеке отсюда более ста лет назад торговали другим товаром — жизнью и свободой предков. Может быть, именно около этого дерева, под которым сидит булочник, было место казни «непокорного товара», где *йевоган*, особый посланец дагомейского короля, приказывал отрубать, прижав рогатинами, головы осужденным на смерть. Может быть, прадедушка этого черного мальчонки, машущего сейчас рукой, шел когда-то по тропе к берегу, где грузили на корабль «эбеновое дерево».

Но об этом теперь уже никто не помнит. Остались только старые дома и форты, стены португальской крепости, выгоревшей изнутри, как кулисы некоего драматического театра, который пользовался в свое время успехом, а сейчас забыт. Актеры тоже забыты, как раз те, которые исполняли главные роли. Именно их могилы мы посетили на кладбище перед входом в город! Только стати-

сты остались на сцене, а они приняли решение играть по-иному, намного лучше, чем их предки. Когда вы прости-тесь с ними и выйдете из лабиринта маленьких улочек, где попеременно с развалившимися домами колониального периода стоят маленькие современные домики с крышами, покрытыми шифером, помахав на прощание детям, резвящимся возле столбов, которые когда-то выражали экстерриториальность, права и мощь работорговцев, то еще раз вспомните старое изречение, смысл которого так не вяжется с пушками рабовладельцев. И волей-неволей подумаешь, что португальцы по праву «приветствовали» здесь тех, кто пришел с добрыми намерениями.

Я засветил снимки и сохранил только воспоминания. Было очень жалко, ведь этот цветной фильм был лучшим из сделанных мною в Западной Африке. На этой пленке был отснят и день, проведенный мною на острове Горе. Я не могу забыть этот остров...

«Дакар — это Горе, а Горе — это Дакар...» — сказал мне один мой дакарский приятель, когда я спросил его, как попасть на этот остров. Достаточно заплатить в будочке Дакарского порта кассиру 50 франков, занять место на замызганном старом пароходике, проплыть мимо огромных океанских судов на рейде и французского крейсера, повернуть в направлении открытого моря, а потом взять курс на маленький клочок скалистой земли, который тут, перед дакарским рейдом, создала природа. Наверное для того, чтобы жители Дакара имели пляж для купания, отцы могли рыбачить, а дети играть. Стоит привязать лодку за ствол старой пушки, снятой с лафета, зарыть киль глубоко в песок — и ты уже пристал к острову. Старый катерок полавировал еще немного по этому маленькому рыбацкому рейду, и все ринулись на берег.

Стоял прекрасный день, местные жители выехали на остров, чтобы отдохнуть...

Гибралтар, белые замки над скалистыми утесами Золотого Берега и заброшенный форт в старой Виде с ее средневековыми пушками, кое-что и от Порто-Ново, и от старых больших городов колониального периода с их высокими домами, окруженными верандами; к этому можно еще добавить часть маленького провинциального южного французского городка и небольшую рыбацью деревушку — все это, вместе взятое, и будет Горе.

Не случайно на островке построено два музея: Музей моря и Музей Западной Африки. Да и сам островок представляет собой музей. Это и старая крепость работорговцев, и укрепленный городок над морем, сохранившийся почти в том же виде, в каком его построили поколения морских пиратов. Маленький, но очень важный островок Горе, расположившийся у Зеленого Мыса, был известен старым мореплавателям с давних времен. Рассказывают, что его открыл португалец Денис Диас в 1444 году, но весьма возможно, что о Горе знали многие задолго до этого. От острова недалеко до тех мест, где можно так быстро разбогатеть, где много золота, слоновой кости, различных ценных кореньев, а позднее и рабов. Остров находился в безопасности, так как был изолирован от побережья. Привлекал своими климатическими условиями, морем, а его небольшая гавань очень подходила для пристанища кораблей. Поэтому он быстро стал базой ремонта и погрузки судов, плывущих к западноафриканскому побережью под самыми различными флагами. Сначала временная база, Горе, превратилась в постоянную в 1617 году, когда голландцы купили островок у местного африканского вождя и сразу же построили на нем две небольшие крепости: одну — на возвышенной части острова, назвав ее Оранж, а вторую, Нассау, — на месте, где теперь расположен поселок. Чтобы купленный островок напоминал им родные края, они окрестили его по названию одного из островов на своей родине — Горе. Очень быстро Горе стал важнейшим портом для пароходов, плывущих к Золотому Берегу и далее на юг, к белым замкам в Эльмине, Крамантине и в порт Амстердам. Останавливались тут и корабли, которые плыли еще дальше — вдоль берегов Африки, до Индии. В 1663 году островок захватили англичане, но голландцы через год отвоевали его обратно. Так за этот островок несколько десятилетий с переменным успехом воевали три властителя — Франция, Англия и... желтая лихорадка. Побеждала то Англия, то Франция: рушились дома и дворцы. А когда временную победу одерживала желтая лихорадка, островок словно вымирал, стены крепостей и пушки оставались без охраны и без прислуги. Жители его, особенно белые, никогда не убегали так быстро от неприятеля, как от нашего страшного заболевания.

Взросшая торговля рабами дала возможность ост-

ровку на пару десятилетий обрести временный покой, так как он получил одно назначение — безопасного перевалочного пункта, который высоко ценили европейские державы.

А в начале XIX столетия опять произошла перемена — из перевалочного пункта Горе стал опорным пунктом французской флотилии, призванной преследовать работорговцев и их суда.

С этого момента торговля рабами ставится запрещенной и небезопасной игрой.

Но и торговцы рабами, и их преследователи не были единственными источниками существования жителей острова и его небольшого рейда. Начинается быстрое развитие торговли с западноафриканским побережьем и прилегающими к нему районами. На первых порах она ведется через старый и безопасный пункт на острове Горе. Это вновь приносит ему процветание и одновременно создает предпосылки для падения. Виной тому не были ни до зубов вооруженный неприятель, ни опасная болезнь и ни разрушающая сила природы. Начало конца Горе заключалось в богатстве африканского побережья. Порт уже не мог справиться с все возрастающим объемом торговли, и она переходит непосредственно на побережье, благодаря чему расширился город Сен-Луи Сенегальский и вырос новый современный порт — Дакар. Маленький островок теряет свое значение, сначала большие торговые фирмы, затем более мелкие начинают постепенно перебираться на побережье.

Прошло месяца два с тех пор, как я бродил по залам исторического музея, осматривая экспозиции, связанные с Абомеем, с которым я был ранее знаком только по книгам. Мучительно и долго осматривал я коллекцию из одиннадцати тысяч рыб, собранных здесь; трудно точно подсчитать, сколько я просмотрел диаграмм морских течений. Я уже начал забывать, как скрипели ступени под моими ногами в «доме рабов», который я иногда посещал. Конечно, не остался в моей памяти шум песка на средневековых улочках, с обеих сторон которых сохранились еще вделанные в стены перила для пешеходов. Давным-давно слезла с меня обожженная на пляже кожа. Ведь это были мои первые шаги под солнцем Африки, а новички всегда платят ему дань.

Но я никогда не смогу забыть прекрасный вид на кре-

пость Горе с ее маленькими разноцветными домиками и веселым трехцветным флагом свободного и независимого Сенегала, трепещущим на крыше. Сколько же сыновей теряло здесь надежду на самое главное для человека — свободу!

Таким увидел я на прощание остров Горе, когда покидал эти края в 1962 году.

Большие океанские пароходы минуют этот островок, оставляя его по своему левому борту, когда поворачивают у Зеленого Мыса к дакарскому рейду.

В Горе все замерло, на малом рейде можно увидеть лишь лодки рыбаков, да несколько раз в день подходит к острову маленький пыхтящий пароходик, который привозит туристов и купальщиков.

Они выходят на бетонированный мол, защищающий от волн Атлантики небольшой пляж, на котором в хорошую погоду загорают и купаются белые и черные дакарцы. В маленьком ресторанчике с видом на рейд в погожие вечера подают чай, кофе, французское и алжирское вино. На небольшой площади с красными и желтыми домиками разместилось яркое здание полицейского участка, о котором приветливые местные жители говорят как о самом старом доме на острове: его можно найти на древнейших картах и панорамах острова XVII и XVIII веков. Тенистый сад, один из многочисленных на острове, манит своей прохладой точно так же, как манил губернатора и знатных горожан двести лет назад. Заброшенный теннисный корт привлекает тех, кто хочет заняться этим прекрасным видом спорта. Пойдите по старым улочкам между домами. От некоторых из них осталась только тень былого величия и славы. Старинные фонари висят на укрепленных в стене крюках, иногда между развалившимися оградами просматривается океан, охраняемый скалистым берегом. То тут, то там встречаются стоящие на берегу дакарцы-рыболовы, которые проводят за любимым занятием свой воскресный день.

Когда-то на неприступных утесах стояли пушки; теперь их можно увидеть валяющимися без надобности в конце улочек.

Подойдем теперь к «дому раба». Пройдем через его двери по железным ступеням на террасы, опоясывающие дом, и посмотрим с них на окна подвала, в котором раньше содержались сотни людей. Для них отсюда было

только два пути — один вел в порт, на корабль работорговцев, другой — в маленькую дверь, выходящую на узкую полоску берега над пропастью: туда выбрасывали тела тех, кто не выдерживал неволи и тюрьмы. «Товар» портился, его приходилось выбрасывать. Тех, кому удалось уцелеть, выводили через узкие дверцы, и они покидали родину навсегда. Напротив этого страшного дома размещается Музей истории Западной Африки. Проходя по его залам, рассматривая экспонаты, чувствуешь глубокий стыд за своих собратьев по цвету кожи.

Небольшой костел святого Павла не помнит времен пиратов на островке. Он был построен в 1829 году и представляет собой скорее дополнение к маленькому средне-европейскому городку, чем к древней пиратской крепости на африканском побережье. Костел, построенный португальцами в 1482 году, уже снесен. На его месте теперь разбит красивый парк. Наверное, многое помнят старые баобабы, растущие тут на свободных площадках между домов, но мы никогда не услышим их рассказов. Администрация порта очень строга и, к сожалению, не допускает посетителей в верхнюю часть крепости. Последняя доминирует над всем островом, ее называют цитаделью. Необходимо получить специальное разрешение, чтобы увидеть островок с этой высоты. Говорят, что вид открывается и на остров, и на порт в Дакаре, и на весь город, и бог знает еще на что. К сожалению, у меня не было такого разрешения. Картина островка напоминает прекрасный снимок из шикарного туристического проспекта, отпечатанного на бумаге фирмы Кодак.

Над белым, как сахар, утесом, над лазурью голубого залива, волны которого обрушиваются на желтый прибрежный песок, стоит почти сказочный город. Со средне-вековых стен крепости до сих пор смотрят черные дула пушек, белые стены, окружающие город, не разрушены, и только флаг независимой страны свидетельствует о том, что времена рабовладельцев и пиратов давно уже канули в вечность. Внизу, под крепостью, примостились рыбацьи лодки, украшенные пестрым орнаментом, а кое-где и надписями, напоминающими изречения на «мамми-лорри». Там же раскинулись маленькие и большие поселки, а иногда и целые селения. В одном месте под грозными дулами пушек расположилась автобусная станция (самая современная из тех, что я встречал в Африке), в другом — поч-

та в красивом железобетонном здании. Иногда в этих крепостях живут те, у кого во время дождей осыпались глиняные домики. Им правительство выделило — в качестве временного пристанища — роскошные когда-то залы жилищ работорговцев. В знаменитом и много раз описанном Эльмине, самой старой крепости, построенной португальцами на Гвинейском побережье, теперь полицейский участок. Эту крепость опоясывает дорога, связывающая самые важные города и населенные пункты.

Прохлада ее белых коридоров располагает к осмотру, здесь все напоминает времена работорговцев и их жертв. Вы проходите мимо пушек и ядер, осматриваете кандалы и оружие. Эти предметы можно увидеть не только в Эльмине, но и в Кейпкосте и в других типичных крепостях времен работорговли, построенных торговцами в Золотом Береге. Их было около сорока двух (точно, собственно, никто не подсчитывал). От некоторых остались лишь развалины, которые разрушаются все больше и больше при содействии тропического климата. Многие из них до сих пор служат для каких-нибудь практических целей.

Все эти крепости, которые тут сначала строили португальцы, потом англичане, голландцы, датчане, шведы и даже немцы, расположены в основном на территории старого Золотого Берега.

Историки часто задумывались над тем, почему европейские работорговцы и морские пираты строили эти красивые крепости именно здесь. Рассказывают, что предпринимались попытки возводить крепостные сооружения и в других местах западного побережья, но все эти фактории (за небольшим исключением, таким, как, например, островок Горе близ Дакара) были всего лишь их жалким подобием. Очевидно, причиной этого была зависимость такого рода построек от владельцев окружающих их земель, особенно тех, которые строились на востоке — в Дагомее, Того, Нигерии. Зависимость там была гораздо более сильной, чем в Золотом Береге. Одни историки объясняют все это довольно просто: они утверждают, что в Золотом Береге климат намного суше и лучше, чем в соседних районах. Другие считают, что первые каменщики нашли там достаточно строительного материала, а главное, очень удобные места на прибрежных скалах. Однако все они забывают об одном: в восточных районах рабо-

торговцы сталкивались с сопротивлением Дагомейской и Йорубской держав, которые, конечно, вышли к морю несколько раньше, чем такая же, а может быть и более мощная, Ашантская держава. Итак, морские пираты и работорговцы строили свои крепости на побережье современной Ганы не только потому, что оно им просто нравилось, и не потому, что здесь они нашли больше строительных материалов, а главным образом потому, что ашантское влияние стало в этих местах распространяться несколько позже.

Словно прекрасные декорации, возвышаются сегодня над скалами эти крепости, но они не могут заслонить прошлого, и тени его до сих пор витают над великолепными белыми стенами, в которых раздавались стоны тысяч африканцев, увозимых отсюда в рабство. Торговля многочисленными «гуманными» товарами — золотом, слоновой костью, кореньями и сельскохозяйственными продуктами — в течение XVI века была оставлена и сосредоточилась лишь на одном товаре — люди-рабы. Сколько их, тех, кто в последний раз прошли под арками ворот мимо фортов крепостей по родной земле, — точную цифру едва ли смогут назвать европейские и африканские историки. Считается, что из Африки было вывезено и продано в рабство приблизительно сто миллионов человек¹⁷, причем западноафриканское побережье, и прежде всего его белые крепости, должны взять на свою совесть львиную долю этого числа.

Я не случайно заканчиваю наше путешествие в прошлое рассказом о красочных городах-крепостях на морском побережье. Пестрые флаги независимых государств Ганы и Сенегала вовсе не простое дополнение к прекрасной картине. Они представляют собой что-то гораздо большее. Это символ того, что кандалы и цепи — всего лишь ржавое железо и никакого значения они уже не имеют. Страшные времена навсегда ушли в прошлое.

¹⁷ По данным исследователей А. Дюкаса и Кэр-Сондерса, число проданных в рабство и вывезенных из Африки людей составляло около 150 миллионов.

Чтобы дни не превратились только в будни

Скука, наверное, действительно самая страшная вещь на свете. Мы все, отравленные техникой и цивилизацией, хорошо это знаем. И подсознательно чувствуем, как техника, облегчая нам жизнь, одновременно размягчает наши мышцы, притупляет и вместе с тем взвинчивает нервы. А самое печальное, очевидно, то, что мы разучились развлекаться, оставив для этой цели лишь незначительную часть своего времени, вынося развлечения как бы за границы своих основных занятий в жизни.

Хохотать на улице в Европе может позволить себе только сумасшедший, улыбаться друг другу могут только девушка и молодой человек, да и то при условии, что оба еще совсем молодые. Плакать можно только на похоронах, а спокойно посмеиваться лишь тогда, когда кто-нибудь разобьет нос на ступеньке, которую ты сам перед этим спокойно переступил.

Африка — далеко еще не модернизированный континент. Можно — правда, не везде — встретиться там с многими обычаями и привычками, которые покажутся вам странными. Но и в Африку начинает проникать тот темп нашей космической жизни, который вытесняет развлечения и умение наслаждаться будничными заботами. Однако Африка успешно обороняется, оказывает всяческое сопротивление наступлению Европы.

Не удивительно, что разграничение скуки и веселья, будней и развлечений еще не проникли в африканскую деревню. Нельзя сказать, что у людей там легкая жизнь, скорее наоборот. Но чем тяжелее жизнь, тем меньше желания у жителей деревень усложнять ее скукой. Можно весь день много работать, искать в лесу пропитание, можно уходить далеко от родной деревни на заработки, возвращаясь домой каждый день, раз в неделю, в месяц, в год или раз в несколько лет. Но зачем же при этом скучать, ворчать и портить себе настроение?!

Ведь на свете столько есть возможностей, с помощью которых человек может разнообразить свою жизнь и свои будни. Для этого не так уж много надо. Иногда, например, достаточно бывает запеть. В Африке люди умеют

петь просто сами для себя, без всякого дирижера. Песня не должна иметь сложный и содержательный текст. Было бы достаточно ритма, который оказывает помощь в работе. Хватит и минуты отдыха для того, чтобы извлечь два или три народных инструмента и послушать музыку, конечно же, в сопровождении барабана. А уж как только раздадутся ритмичные звуки барабана, то все сразу же начинают потихоньку пританцовывать ему в такт. Теперь недалеко и до танцев!

В Африке человек может начать танцевать просто так, потому что у него хорошее настроение, ему приятно и он хочет каким-то способом это выразить. В воскресенье после обеда в каждой деревне можно найти группы людей, танцующих под ритм барабана или под мелодию какой-нибудь современной песни, несущейся из маленького транзистора. При этом интересно наблюдать за теми импровизациями, которые создают танцующие под мелодию французского вальса, звучащего на волнах абиджанской или европейской радиостанции.

Но не только музыка, пение, танцы признак хорошего настроения и умения развлекаться, хотя это и самое выразительное их проявление.

Речь африканцев пестрит различными поговорками. Говорить, употребляя поговорки,— это не только признак глубокой мудрости, но и умение подать ее в форме легкой шутки, облегчить боль сравнением, а иногда и пресечь глупость, о которой не всегда хочется сказать человеку прямо в глаза. В ногу с поговорками идут тут при сказки и пословицы. Еще жив по сей день обычай, когда два человека на поле предпочитают сочинить о третьем какую-нибудь поговорку, характеризующую его качества, чем судачить о нем. Старики, сидящие в тени дома или дерева, соревнуются друг с другом в том, кто сколько знает поговорок, и пытаются перещеголять один другого в этом умении.

А когда наступает вечер, удлиняются тени и быстро спускаются тропические сумерки, старики и молодежь собираются послушать сказки. Это, наверное, происходит потому, что художественную литературу здесь почти не читают, да и кто будет это делать вечером без света! Поэтому люди рассказывают обычно то, что помнят на память.

Один из самых известных писателей современной За-

падной Африки — Амос Тутуола. Интересно проследить, как он начинал свой путь. После войны А. Тутуола был подсобным рабочим на военно-воздушной базе в Нигерии, потом получил место младшего чиновника в колониальном управлении. Но туда мог быть принят только человек грамотный, да еще и умеющий говорить немного по-английски. Поэтому А. Тутуола, который никогда до этого не был знаком с европейской литературой, и начал читать. Ему попал в руки небольшой сборничек сказок для начинающих изучать английский язык африканцев. Это был один из обычных европейских адаптированных сборников, не очень хорошо подобранных. А. Тутуола внимательно прочитал всю книжку и был изумлен:

— И это печатают, за это люди платят деньги?! Ведь таких сказок, гораздо более интересных, знает сотни каждая старая бабка в деревне йоруба!

Этот эпизод напоминает нам о книгах, которые пишут одни люди, чтобы заполнить другим их будни, сделать их менее скучными.

Не так много прошло времени с тех пор, как печатное слово уже вошло в привычку, стало занимать свое определенное место в нашей жизни, превратилось в один из символов культуры. Поэтому, очевидно, Европа и Азия — континенты старых систем письменности, старых, зафиксированных памятников, привыкли смотреть несколько свысока на народы и страны, у которых до последнего времени не было письменности. Ведь именно она послужила почтой для возникновения одной из самых важных областей человеческой культуры, заполняющей свободные минуты радостью и горем, принуждающей нас иногда задумываться, а иногда проливать слезы или весело смеяться.

Какую же роль играет письменность, служит ли она для того, чтобы записывать на бумаге различные словосочетания? Если человек хочет что-либо записать, то он руководствуется тремя целями: или он стремится сохранить свои слова, или оставить их для будущих поколений, или он хочет что-либо передать тому, к кому не может зайти или заехать сам. В современном мире человек может преследовать все цели одновременно, а к тому же и еще одну, которая в наше время также является не менее важной, — оказывать на людей влияние, предупредить их, переубедить или попытаться им понравиться.

Африка до последнего времени не знала письменности, правда не на всей ее территории. Для тех целей, в которых наше европейское общество использует письменность, в Африке предпочитают иные средства, до некоторой степени ее заменяющие. Африка не имела возможностей сохранить чьи-либо слова для будущих поколений. Не было ни письменности, ни бумаги, ни папируса¹⁸, но она восполняла все это весьма сложной системой запоминания. Такая гимнастика памяти стала у некоторых племен чем-то вроде профессии, и семейная хроника передавалась по наследству от отца к сыну, от сына к внуку. Чаще всего события запоминались в пределах одной семьи: из уст в уста передавалась история царствующих вождей, различные события из жизни племени. В некоторых областях даже появилась специальная система контроля над этими устными преданиями.

Однако они далеко не всегда бывали достаточно точными. И все же до наших дней дошли сведения не только об исторических традициях племен, но и целые собрания народного эпоса, песен, рассказов, обрядов и, собственно, вся грамматическая система африканских языков.

Так обстояло дело с сохранением устной традиции для будущих поколений. А как же сообщения передавались на расстояния? В Европе уже давно эту передачу осуществляет радио, телеграф и телевидение. Подобные же средства начинают завоевывать себе право и в Африке, но только начинают. Раньше здесь не было ни радио, ни телеграфа.

И в то же время существовал другой, более усовершенствованный способ передачи слов на расстояние, близкий к разговору между людьми. Он возник задолго до того, как Маркони и Эдисон начали свои опыты. Это так называемые говорящие барабаны. Они не используют при передаче человеческой речи какой-либо код типа азбуки Морзе. В этой азбуке одному звуку соответствует один знак, и таким образом создается целая система знаков.

¹⁸ Не говоря о том, что папирус — растение африканское и впервые писать на нем стали африканцы-египтяне, которые создали одну из древнейших в мире систем письменности, следует указать на оригинальные системы письма: нсибиди — в Южной Нигерии, ван — в Либерии и Сьерра-Леоне и бамум — у одноименного народа. Несмотря на примитивность этих видов письменности, они давали возможность для записи значительной информации.

Основа метода говорящих барабанов — звуковое воспроизведение слов, с помощью которого барабаны могут передавать их на расстояние, то есть сила удара, ритм, паузы и т. п. Барабаны только редуцируют речь человека, передавая ее часто с большой скоростью, иногда даже скорее, чем по телеграфу в африканских условиях.

В одной западноафриканской стране, которая в начале нашего столетия находилась под немецким владычеством, существовала весьма продуманная система сообщений с помощью говорящих барабанов. Они передавали известие от моря до столицы всего за несколько часов. Линия шла по деревням, где барабанщики были обязаны немедленно передавать полученное сообщение дальше. Когда немцы узнали об этих линиях связи, они возмутились. Как же культурный европейский народ со столь знаменитым во всем мире стремлением «к порядку», да вдруг начнет поддерживать такие примитивные способы общения, как говорящие барабаны. Они запретили специальным приказом передачу с помощью барабанов и построили новую телеграфную линию. В джунглях выкорчевали часть леса, установили телеграфные столбы, натянули провода. Заработал телеграф. Но ненадолго. Провода заржавели, столбы сгнили, линия разрушилась... Любящие «порядок» немецкие колониальные учреждения восстановили телеграф. Но все началось сначала: гнили столбы, ржавели и обрывались провода... История эта повторялась трижды. И колониальные чиновники пришли к выводу: дешевле возобновить линию говорящих барабанов. Именно так они и поступили. Барабанщиков повысили до чина полугосударственных чиновников, а передача сообщений на барабанах была вменена им в обязанность. Барабанщики начали теперь свои разговоры и для чиновников, и для частных лиц.

Сейчас многое изменилось — и в пустыне, и в джунглях слышны голоса транзисторов, а в некоторых городах Африки можно посмотреть даже программу телевидения. В Африке, особенно Западной, делаются попытки создания собственной письменности.

Американский морской офицер Форбес, который в 40-х годах XIX века путешествовал по Либерии, обнаружил, что представители племени вай могут договориться не только при помощи устной речи, но и путем переписки. Он с большим удивлением исследовал красочные чер-

точки слогового письма ваи, в котором разбирался с большим трудом и которое его проводник из американских негров-рабов, привезенных в Африку, совсем не понимал. Чем меньше знали Форбес и его помощник, тем больше разгоралась их фантазия. Так, они утверждали, что письменность не была создана ваи, что они восприняли ее от каких-то горных племен Нигера. Американцы создали даже легенду, будто бы знаки этой письменности известны со времен глубокой древности. В этом была лишь известная доля правды. Письменность ваи в какой-то мере имела более раннее происхождение. Некоторые авторы даже считают, что существует довольно значительная разница между тем письмом, которое увидел впервые Форбес, и письмом, которое нашли через десять и даже двадцать лет другие путешественники. В этом не было бы ничего удивительного, если принять во внимание тот факт, что письмо ваи употреблялось лишь для определенных целей и с определенными функциями. В те времена еще не было ни возможности, ни условий для создания какой-либо нормативной письменности. Не существовало и каких-либо грамматических правил.

Предположения о более раннем и чужеродном происхождении графической системы ваи, бесспорно, отразили и первые источники, обнаруженные в целом ряде африканских памятников первой половины XIX столетия. Одно время считалось модным приписывать наиболее важным культурным памятникам Тропической Африки чужеродное происхождение, но это веяние не коснулось письменности племени ваи, так как предположение о ее преемственности возникло позднее. Вполне возможно, что знаки этой графической системы близки по составу к некоторым знакам, употребляемым племенами мандинго на далеком севере, на побережье реки Нигер. Эта гипотеза правдоподобна, но один факт до сего времени заставляет сомневаться в ее правильности. Подробный анализ письменности и графики языка ваи дал возможность его исследователям (прежде всего профессору Клингельхебену из Гамбурга) уже много лет назад утверждать, что основана она на особенностях их разговорного языка. Так, например, было отмечено, что слоговые знаки имеют именно те же отличия (и часто довольно трудно различимые фонетически), которые в языке ваи имеют различное смысловое значение. Может показаться, что письменность

долгое время употреблялась здесь для той языковой системы, которая ее использовала, но не возникла по требованиям ее структуры. Если учесть отдаленность жилищ современного племени ваи от тех племен, где еще можно обнаружить рудиментарные знаки, то связь между двумя графическими системами приходится поставить под сомнение. Однако подобная гипотеза существовала, основываясь на одном занимательном факте. Язык ваи немного ближе к языку северомандингских племен (то есть именно тех, где были обнаружены и существуют эти графические знаки), чем к южномандингскому, на котором по сей день говорят племена, окружающие их.

В таком случае можно сказать об общем происхождении этих языков, их письменности и рудиментарных графических знаков в тот период, когда племя ваи находилось в территориальной близости к племенам мандинго.

Однако все это еще до сих пор только предположения и поиски путей решения вопроса. И каждый новый факт может либо опровергнуть эту гипотезу, либо изменить ее в своей основе.

Письменность ваи — очень интересная глава в истории Африки. Она в корне отличается от значков племени бумума и некоторых других и от искусственных попыток создать особую африканскую письменность. До сего времени мы, собственно, не знаем, сколько было таких попыток, и нет никакой уверенности, что они будут предприниматься и в дальнейшем. Мы не знаем тех тайн, которые скрыты от нас в деревнях, в джунглях, в суданских саваннах. До сего дня мы не можем понять сущности орнаментов Бенина и барельефов Дагомеи. Приходится пока исходить из того, что нам известно.

Африка южнее Сахары заимствовала свою письменность из двух источников: от арабов и европейцев. Тут вы найдете литературу хауса, фульбе и мандинго, записанную по-арабски. Однако это арабское письмо более или менее адаптировано, приспособлено к требованиям африканского языка. Таким образом были созданы предпосылки для возникновения письменности в Африке на базе арабской. Приблизительно так же обстоит дело и с латинским шрифтом, который миссионеры принесли из Европы. После чего возникают различные варианты использования латинского шрифта для африканских языков. Итак, литература Западной Африки получила в свое

распоряжение сразу две основы для письменности—арабскую и латинскую. При этом их стараются приспособить к требованиям африканского языка. Однако использование арабской и латинской основ имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, например, литература на арабском или латинском языке не будет доступна широким слоям населения, особенно арабская, так как этот язык знает лишь незначительная часть африканцев, получивших знания в мусульманских школах, и мульты. С латинской основой дело обстоит несколько лучше, ибо для нее открыты американские и европейские книжные рынки. Ситуацию усложняет еще и то обстоятельство, что в различных научных сферах за последние пятьдесят лет сложились различные предубеждения к использованию для африканской литературы тех или иных языковых основ.

В свою очередь миссионеры, не обращая особого внимания на колониальные границы африканских государств, широко применяли в своей практике африканские языки. Так возникли книги, содержащие различные библейские легенды. Начала создаваться африканская литература, причем как во французских, так и в английских колониях.

В дальнейшем развитие литературы на африканских языках шло разными путями. Во французских колониях книги начинают передавать содержание отрывков из французской литературы. В период между мировыми войнами появляются первые авторы, которых можно по праву назвать настоящими литераторами.

Эме Сезар на определенном этапе своего творчества был вдохновителем движения, возглавленного такими выдающимися африканскими поэтами, как Л. Сенгор и Д. Диоп, прозаиками, как Бираго Диоп (Сенегал) и Камара Лей. Это движение за национальную литературу, кредо которой тесно связано с судьбой Черной Африки, с провозглашением «негритюда». На этой основе возникает литература, созданная африканскими авторами, однако африканская тематика занимает в ней небольшое место.

К сожалению, в начальный период творчества произведения национальных авторов выходили только в Европе и становились достоянием парижской интеллигенции, а не жителей африканских городов и селений. Да и у себя

на родине читатели не смогли бы понять ее в силу языкового барьера!

Совершенно другим путем шло развитие литературы Африки в бывших английских колониях. Там возникали даже специальные институты. Они в основном переводили на местные языки различные постановления и приказы английской администрации, но издавали и первые литературные произведения африканских авторов на своих собственных языках. Таким образом появляются книги на йоруба, хауса, эве, акан, темне и других языках, которые по своей тематике, стилю и оформлению несколько напоминают лубочную литературу. У некоторых африканских народов — у одних раньше, у других позже — появляются бесспорно высококачественные произведения с точки зрения и содержания и языка. Эти работы, которые позднее переводились на европейские языки, перешли на страницы многих литературных журналов мира. Наряду с литературой на африканских языках в областях, находившихся под английским влиянием, естественно появлялись и произведения авторов, владеющих в совершенстве английским, авторов из первого или второго поколения интеллигенции, получившей образование в Англии, которые писали на английском языке.

И тут мы сталкиваемся с парадоксальным явлением — произведения этих африканцев хорошо известны во всем мире, но меньше всего их знает Африка. Такие авторы, как Сиприан Эквензи, Хини Ахем или Онуора Нзекву, пишущие свои книги по-английски, больше известны за границей, в частности неграм Северной Америки.

Эти два противоречивых явления в африканской литературе порождают третье, мало известное в Европе — литературу, написанную простыми африканцами для простых людей Африки. Только в последнее время появились кое-какие данные об этих произведениях, в прямом смысле слова созданных на африканских базарах.

Немецкий путешественник У. Байер обнаружил в книжной лавке одного из базаров Западной Африки маленькие книжки или просто тетрадки, которых не было в других магазинах. Он узнал, что мелкие издательства покупают рукописи (а иногда издатели пишут сами) и издают в количестве нескольких сот, а в случае коммерческого успеха и тысячи экземпляров. Эти книги написаны либо на африканских языках, распространенных в дан-

ном городе и его окрестностях, либо на так называемом африкано-английском наречии. Чаще всего языком этих рукописей автор считает английский, но фразы и различные обороты образованы здесь по законам местного африканского языка, приводится множество пословиц и поговорок. Интересна тематика этой литературы. В ней есть элементы народного фольклора, отражен мир африканской природы, встречаются сказки о животных, но в первую очередь это жизнь, мысли и надежды африканского народа, его прошлое, традиции, отношение к современному миру, который все больше вторгается в быт Африки. На одной из таких книжек прямо на обложке помещено интересное объявление: «Предлагаем два с половиной или пять с половиной фунтов за интересный рассказ о черепахе».

Любопытно, что в Западной Африке довольно часто стали появляться произведения о судьбах африканских женщин, которых принуждают выходить замуж на нелюбимого человека. Так, например, одна из книг носит название: «Почему женщины ненавидят женатых мужчин, а любят холостых?» О заботах мужчины рассказывает книга под заглавием: «Деньги трудно заработать и легко потратить» или «Деньги трудно заработать, а некоторые женщины не хотят этого понять...» Иногда книги подобного типа пытаются играть роль толкователей современной жизни. Одна из них названа «Что такое жизнь? Книга об обычной жизни, предназначенная для высших, средних и низших, а также для особых толкователей жизни». С чем-то подобным можно столкнуться и в романах: «Отношение современных наших женщин к парням, или очень увлекательный роман о кампании при выборе королевы красоты и об одном учителе, который ее любит и хочет на ней жениться».

Очень интересны псевдонимы, под которыми авторы публикуют свои произведения: «Учитель жизни», «Сильный мужчина» и т. п. На первый взгляд может показаться, что все эти истории тесно связаны с жизнью африканских базаров, с их экзотикой. Но это не совсем так. Показателен уже тот факт, что на базарах продаются книги, о которых до последнего времени в литературных кругах всего мира ничего не было известно. Некоторые авторы этих произведений, например Амос Тутуолу, вошли в большую африканскую литературу.

Профессия дала Амосу Тутуолу знания отдельных областей современной техники и системы административного управления. Однажды он написал книгу, фантастическую по содержанию, в основу которой положил сказки и мифы йоруба. В этой книге встречаются и йорубские обороты, непосредственно переведенные на английский язык, и английские фразы, и военная терминология. Так появилось первое произведение А. Тутуолу: «Любитель пальмового вина», которое, несмотря на противодействие официальной литературной критики, известно уже на трех континентах.

Впрочем, свободные минуты заполняются не только чтением.

Я уже рассказывал о кинотеатрах в Африке. Они все разные. Большие кинотеатры в центре городов и маленькие на их окраинах, огороженные только белой стеной. В больших идут новые фильмы, известные во всем мире, и вместе с тем — фильмы десяти-двадцатилетней давности о «диком Западе», дешевые детективы с убийствами, длинные индийские фильмы, которых в Западную Африку завозится особенно много (прежде всего в бывшие английские колонии). Журнал, если таковой имеется, всегда старый. Иногда один за другим демонстрируются два фильма, иногда один. Ну, а как национальные картины? Можно ли увидеть их в Африке? Африканские фильмы есть, но их очень мало. В Каннах на фестивале 1962 года было показано два национальных фильма на африканскую тематику: «Конго Я» и «Свобода I» — о Конго и Сенегале. Их создавали, однако, не африканцы, а широкоизвестные режиссеры Чампе и Аллегре. Первым подлинно национальным фильмом, созданным в Африке и африканцами, была незначительная по своему содержанию комедия «Любовь не знает преград», снятая в Сомали.

Теперь полнометражных картин больше. Наряду с коммерческими фильмами планируется экранизация известных африканских литературных произведений, но пока Африка представляет прежде всего короткометражные и среднетражные картины. Большинство из них создается в Сенегале, например фильмы: «Там внизу у реки», «Это случилось четыре года назад». Небезынтересен тот факт, что именно этот фильм прославил имя племянника знаменитого поэта Л. Сенгора — Блэза Сенгора.

И все же большая часть этих фильмов остается документальными, посвященными африканским обычаям, традициям, фольклору и природе. Самые интересные фильмы такого типа — работы Ж. Руха.

Чем можно объяснить этот факт? Почему так мало создается игровых полнометражных картин, отражающих жизнь народов Африки? Причин здесь более чем достаточно, и в первую очередь сравнительно небольшой на них спрос: ведь в Африке еще так мало кинотеатров. Они построены в основном в больших городах, да и там их явно не хватает. Посещаемость в тех кино, где входные билеты дороги, невелика. По данным Жоржа Садуля, в Африке на одного жителя приходится один проданный билет в год. И хотя статистика не могла учесть количества зрителей, проходящих без билета, все равно это существенно не изменило бы ее данные. Число кинотеатров в Западной Африке, несомненно, возрастает, появляются кинопередвижки на автомобилях, разъезжающих по малым и большим селениям со всем необходимым для демонстрации фильма, включая движок, подающий электроэнергию. Вопрос состоит в том, успеет ли европейская конкуренция задушить местную кинематографию и прокат, прежде чем последние станут на ноги?

В некоторых странах Западной Африки начинает развиваться и телевидение. Но все это лишь проявления такой формы искусства, как театр, настолько старой, как и сама культура.

Первые попытки классических театральных постановок в Африке восходят к недавнему прошлому. Они были связаны с различными празднествами в стенах учебных заведений. В студенческих клубах сначала читали произведения европейских поэтов, потом стали ставить пьесы Шекспира, Мольера и Расина. Теперь все это ушло в прошлое. Два человека несколько лет назад решили создать подлинно национальный театр, в котором должны идти пьесы африканцев на темы африканской жизни, и играть там будут сами африканцы. Так, Эфуа Сазерленд основала в Аккре драматический театр «Гана драма студио». Ее труппа, очевидно, станет ядром Национального театра Ганы. Уоль Сойинк заложил начало театра в нигерийском городе Ибадан, организовав там драматическую студию. Стали появляться театральные труппы и в Дагомее. В Порто-Ново сейчас уже основан Дагомейский на-

циональный театр. В Нигерии выступает западноафриканская драматическая труппа Сама Адегбия. Труппа эта сосредоточила свое внимание на национальной проблематике и ставит пьесы только африканских авторов. Треть труппы составляют такие актеры, как Иеми Айбад, Уильям Пайн, Жозеф Лайоб, воспитанники лучших профессиональных школ Европы, последователи метода Станиславского.

Удалось создать в Африке также балет, камерные оркестры и развить концертную деятельность. Наряду с этим в больших городах, где есть танцевальные залы, исполняют темпераментные и оригинальные танцы, носящие характер довольно занимательного сочетания традиционно африканских и современных мотивов. Сделана попытка записи этих танцев.

Кто-то как-то сказал, что все ритмы принадлежат Африке, но только один из них, обойдя весь мир, вернулся на свою родину — джазовый, а другие, словно нацепив на себя модную одежду, пришли на паркет танцевальных залов.

Сядьте на террасу, где танцуют, закажите какой-нибудь прохладительный напиток, посмотрите и послушайте.

Десятки пар кружатся на паркете. Два шага одной ногой, затем то же движение другой — на вид совсем просто. Однако элегантная европейская пара, которая пытается освоить это искусство в уголке, не сказала бы этого. Наконец им что-то удастся, но долго еще смотрят они во время танца друг другу на ноги. Движения как будто и правильны, но мало похожи на африканские. Танцевать в том ритме, какой принимают для себя африканцы, которые живут танцем, не так-то просто. Глаза у них сияют, они радуются музыке, и, глядя на них, невольно начинаешь радоваться сам, насколько непринужден и естествен их восторг. Исчезает все: и терраса отеля, и паркетная площадка для танцев, и стоянка для автомашин с шикарными лимузинами. Остается только прекрасный тропический вечер, огромные звезды на небе да стрекотание цикад, которое сразу же слышится вокруг, стоит лишь умолкнуть оркестру.

Город за спиной

Стоит европейцу оставить за спиной шумный и беспокойный город, как впереди, на его дальнейшем пути, уже поднимается дымка нового города. Другое дело в Западной Африке. Нужно пройти или проехать несколько десятков, сотен, даже тысяч километров, а города вы так и не увидите. Вам попадутся только редкие рыбацкие деревушки на побережье и близ тихих лагун. Можно преодолеть огромные пространства, занятые тропическими лесами, и встретить лишь маленькие селения ашанти и фантов, точно такие, как деревни эве в Того или Дагомее. Покиньте город — и вас обступит саванна с редкими островками деревьев и кустов. После долгого пути вы окажетесь у деревни с десятком глиняных круглых или квадратных хижин. И так повсюду. Поезжайте на север от городов Ганы, Дагомеи или Того — и уже через несколько минут, после того как скроются из глаз последние домики и аэродром в Ниамее, останется позади последний кусочек асфальта и на фоне арахисовых деревьев вам будут встречаться лишь похожие друг на друга селения джерма и хауса в выгоревшей степи или саванне, которые зазеленеют только в период дождей.

Таких картин вам встретится столько, сколько селений, а числа им в Африке нет.

Маленькие и большие селения с круглыми хижинами, собравшиеся вокруг желтого пляжа, на который налетает атлантический прибой. Лов рыбы — главное занятие всей деревни, дающее хлеб насущный. Не так просто на маленьких узеньких лодчонках пересечь полосу бурлящего прибоя и раскинуть сети, которые море стремится вобрать в свою пучину с не меньшей силой, чем прибой тянет саму лодку. Нелегко вытащить на берег сеть или втянуть ее в лодку за просмоленные канаты.

Рыболовство здесь — прежде всего наблюдение за нравом моря перед ловом и после него. Такие племена, как га, аканы и эве в Гане и Того и небольшие лагунные племена, разбросанные по побережью Западной Африки и занимающиеся рыболовством, проводят с весьма

давних времен самые различные метеорологические и океанографические наблюдения, что делает их по-настоящему глубокими и интересными.

Знание моря отражают и различные традиционные мифы. Трудно достается хлеб рыбакам, но море дает его постоянно. Поэтому жизнь в рыболовецких селениях везде одинакова и остается той же, что была здесь и сто лет назад. Этому способствует еще и то обстоятельство, что в некоторых селениях на побережье и в лагунах живут племена, которые по своему языку значительно отличаются от народов, их окружающих. На этнографической карте Африки жилища рыбаков выглядят маленькими точками. Часто целое племя здесь составляют жители одного большого или нескольких маленьких селений.

Можно поэтому говорить о каких-то народах, переселившихся на побережье из центральных областей, отступивших сюда под гнетом крупных племенных объединений. Когда уходить стало уже некуда, они остановились на берегу и остались тут навсегда, основав небольшие деревни и поселки, раскинувшиеся по побережью и попавшие в вечную зависимость от моря.

Лингвисты считают их, как и жителей небольших языковых островков в горах на границе Того и Ганы, остаточными племенами.

Однажды я посетил такое селение на берегу Атлантики. Какого ученого-лингвиста не заинтересовал бы язык и жизнь народа, от которого осталось всего лишь несколько сотен человек!

Мы ехали на машине по асфальтированной дороге вдоль побережья Гвинейского залива. С левой стороны тянулись пальмовые рощи и полоса пляжа, за ними виднелось море, кое-где попадались лагуны. По правой стороне раскинулись прибрежные холмы, поросшие кустарником, и равнина между ними. Неожиданно мой приятель, сидевший за рулем, улыбнулся и сказал:

— Ну, скоро будем на месте!

Я повернул голову и замер от восхищения: справа на пригорке стояло прекрасное здание, такое, какого я еще никогда не видел в Африке. Это был дворец из стекла и металла, прекрасно продуманный, в стиле современной тропической архитектуры. Вернее сказать — целый ансамбль зданий, построенный несколько лет назад. Напрасно я пытался соединить в своем представлении это

здание-модерн с рыбацкой деревушкой вымирающего племени.

Мой друг объяснил:

— Вы видите новую школу-интернат, построенную совсем недавно, а слева сейчас будет деревня, как раз та, куда мы едем.

Машина еще раз повернула налево, скрипнули тормоза, и мы остановились. Деревни не было видно, только несколько домиков — вернее, круглых хижин. Но вот появился первый житель — ничем не примечательный мужчина в пробковом шлеме. Попытку сфотографировать его мужчина пресек немедленно.

— Вы на территории нашего племени. Здесь запрещено снимать!

Лишь через некоторое время я понял, что иностранные журналисты частенько приезжали сюда фотографировать деревню, выдавая потом свои снимки за изображение типичных архитектурных достопримечательностей страны.

Из последующего разговора стало ясно, что перед нами какой-то начальник — не то инспектор, не то чиновник, который должен был инспектировать деревни на побережье. В его функции входило наблюдение за тем, чтобы рыбаков никто не обманывал. Он обязан был также предупреждать любые инциденты, которые могли возникнуть при столкновении местных племен с современным миром. Происходил чиновник из другого большого племени, закончил среднюю школу и хорошо говорил по-английски и по-французски. Короче говоря, он оказался человеком, который был нам совершенно необходим. Жизнь чиновника, по его словам, нелегкая, думаю, что таковой она осталась и по сей день. Жил он в маленьком городишке в двадцати километрах от этих мест. «На работу» чиновник ездил на мотороллере, который стоял сейчас прислоненный к изображению одного из богов племени.

Связь рыбацкой деревни такого рода с внешним миром не такая уж простая вещь, как может показаться на первый взгляд. В прошлом тут перебивало довольно много различных торговцев, чаще всего обманщиков, да и журналистов, гоняющихся за сенсациями.

— Есть у нас и другие заботы,— сказал страж закона.— Вот, например, с этими барабанами... Когда у жителей деревни большой улов, они долго барабанят, потом

танцуют, веселятся и воспевают удачу. Это, конечно, бывает не так уж часто. Ловить рыбу при этом приливе — не просто! Вся беда в том, что я не могу караулить здесь всю ночь, а как только уезжаю, так и начинается... Так танцуют, так барабанят, что земля трясется во всей округе!

— Ну, и что в этом плохого? — спросил я.

— Так видите, тут, на горе, построили школу, и директор жалуется, что своими танцами жители мешают учащимся...

Действительно, большая проблема!

Нам ничего не помешало, и мы смогли поближе познакомиться с жизнью деревни. Половина хижин была пуста. Старый вождь принял нас приветливо, без всяких формальностей, а в ответ на вопрос, где же мужчины, молча показал на море. Женщины стирали на берегу лагуны, дети бегали между хижинами и развешанными старыми сетями, пропахшими рыбой.

Море было необычно тихим и так манило, что мы, не раздумывая, бросились в воду. После купания — обед из консервов, которые мы привезли с собой. Через несколько минут послышался какой-то странный звук, что-то похожее на музыку или монотонное пение. Мальчишки, бегавшие вокруг нас с открытыми от удивления ртами, — из чего можно было заключить, что гости в этих местах не столь частое явление, — отошли в сторонку и собрались в кружок поближе к подросткам, которые, подобрав банки от консервов, быстро очищали их песком и тут же выбивали на них ладонями ритмы рыбацких песен своих отцов.

Интересно было наблюдать, как маленькие музыканты чувствуют песню, как методически повторяют они напев и сосредоточенно отстукивают ритм точно так же, как их отцы и деды на своих больших барабанах. Движения рук и кончиков пальцев тщательно имитировали игру взрослых музыкантов.

Закончился час обеда, закончилась и мелодичная музыка. Черные точки на море стали постепенно увеличиваться: лодки возвращались домой. Мы были поражены мастерством гребцов, храбро преодолевавших вспененную полосу прибоя. И вот уже рыбаки окружили нас.

В этот день улов был действительно велик: лодки ушли в воду по самые борта. Одна за другой они пристава-

ли к берегу, и рыбаки выбрасывали их содержимое на песок. Люди столпились у сверкающих на солнце рыб. Старый вождь с помощью нескольких молодых родственников, руководил дележом. Никто не был забыт. Справедливость торжествовала, улов в этот день раздавался щедрой рукой. Самая лучшая рыба шла на городской рынок. Можно было увидеть, как мальчишки, крутящиеся вокруг взрослых, неожиданно исчезали между хижинами, и только сверкающий хвост рыбины, выглядывающий из кармана коротких штанов, объяснял причину столь быстрого исчезновения. Это обстоятельство заставляло несколько усомниться в полной справедливости племенного коллектива и, как мне казалось, говорило о начале процесса индивидуализации племенной общины в архаической рыбацкой деревне, которую только широкая лента асфальтированной дороги отделяла от современности.

Возможно, в школе на другой стороне шоссе ученики из таких же деревень изучают высшую математику или постигают анатомию человека, чтобы через некоторое время стать инженерами или врачами новой Африки. В тот вечер барабаны опять мешали им заниматься: ведь улов был особенно богат и даже мы увозили рыбу в нашем автомобиле.

На полпути между Атлантикой и нигерской саванной лежит сонное, заброшенное местечко, не то деревня, не то маленький городок. До некоторой степени оно также представляет собой символ прошедших времен. Мы, собственно, не собирались специально здесь останавливаться (хотя, вообще-то говоря, мне этого и хотелось), но неисправность мотора заставила принять решение. К тому же мы были уверены, что путешествию не повредит небольшая остановка и новые знакомства.

Город этот носил название Салага и когда-то имел большое значение для купцов и их заказчиков в западно-суданской саванне. Не случайно тут среди земель племени гонджа выросло поселение хауса. Слово «Салага» звучало угрозой для тысяч рабов, которых продавали здесь вместе с орехами кола, арахисом и другими товарами саванны. Впрочем, все это прошлое Салаги...

Сегодня это заброшенное место, маленькая станция, затерявшаяся на севере Ганы. Несколько белых домиков

под железными крышами образуют административный центр, пансион и протестантская миссия сосуществуют здесь рядом с мусульманскими мечетями и анимистическими памятниками хауса и гонджа. Миссионер, которого мы встретили, разговаривал со своей паствой на языке гонджа. Он был доволен своей жизнью. Этому швейцарцу, приехавшему в Африку много лет назад в качестве торгового представителя, надоели торговые дела, и он стал миссионером...

Христианские молельни и мусульманские мечети не мешают друг другу. Они являют собой яркий пример гибкой политики в отношениях между христианством, проникшим с юга, и исламом, пришедшим с севера.

Административные здания Салаги сосредоточены не около миссий или мечетей, а близ «лорри-парков». Это отнюдь не центр богатой саванны Северной Ганы, торговые и административные учреждения продвинулись дальше на север, где колониальное управление на перекрестках дорог создало новый центр — Тамале.

Несколько отслуживших свой век ржавых «мамми-лорри» отдыхают около бензоколонки. Тут же чинят старые грузовики, доверху нагруженные мешками арахисовых орехов.

— Я умею чинить машины,— гордо заявляет хозяин колонки,— во время войны был танкистом...

Между двумя могучими баобабами, там, где когда-то мучились скованные цепями рабы, сейчас мирно беседуют африканцы хауса.

— *Замани я саке*¹⁹,— говорят нам они.

Дальше беседа не клеится, хауса замечают, что на солнцепеке разговаривать нелегко. Что нам оставалось делать? Отправляемся в бар, который составляет часть цивилизованной Салаги.

Кока-кола или пепси-кола, вентилятор, реклама шоколада Нестле — таковы аксессуары местного бара. Два скучающих шофера пьют слабо охлажденное пиво, привезенное с побережья.

— То были другие времена,— продолжают беседу хауса.— Мы, конечно, уже не помним торговлю людьми, но когда здесь были большие базары, где продавали орехи кола, арахиса и просо — это осталось в памяти. А шум

¹⁹ Времена меняются (*хауса*).

и гам, а толпы приезжих! Салага была тогда самым крупным торговым городом на север от поселений аканов!

На улице за стенами бара страшная жара, воздух словно застыл над поселком с белыми и коричневыми домиками хауса и примкнувшими к ним круглыми хижинами гонджа. По шоссе машины движутся на север, в Тамале и далее в саванну. Редко кто из них делает тут остановку. В Салаге? Зачем?

Познакомимся теперь с большой дорогой, по которой возят арахисовые орехи.

Я открываю старые блокноты. Из них сыплется красная пыль. Старательно вытряхиваю ее, но страницы блокнота так и остались желто-красного цвета. Здесь мои записи, сделанные во время путешествия по степям и саваннам на восток от Ниамея. Пески Сахары давным-давно замели следы шин нашей машины, кусочек проволоки — причина прокола покрышки — наверняка покрылся ржавчиной и валяется около заброшенного французского Поста Маргу рядом с обломком бывшего дорожного указателя. Остались только воспоминания и записи. В самом начале, сверху странички, несколько цифр: столько-то и столько килограммов багажа, столько-то магнитофонной ленты. Затем перечисление мест, с которыми я хотел бы познакомиться и записать там некоторые диалекты области, где вместе проживают два больших африканских народа — джерма и хауса...

Вдоль африканских дорог стоят теперь столбы с натянутыми на них проводами. Столбы внушают человеку доверие, особенно тому, кто уже третий раз чинит на солнце-пеке машину при сорокаградусной жаре. Они показывают шоферу дорогу и как бы говорят, что он не одинок, хотя за весь день в этих краях встретились ему всего лишь две-три машины.

Дорога эта ведет от Ниамея на юг, проходит через Догондучи и Бирнин-Конни — вернее, минует их. За сезон по ней проходят десятки автомобилей. Довольно регулярно появляется здесь и белая громада автобуса трансафриканской компании. Пассажиры волей-неволей задают вопрос, почему дорога не идет по прямой и необходимо

ехать в объезд. Глядя на карту, тут же убеждаешься, что около кривой черты, обозначающей шоссе, нанесена какая-то пунктирная линия, совершенно прямая. Надпись над ней гласит: «Дорога для караванов». Становится понятно, что путь этот подходит только для верблюдов, а автомобилям приходится следовать на юг, если они не хотят увязнуть в песках. Если же надо быстро проехать из одной деревни в другую, то тебе не подходит белый великан-автобус. Он движется по определенному маршруту, останавливаясь только на больших станциях, чаще всего раз в день, а в некоторых местах — только два раза в неделю. Мне повезло: я нашел малолитражную машину и нанял тут же шофера, который готов был отвезти меня за несколько сотен куда угодно. Оставалось только объехать несколько раз Ниамей, закупить необходимые продукты, одолжить у любезных коллег раскладушки, противомоскитные сетки и палатки, получить от чиновников и прочих лиц сопроводительные документы — и можно было выезжать по длинной дороге, указатели у начала которой сообщали:

Досо	139 км
Коре Майрова	253 км
Догондучи	276 км
Бирнин-Конни	419 км
Мадава	507 км
Маради	684 км
Зиндер	937 км
Лак Чад	1610 км

Указатели действовали на меня как голоса далеких городов, которые разговаривали на понятном мне языке хауса: Коре Майрова (*кваре Майрува*) — река, долина, полная воды; Догондучи (*догон дучи*) — большая длинная скала; Бирнин-Конни — город кустарника конни; Мадава (*мадова*) — город проса; Маради — клеветник. Последние названия говорили о самом центре черного континента, той черте, по которой не только проходила граница государства — а когда-то и колониальной державы, — но и двигались европейские путешественники, а во время войны — колонны войск свободной Франции.

Время, к сожалению, диктовало мне условия: исследовать ли места около границ расселения хауса и джерма или выбрать Зиндер и озеро Чад. В конце концов я принял компромиссное решение — доехать до Маради, где в

это время проводил записи мой коллега из Института восточных языков, ученик профессора Андре Мартинета. Я решил встретиться с ним, а уже потом вернуться в пограничные земли хауса и джерма, которые французские географы называют «Le pays des Maougi».

Мои первые впечатления от поездки подтвердили слова путеводителя: дорога в большей своей части была исключительно однообразна. Выгоревшая равнина, поросшая засохшей травой и кустарниками. В засушливый период он кажется желтым высохшим морем, по которому ветер из Сахары гонит тучи пыли. Когда едешь в машине, то при температуре между тридцатью и сорока градусами все время тянет открыть хотя бы немного окошко. Но стоит это сделать, как в машину, не принося прохлады, врывается пыль. За одну минуту белая рубашка покрывается красным налетом, не лучше выглядят брюки, платок, нижнее белье, блокноты, карты.

По пригоркам и долинам разбросаны деревни сонгайских джерма, некоторые из них примыкают прямо к дороге. Высохшую долину, по части которой лишь в сезон дождей несутся потоки воды, называют *даллоль*. Через несколько сотен метров, уже на территории земель хауса, она же зовется — *кваре*. Саванна, местами переходящая в степь, ничем уже не напоминает прошлое, прошлое той земли, которая входила в сферу влияния двух больших западноафриканских племен. Ничто не говорит здесь и о тех временах, когда богатая империя Гао пыталась подчинить своему влиянию и господству традиционные торговые центры — города хауса, главные из которых расположены дальше на юг, там, где теперь Нигерия; к ним относились также Гобир и Дамагаран — современный Зиндер. Ничто не напоминает и сложного процесса взаимного влияния двух соседних больших народов и маленького племени кочевников — фульбе. Когда-то они в так называемой священной войне ислама против неверных (движения наполовину религиозного, наполовину социального и национального) овладели богатыми городами хауса, изменив их национальную и социальную структуру. Сейчас полуфеодалная прослойка родов фульбе быстро ассимилируется, наиболее передовая их часть отложила мечи и копья, вернувшись к спокойной жизни кочевого племени, заботящегося в основном о своем скоте.

Мы встретились с ними сразу же на окраинах Досо. Фульбе — большей частью народ кочевой, они никогда не останавливаются на одном месте надолго, и увидеть их можно только там, где есть пастбища для скота. С севера в эти места заходят воинственные берберы — туареги, которые были когда-то самым опасным и сильным противником французских колонизаторов.

Во время первой мировой войны туареги восстали. Они окружили несколько французских постов в пустыне и захватили один из самых крупных центров современного Нигера — Агадес. Более тысячи туарегов восемьдесят два дня держали в осаде французский гарнизон. Восстание быстро распространялось, дошло до южных областей и начало охватывать английские колонии. Только военное превосходство французских войск, усиленных несколькими английскими подразделениями, позволило колониальной армии подавить восстание, продолжавшееся целый год. В те времена говорили, что восставших поддерживали и из Триполитании, и с Ближнего Востока. И это был не единственный случай. Туареги не оказались одиночками. В 1899 году в этих местах племена джерма, обратили в бегство сенегальских стрелков, насчитывающих около двух тысяч. Правда, уже через несколько месяцев сенегальцы во главе с капитаном Вулета вернулись в эти края, и уже никто не мог спасти джерма от колонизации. Тут не было возможности маневрировать между английским и французским влиянием, как это было в Дагомее или Того.

В начале XX века совместная англо-французская комиссия утвердила границы между тогдашней Французской Западной Африкой (позже территорией Нигер) и английской колонией Нигерией.

Вдоль этой границы по «дороге арахиса» шел наш автомобиль. Чтобы достигнуть первой цели путешествия — Досо, мы едем по направлению к границе с Дагомеей.

Дорога, однако, показалась мне однообразной лишь на первый взгляд. Живописные селения джерма с характерными для них круглыми хижинами встречаются тут, конечно, реже, чем деревни в саваннах Того, Дагомеи или Ганы. Через десять километров или несколько более того показались крыши из просяной соломы и характерные очертания глиняных стен. Маленькие хижины при-

влекают: они соблазняют путника в тяжелую полуденную жару остановиться и напиться холодной воды из традиционной посуды из тика или глины, которая гораздо лучше сохраняет прохладу, чем европейские бутылки и термосы.

Появление автомобиля в селении джерма не является чем-то из ряда вон выходящим, так как селения эти расположены на «дороге арахиса». Тут за месяц, а тем более за год проезжает бог знает сколько таких машин. На большие же грузовики не обращают внимания даже местные мальчишки.

Машин, останавливающихся в Гуесельбоди, Туробону или в Бурими, не так много. Здесь такой случай — уже сенсация. Сначала, как положено, прибегут мальчишки, потом появятся и старшие, прервав свои спокойные беседы под тенью какого-нибудь редкого дерева или глиняной стены; степенно, не спеша идут они посмотреть, кто к ним пожаловал. Достаточно несколько минут — и вы уже представлены вождю, потом следует присесть в общий круг со старейшими и рассказывать. Вам сразу же предложат угощение — все, чем богата деревня: немного воды, просяную кашу, арахисовые и кокосовые орехи, несколько кусков жареной на вертеле баранины, густо посыпанной перцем. Иностранец, приехавший с побережья, из края какао, из Ганы или Того, или из пальмовых лесов Дагомеи, сразу же услышит вопрос, не встречал ли он в больших городах и портах кого-либо из здешних мест.

В самой засушливой части саванны, около границ со степями и Сахарой, уклад жизни в деревне постепенно меняется. Земля дает тут работу и средства к существованию только в период дождей и сразу же после него, поэтому большинству молодых людей ничего не остается делать, как уходить на заработки — в Ниамей, Оуганду, Абиджан, Дакар, Аккру или Котону. Может быть, они вернутся через три-четыре месяца, может, через шесть. Кто знает? Вон тот старик вернулся домой только через десять лет, но все же вернулся... Кое-кто возвращается с женой из чужого племени, деревня ее принимает, растут дети, а потом... тоже уходят.

Но время не ждет, мы должны ехать дальше.

Осталась позади французская полуразвалившаяся крепость Поста Маргу. Напрасно пытался я узнать, кто

разрушил эти могучие стены, на которых теперь растут только сорняки. Может быть, всего лишь беспощадное время, изменяющее лицо Африки,— ведь давно уже отпала надобность охранять дорогу от нападений. Сейчас здесь можно встретить караваны таурегов, направляющиеся на север, туда, где ни кустика, ни травинки, где начинается песчаная пустыня. Проводники каравана машут нам издали и по-приятельски здороваются: «*Санну-санну*». Это напоминает приветствие, которым обмениваются в Европе водители автомашин одинаковой марки.

И вот уже видны глиняные стены Досо. Дорога тут поворачивает в Дагомею. Огромные грузовики везут по ней товары к морю и от моря. Городок скорее похож на небольшую станцию, а гараж — большая бензоколонка и маленькая гостиница — напоминает автобазу. Все это, конечно, появилось тут только в последнее время. Старое Досо — со времен начала колонизации резиденция французского комиссара, о чем говорят белые арки над входом в здание, где во дворе в тени мощных стен можно выпить вместе с полицейскими, местными служащими и почтовым чиновником такое теплое пиво, которого нигде не встретишь в Африке. Стоит выйти наружу по тенистому коридору, как у вас обязательно закружится голова. Как же иначе, пиво при сорока градусах жары! Жажда так и осталась неутоленной, прибавилась только тяжесть в голове.

На небольшой площади сейчас базар. Можно пройти между маленькими магазинчиками и, отказавшись от апельсинов, привезенных из Дагомеи или Нигерии, посмотреть на волшебную палку, которая помогает избежать укуса змеи, на парикмахера хауса, который тоже употребляет мыло из Нигерии. Трудно утверждать, но, наверное, все, что здесь есть, доставлено контрабандой через границы...

И лишь через несколько десятков километров за Досо начинается интересная дорога. На двухсотом километре меняется характер селений — соломенные хижины уступают место глиняным домикам хауса, часто с хорошо отполированными круглыми стенами. Они напоминают огромный горшок или кувшин для молока.

— *Санну-санну!* — кричат дети на чистом хауса.

Коре Майрова — первая деревня хауса. Она немного больше обычного селения на северо-западной границе

земель хауса. Для этих мест Коре Майрова — торговый центр, где живут и куда до сих пор приезжают торговцы со всех концов хаусской территории. По произношению можно всегда отличить хауса, прибывшего из Маради, Сокото, Кано или откуда-то с юга или востока. Теперь они уже смешались с местным населением.

Государственный служащий, бросив на минуту принимать пиво от грузчиков с большого грузовика, показывает нам, где повернуть с главной дороги, чтобы проехать в центральные области края. Судя по всему, служащий является одновременно хозяином пивной и магазина.

Мы хотели попасть в область, которую хауса называют Арева, что в переводе означает — «север». Из любого путеводителя по Африке вы узнаете, что хауса — мусульмане. Иногда их религию называют африканским исламом, по крайней мере одной из его форм. Но стоит прожить некоторое время в Арева, как становится ясно, что все это чистый вымысел. Многие считают также, что хауса и по сей день живут общинами, в которых главенствуют мужчины. Но в Арева сохранился как раз матриархат; вождь здесь — женщина. Не «сарки», что на хауса означает «вождь», а именно «сарауня», то есть «женщина-вождь». Так, например, в нескольких километрах от той дороги, по которой большие грузовики возят минеральную воду от Форт-Лами и арахисовые орехи к берегам океана в Матанкари, во главе деревни — женщина. Ей подчиняется территория всего лишь в несколько десятков километров от белого жилища начальника округа в Догондучи, перед домом которого всегда можно увидеть «джипы» и другие автомашины, принадлежащие его чиновникам и полицейским.

Стоит только на минуту покинуть свою комнату в этом доме, который поражает необычным комфортом — роскошными душевыми, электрическим освещением и чистым постельным бельем, как вы сразу же услышите отдаленные голоса барабанов...

Арева — область с центром в Догондучи — действительно необыкновенна. И не только своими скалами, одиноко стоящими посередине саванны, которые в ряде мест образуют горы с небольшими вершинами, окружающие деревни и маленькие селения. Здесь до сих пор сохранился матриархат, мировоззрением и верой которого остается анимизм в самых разнообразных его проявлениях.

Ему не мешают ни дороги, проложенные через этот край, ни аэродром в нескольких километрах от Догондучи, на поле которого приземляются самолеты для того, чтобы передать какие-либо важные приказы или отправить больного в лечебницу.

Стоило нам миновать Догондучи с его образцовым домом начальника округа и скалы у аэродрома, наступили сумерки — и все вокруг приобрело красноватый оттенок. Это самое подходящее время, чтобы найти селение, сообщить о своем приезде старейшим, поставить автомобиль около глиняной стены последнего домика на краю деревни, разбить палатку и приготовить ужин. Ведь тьма здесь опускается на землю слишком быстро. Импровизированный лагерь через несколько минут уже окружен людьми: собирается вся деревня. Гость, сидя на корточках, варит суп на походной плитке, а хозяева смотрят на него, присев рядом из чувства солидарности или для того, чтобы приезжему проще было их обо всем расспросить.

Ужин готов. Его обычно делишь с теми, кто сидит поближе, а они в свою очередь поделятся с тобой водой и просяной кашей *туво*. Потом начнется разговор, полный всяких неожиданностей. Обычно хозяева пытаются говорить по-французски, услышав же в ответ свой родной язык, замирают от удивления. Сказывается разница между бывшими французскими и английскими колониями, так как в английских довольно часто встречались люди, знающие африканские языки. Тут же, в местах, где понятие «европеец» означало синоним слова «француз» («батуре»), с подобными «знатоками» местные жители не встречались. Удивленные вопросы так и сыплются. Постепенно слушатели привыкают к *батурен бахаусе* — европейскому хауса. Тут различие в цвете кожи не основное, важнее — суметь договориться. Через несколько минут уже начинаются традиционные вопросы о краях там, на юге, у Гвинейского залива.

Многие молодые мужчины из отдаленных деревень хорошо знают Африку. Некоторые побывали и за морем, главным образом те, кто воевал. Люди эти знакомы с техникой, разбираются в моторах не хуже таксиста из Ниамея и знают транзисторный приемник даже лучше, чем многие европейцы. Иногда солдат, вернувшись домой, приносит с собой маленький транзистор, совершая

тем самым целый переворот в родной деревне. Это не оказывает какого-либо влияния на традиции или привычки народа. Просто в хижине вождя на полочке гордо и независимо возвышается приемник с рекламной надписью о самом прекрасном качестве радиоаппаратов известной во всем мире марки Филлипс. И все это около ритуальных знаков племени, вдалеке от последнего электрического столба. Шнур с вилкой на конце меланхолично свисает вниз с полочки...

Традиций в Африке продолжают упорно придерживаться, но традиционное хозяйство, сталкиваясь с современностью, неизбежно терпит крах. Трудно найти сейчас в саванне не тронутую влиянием цивилизации племенную или сельскую общину. Молодежь уходит на заработки и приносит в деревню деньги. Это позволяет делать закупки и у бродячих торговцев, и в магазинах небольших городков. Правда, отношение к деньгам в африканской деревне пока совершенно своеобразное и не соответствует представлениям ученых-экономистов. Я как-то вел беседу с молодым мужчиной из захолустной деревни. Через некоторое время он попросил:

— Не могли бы вы дать мне парочку этих красивых банкнотов?

Пока я размышлял, как ему отказать, так как собеседник просил как раз половину той суммы, которую я смог бы потратить за день, он возобновил разговор:

— Я не понимаю этих европейцев с деньгами, почему они их так берегут, когда могут иметь ровно столько, сколько захотят?!

Я выразил свое удивление. Тогда молодой африканец добавил:

— Надеюсь, ты не станешь мне говорить, что не можешь напечатать столько, сколько захочешь? Я же сам видел в Котону — там печатали столько газет, сколько могли продать! А деньги — это ведь тоже отпечатанная бумага. Правда, в городе за них можно получить много всяких приятных вещей.

Очень интересны и необычны представления таких африканцев о нас, европейцах, о Европе, о происходящих в мире событиях. Иногда они весьма далеки от действительности. С одной стороны, вторая мировая война развеяла миф о непогрешимости европейцев. Люди, которые убивают друг друга, по законам африканской деревни,

не обладают большим умом. С другой стороны, война нанесла довольно сильный удар по этим представлениям. Солдаты де Голля носили в своих ранцах боевой устав, научились его читать и пересказывать. Сейчас многие из них вернулись домой и стали признанными авторитетами. Времена в деревне изменились, говорят они, теперь все должны читать, писать и считать, чтобы никто не мог вас обмануть. И вообще повидать надо свет!

Когда загорится первая звезда, кто-нибудь из стариков обычно начинает сказку из истории «татсуния». Слово это в переводе с хауса означает «звезда», и поэтому местные жители не любят рассказывать их до восхода звезд. Стоит замолкнуть одному старику, как другой уже начинает свое повествование об истории Арева, края, который первоначально был населен не хауса, а языческими племенами, постепенно смешавшимися с пограничными племенами хауса. Народ этот имел свой собственный язык, так называемый «маури»...

Огонь костра разгорается, тени пробегают по раскрашенным лицам внимательных слушателей. Каждому интересно, откуда пришли их прадеды.

Но вот сказка кончилась. Всем уже хочется спать. Жители деревни начинают заворачиваться в свои бурнусы. Тянет прохладой, через минуту будет совсем холодно, а к утру и небольшой морозец. Мы тоже идем спать. Утром, чуть только рассветет, люди, все еще завернутые в бурнусы, уже выходят из хижин, толстые глиняные стены которых не только спасают от полуденной жары, но и сохраняют тепло, полученное днем.

Мы прощаемся со своими вчерашними собеседниками и едем дальше...

Почти два месяца прошло с тех пор, как я ездил по «дороге арахиса» в Арева и по другим областям хауса. Остались позади города, деревни знаменитого когда-то государства Гобир, где родился реформатор Осман Дан Фодио. Города и городишки, даже знаменитые, представляют скопление глиняных домиков с побеленными или просто обмазанными коричневой глиной стенами, напоминающих чем-то современные бунгало.

Я миновал Бирнин-Конни. Указатель на дороге помог найти поворот, откуда шоссе ведет в центры хауса — Со-кото и Мадаву, напоминающие большие деревни, сосредоточенные на маленьком клочке земли. В конце пути ле-

жало Маради с несколькими современными зданиями и весьма живописным базаром. Дорога отсюда идет к редчайшему озеру в сухой саванне — Мадарунф. Десятки дереvушек этого бедного края высохших долин, которые покрываются зеленью лишь раз в год, прилепившиеся около дороги и отстоящие от нее, полны людей, готовых поделиться тем немногим, что сами имеют. Здесь царство степных кроликов и ласок, перебегающих дорогу перед машиной. Земля породистых коней с гордыми наездниками, ушастых осликов, медленно и важно шествующих по шоссе с поклажей на спине.

— Это край, где действительно забываешь о сумасшедшей технике и цивилизации, куда всегда с удовольствием вернешься опять...— сказал однажды вечером Ж. Рух перед нашим отъездом из Ниамея.

И он был прав: стоит только найти несколько песчинок красной пыли в блокноте, как воспоминания об Африке вновь нахлынут на тебя...

Cogito, ergo sum²⁰

«Я мыслю, значит существую». Как давно произнес эти слова французский философ Рене Декарт. Удивительно, что мудрость его пережила столетия и не потеряла своего смысла и значения в наши дни. Вместе с читателем мы проехали по многим городам и селениям Западной Африки. Камера зафиксировала на пленке природу континента, быт и нравы его народа; перо описало все, что мы увидели и услышали. Но одного никогда не удастся отснять, не удастся записать на магнитофон или выразить словами. Речь идет о способе мышления, о специфике и судьбе народа. Ведь без собственного мышления, мировоззрения человек не вправе называться человеком.

То, что Африка сегодня становится на самостоятельный путь, говорит о ее собственном мышлении и делах. Однако существует большая разница между тем, что думает житель старушки Европы о мыслях и делах африканцев, и тем, что они представляют собой в действительности. Некоторые европейцы до сего дня приезжают в Африку, серьезно рассчитывая увидеть там голых людей, танцующих около костров и поклоняющихся анимистическим фетишам. На деле им приходится остерегаться не людоедов, а возможности сесть в лужу в сделках с африканскими торговцами или опозориться в споре с африканскими интеллигентами о произведениях Шекспира или Мольера. Есть и такие, кто приезжает в Африку с убеждением, что попадет на континент услужливых и покорных белым господам подданных. Но и они, как только выйдут за порог отеля, убеждаются в своей ошибке. Случается, что европейцы рассчитывают натолкнуться на ненависть африканцев к белым вообще.

Считают, что эти люди постоянно размахивают ручными гранатами и стреляют из автоматов или луков вместо приветствия.

Однако многие теперь уже понимают, что африканская действительность гораздо сложнее, что африканцы мыслят в определенном направлении: они пришли к выводу о том, что принадлежность к какой-нибудь партии,

²⁰ Я мыслю, значит существую (лат.).

цвет кожи или происхождение — еще не гарантия хороших или плохих намерений. Правда, они ненавидят всякого рода дискриминацию. Приятно это или неприятно, но очень быстро приходится убедиться в том, что африканское умение безошибочно распознавать замыслы людей и их характеры быстро будет проверено и на вас.

Африканцы умеют очень искусно выбрать из своего окружения именно то, что им кажется приемлемым. Они твердо следуют тому, что считают правильным, особенно унаследованному от своих предков. Эти черты проявляются особенно ярко, когда речь идет о выборе пути, по которому пойдет современная Африка.

За прошедшее столетие в истории Африки можно отметить несколько периодов.

Сто лет назад шел процесс наиболее бурного порабощения Африки. В это время на Гвинейском побережье еще существовали сильнейшие державы, которые в конечном итоге пошли по пути самостоятельного, подлинно национального движения. Были здесь и небольшие полуфеодалные государственные объединения. В горах Камеруна и Того существовали селения, которые сохраняли свой собственный уклад. В тропических лесах Либерии попадались деревни, где не знали металла, где каменный век не был еще историческим периодом.

На психологию и мышление африканцев, которые попали в различные общественные условия, оказали большое влияние прежде всего те события, которые совершались в узких рамках их племени, народности или государства. Если общество находилось на таком уровне, для которого историки напрасно искали бы подходящее название, переживало период, когда совершался переход от общинного владения к частному, безусловно, все происходящие в нем изменения оказали огромное влияние на образ мыслей и мировоззрение каждого его члена. Появилась, например, убежденность, что присвоение чужого имущества — не воровство, а просто награда за то, что кто-то сделал что-либо в свое время «для общества». Это уже не считается чем-то предосудительным, скорее наоборот — почетным. Если же общество находилось на стадии перехода от матриархата к патриархату, то понимание роли и значения женщины совершенно отличалось от нашего мировоззрения, так же как психология африканок того времени не имела ничего общего со взглядами

на жизнь европейских женщин. Речь не шла об эмансипации женщин, более сложным оставался вопрос определения степеней родства и взаимоотношений между родственниками. Они бывают иногда столь сложны, что определить их могут только самые старые члены семьи.

Совершенно отличные от наших условий и законы жизни рождают целый ряд других сложных явлений в мышлении, которые ни в коем случае не следует упрощать. Например, если люди жили, не зная чувства собственности, то это обстоятельство удивительным образом сказывалось на психологии — оно освобождало их от многих забот. Африканцы радовались простым жизненным явлениям, веселились, как малые дети, — для этого им было достаточно легкой шутки, немного ритмичной музыки, танцев и песен.

Африка доколониального периода шла по своему собственному пути, отстаивала свой образ жизни, свою веру даже в те времена, когда перед ней стоял вопрос: «быть или не быть?» Сколько мифов и легенд о возникновении мира рассказывает африканский народ, мира, поднявшегося с морского дна и сотворенного из глины у берегов Нигера! Сколько создано им различных идолов, которым приносились жертвы: вода, пища, дичь, а зачастую и люди!

Очень часто европейцы акцентировали особое внимание именно на поклонении идолам, на человеческих жертвоприношениях, принимая их за основу психологии и мышления африканцев. Эти верования, в которых было больше чувств, чем мыслей, очень часто использовали в качестве аргумента, стремясь оправдать порабощение континента. При этом забывали, что анимизм не только религия, что наряду с религиозной основой в нем есть нечто от желания на практике изучить мир, который знаешь так мало. Еще до вторжения европейцев в Африку туда уже начали проникать две совершенно различные и чуждые друг другу системы верования и мировоззрения. Караванными путями через большую пустыню пришел в Африку ислам. С юга, из европейских крепостей на побережье, из портов, куда приходили большие парусники, распространилось христианство.

Обе эти религии принесли — и, собственно говоря, до сих пор приносят — в Африку чуждое ей мировоззрение, мысли и чувства другого континента.

Христианская и мусульманская религии распространили свое влияние на многие части света. Обе они считают свое учение единственно правильным и доказывают это как мирным, так и насильственным путем. Ислам в первый период своего проникновения в Африку охватил огромные территории: большую часть саванн и тропические джунгли, но далее, до берегов Гвинейского залива, ему дойти не удалось. Даже после религиозной войны фульбе не сумели донести туда слово Аллаха. Там, где ислам встречал сопротивление местных властителей, где брат, принимая новую религию, отрекался от брата, где большие и могучие государства распадались и только тогда забывали свою веру, — там проникновение ислама останавливал враг намного более коварный и более опасный — сонная болезнь. Туда, где свирепствовала муха цеце, не могли пройти стада и кони фульбе. А следовательно, и ислам.

Христианская религия оказалась в еще более трудном положении и была тесно связана с работорговлей, с ней в определенной степени отождествлялось и колониальное порабощение. Кроме того, христианство было верой более далекой от Африки и более чуждой по своему отношению к анимизму, чем ислам. По своему мировоззрению оно в корне противоречило понятиям африканцев о семье, об отношении к женщине, к детям, к родству. Эта религия была им чуждой прежде всего своими религиозными представлениями, различными ограничениями, «возвышенным» пониманием души. Правда, со временем, где официально, а где чисто практически отклонившись от своих догм, христианство сумело завоевать доверие части африканцев.

Однажды вечером я сидел на веранде отеля. Вдруг откуда-то послышался щелкающий звук, напоминающий постукивание кастаньет. Через минуту к нему присоединился барабан — и зазвучала мелодия. Мне показалось сначала, что рядом, в ресторане или в баре, играет оркестр. Но вот раздалась песня. С удивлением я услышал слова «Бог — мой пастырь...». Ритм все убыстрялся. Я вышел на улицу. Звуки песни неслись из белого круглого здания, которое можно было бы принять за какое-то учреждение, ресторан или в крайнем случае элеватор. Даже самый ярый атеист никогда не посчитал бы это сооружение за церковь. Я вошел и укрылся в темноте, чтобы

никто меня не заметил. Церковь была очень проста: обыкновенные скамьи, стулья по стенам, маленькое возвышение, где стоял священник. За его спиной на небольшом органе играла женщина. Около двери мужчина раздавал всем входящим какие-то погремушки, с помощью которых молящиеся отбивали такт в ритм песни. Вперед прошла молодая африканка с ребенком на спине. Она тоже получила погремушку и, уже проходя по церкви в поисках свободного места, начала напевать все ту же мелодию: «Бог — мой пастырь, бог — мой пастырь...».

Маленькому верующему, пристроившемуся за спиной матери, это, конечно, страшно нравилось. Тут мужчина, стоявший у входа, заметил меня и предложил пройти в церковь:

— Входите, входите, господин, это неважно, что вы придерживаетесь другой веры. Разрешите представиться: Кваме Дадсон, вот моя визитная карточка.

Визитная карточка гордо гласила:

М-р Кваме Исаак Дадсон

Такси драйвер. К° Ивэнджелик Мишн Адабрака

Я был посрамлен. Во-первых, можно было предположить, что меня привело сюда нездоровое любопытство, а во-вторых, у меня не было визитной карточки. Однако я прошел внутрь и прослушал все богослужение.

Проповеди шли на четырех африканских (фала, га, эве и тви) и английском языках. Все это сопровождалось необыкновенно оригинальной музыкой в ритмах румбы, самбо и других, мне незнакомых. Когда пастор рассказывал об аде, я смотрел на женщину с ребенком. Она слушала его с расширенными от ужаса глазами, в то время как маленький человечек спокойно спал у нее за спиной.

Давайте теперь вернемся к началу главы и вспомним изречение: «Я мыслю, значит существую», которое дало ей название.

Обе религии были в конце концов приняты в Африке и оказали влияние на мировоззрение и чувства ее народа, хотя восприняли их африканцы по-своему — многое было переосмыслено и изменено. Поэтому в Африке ходят сейчас в мечети и посещают церкви. Но при этом никто

не забыл веры своих отцов. Около креста нередко можно увидеть фетиши предков; наряду с освещением парохода, автомобиля или плотины совершаются жертвоприношения и другие обряды.

Сто лет назад Африка принадлежала французам, англичанам, немцам, мировоззрение которых не могло не оказать влияния на континент и которые в своей совокупности создали нечто общее. Они привнесли с собой оценку мира и его ценностей в той мере, в какой это было принято в XIX — начале XX века. Они привнесли бурные темпы вечно спешащей Европы с ее техникой, с ее высоким экономическим и промышленным потенциалом. И в то же время привнесли амбицию богатства и скорбь бедности. Все это было необычно для Африки. И законы, по которым мужчина мог иметь только одну жену и одну семью, и порядок, когда отец и мать точно знают число своих сыновей и дочерей и, учитывая материальные возможности семьи, даже прикидывают, сколько детей смогут иметь, и значение денег в жизни общества, и понятие собственности.

Нельзя, однако, сказать, что европейцы оказали только отрицательное влияние на Африку, хотя об этом сейчас предпочитают не говорить. Ведь Европа имела богатое классическое наследие, знакомиться с которым африканцы начали как в школах, так и на театральном подмостках, где они впервые познакомились с Шекспиром на своем родном языке. Присущие французам восторженность и вдохновение восприняла, например, современная поэзия революционных поэтов Африки. Французская традиционная революционность проявляется и сейчас в политике бывших французских колоний²¹, а отвращение французов к расизму африканцы восприняли скорее, чем что-либо другое²².

В Африке можно наблюдать и влияние английского консервативного мышления. Так, в бывших английских колониях до сих пор сохранилось левостороннее движение. Большое воздействие оказал консерватизм и на африканскую интеллигенцию.

²¹ Автор совершенно напрасно связывает с «традиционной революционностью» французов проявление напряженной политической борьбы в освобождающихся странах Африки. Она является следствием классовых противоречий.

²² Испытывая «отвращение к расизму», французские колониалисты проводили политику жестокой расовой дискриминации.

Наступили 60-е годы XX века. Западная Африка в основном освободилась от колониальной зависимости. Один мой африканский приятель когда-то в шутку заметил, что Африка всему научилась у колонизаторов и даже тому, как от них избавиться. У французов с помощью революционных референдумов (Гвинея, 1958 год), у англичан — путем демократических выборов, в ходе которых победили кандидаты, стремящиеся к независимости, и потерпели поражение противники. Характерно, что этому не мешало даже то обстоятельство, что некоторые кандидаты находились в тюрьме. Англичане здесь вынуждены были считаться со сложившейся ситуацией, когда кандидат в депутаты прямо из тюрьмы направлялся в здание министерства. Подобные истории, ставшие легендарными, известны не только в Западной Африке. Португальцы, захватившие власть в Африке насилием, в ответ получили то же самое. Каждому по заслугам!

Мир был вынужден заново перетасовать свои политические карты. В новые столицы отправились европейские послы и дипломаты, пришлось говорить об экономическом и политическом соперничестве.

Иногда дипломатам приходится ломать головы над тем, что думает современная Африка. Лозунг «Африка пробуждается!» ныне уже устарел. Она давно пробудилась, и теперь нам следует проснуться, изменить свое отношение, по-новому смотреть на этот огромный континент.

О мыслях и мировоззрениях людей, которые действительно существуют, потому что думают, лучше всего можно сказать словами современного африканского поэта:

Не давай мне богатства, бог,
Я не хочу быть никем прославлен.
Дай мне на каждый день пути
Вольного ветра.
Дай то, что давно мне принадлежит:
Право говорить с каждым и
Думать обо всем,
Никогда не изменять себе,
Ни перед кем не склоняться.
А закончив бой, опустить мой щит
И призвать сердце мое туда,
Где предки мои и звезды.

Прежде чем перевернуть последнюю страницу

Прежде чем перевернуть последнюю страницу нашей книги, познакомимся еще с некоторыми эпизодами из жизни маленьких и историкам еще не известных народов.

В Тамалу (Северная Гана) приехал как-то врач из Чехословакии. К нему должна была приехать его семья. Врач еще не получил дома, автомобиля и не занял положенного ему места в клубе за кружкой пива...

Его очень хорошо встретили. И все это он получил, но позже...

Этот эпизод, с которым вы сейчас познакомитесь, врач рассказал уже в своем доме, в кругу семьи, со спокойной улыбкой человека, который полюбил страну, где живет и работает.

Как только он прибыл в Тамалу, сразу же стал приглядываться к городу, знакомиться с работой. Жил он один как перст, в гостинице на окраине Тамалы, там, где асфальтированная улица переходила в немощенные дороги африканской деревни. Чуть дальше, к центру, виднелись большие современные здания школ, учреждений, магазинов, напоминающих салоны на площадях городов «дикого Запада». Вечерами было скучно, делать нечего, и он отправился как-то в кино. Демонстрировался фильм с убийствами, смонтированный по обычным канонам такого типа фильмов. Когда кино кончилось, врач отправился домой в свою гостиницу на окраине. Он покинул освещенные улицы и пошел по длинной темной дороге туда, где видны были огоньки костров деревни и слышались звуки тамтамов. В темноте они показались врачу жутковатыми, он стал время от времени произвольно оглядываться. Тут он услышал шаги. За ним шли два незнакомых африканца. Врач пошел быстрее, африканцы также. Вскоре они догнали его и вежливо пожелали доброй ночи. Он ответил и внимательно оглядел незнакомцев. Улица была темна, до отеля еще далеко. Африканцы, как и доктор, были в кино и разговорились о фильме. Доктор отвечал вежливо, но фантазия его начала бурно работать: «Все это похоже на фильм, где было три убийства. И тут темень, никого нет, и никто

не услышит, если я закричу». Беседа между тем продолжалась, речь зашла о Тамале, о его освещении, о качестве дорог, о прекрасной африканской природе. Время шло, врачу оставалось только завернуть за угол, чтобы увидеть освещенную веранду гостиницы. «Или они сейчас на меня нападут, или не нападут совсем», — подумал врач, вежливо отвечая на вопросы спутников о его семье, жене, детях там, в Европе. Африканцы спокойно дошли с ним до веранды и попрощались, пожелав всего хорошего. Врач никак не мог понять, что произошло. Он вернулся, догнал своих спутников и поинтересовался, почему они прошли с ним всю эту длинную темную улицу, хотя сами сказали, что живут совсем в другой стороне.

Они немного помолчали, потом один из них сказал: — Мы шли за вами, возвращаясь из кино, и уже должны были повернуть домой, как мой приятель заметил: «Посмотри-ка, как оглядывается этот европеец, он, наверное, тоже был в кино, и теперь, после фильма, ему страшновато. Давай пройдем с ним вместе и развлечем его».

Второй эпизод, который мне хочется рассказать, тоже весьма типичен.

С одного конгресса два больших американских лимузина должны были отвезти двенадцать человек. Автомобили оказались прекрасными, но их было недостаточно. Распорядитель, африканец, размышлял, почесывая свою кудрявую голову: «По правилам, в каждой машине должен ехать один человек. В крайнем случае, стесняя друг друга, могут ехать двое, но тогда остается еще десять. Как поступить? Университет далеко от города». Наконец решение принято — посадили по шесть человек в машину. Каждый разумный человек поступил бы точно так же. Да и участники конгресса не протестовали, так как все они хотели быстрее попасть в город.

Остался недоволен только один блондин-северянин, имеющий формальное право по своему положению ехать с полным комфортом один в лимузине. Ему было наплевать на всех остальных, которые могли не попасть в город. Пусть возьмут такси, а то, что найти его поздно вечером невозможно, это уж не его дело. Всем было безумно за него стыдно. Распорядитель вежливо и терпеливо извинялся, объяснял, как обстоит дело, почему не при-

шли другие машины, говорил, что до города далеко и все хотят туда попасть как можно быстрее.

Северянин настаивал на своем, не желая слушать африканца, которому по окончании работы придется идти в город пешком, что займет два часа, если не удастся воспользоваться автостопом. Шоферы молчали. Один из них встал, что-то сказал другому, потом подошел к распорядителю и долго с ним разговаривал. Тот выслушал его и сообщил, что шофер предлагает северянину ехать не с шестью пассажирами, а с четырьмя. За остальными он приедет позже, хотя рабочий день его уже кончился. Люди расселись по машинам и поехали. Мне не повезло. Я попал в машину с раздражительным северянином, где к тому же сидел еще и замкнутый англичанин из Сьерра-Леоне. Северянин жил в гостинице, которая была ближе всех. Тоном, не терпящим возражения, он обратился к пассажирам и спросил, не имеют ли они ничего против, если его отвезут первым. Все согласилось, только шофер промолчал.

Машина, проезжая по городу, время от времени останавливалась и высаживала пассажиров, только северянин никак не мог попасть в свой отель. Лицо его уже давно налилось и стало багровым от злости. Он утихомирился только тогда, когда заметил, что в ответ на его ругательства шофер с услужливой улыбкой делал еще один лишний круг по городу. Не знаю, чем все это кончилось, так как я был предпоследним пассажиром и вышел вместе с хмурым англичанином. Пройдя несколько шагов, мы посмотрели вслед машине, где наконец-то светловолосый эгоист остался в полном одиночестве.

— Знаете, а ведь этот шофер прекрасно говорит по-английски. Я сам слышал, — заметил англичанин.

Как говорит одна африканская пословица: «Ищешь настоящее — найдешь его среди теней прошлого, ищешь будущее — оно на солнечной стороне сегодняшнего дня. Сожмешь ладонь — а настоящее проскользнет у тебя между пальцами в прошлое, и ты можешь на него только оглянуться с тоской».

Началось это давно.

И начал тот безумец, который развязал войну в Европе, будучи одержим манией величия. Армия его захватила не только маленькие страны, но сокрушила даже гордую столицу над Сенной. Честным людям во Франции

становилось душно. И вот некоторые из них вспомнили, что господин Петен и его правительство в Виши сохраняет и поддерживает отношения с территориями во Французской Западной Африке, которая юридически все еще признавала его своей главой. Так появилась возможность попасть в «Черную Африку».

Однако губернаторы, юридически признавая правительство Виши, прекрасно понимали, что до ближайшего гарнизона союзников не так уж далеко. В тогдашнем Золотом Береге, в Сьерра-Леоне и Нигерии, за пограничными шлагбаумами, существование которых в пустыне было довольно иллюзорным, действовали африканские солдаты. В кармане у них лежала маленькая брошюрка «Атлантической хартии», которая была роздана им в тысяче экземпляров. С аэродрома в Робертсфильде стартовали самолеты союзников, перевозившие провиант и оружие, которое применялось против Роммеля.

Губернаторы, хотя и снабжали информацией правительство Виши, клялись в своей верности Петену, но при этом очень внимательно следили за тем, чтобы не преследовать тех, кто не был на хорошем счету в Виши или на территории оккупированной Франции. Благодаря этому десятки демократически настроенных французов и представителей других национальностей перебирались в Африку, попал туда и герой нашего рассказа.

Он нашел себе пристанище. «Черная Африка», тропики и жизнь в колонии сначала пугали его, вызывая чувство страха и уныния. Но, прибыв во Французскую Западную Африку, этот человек полюбил ее. Теперь каждый год он говорит, что не вернется больше в Африку, но всякий раз возвращается.

Во время войны европеец встретил на улице бедного безработного африканца, нашел ему работу и, поняв, что тот парень умный и талантливый, на свои средства — хотя у самого они были весьма ограничены — послал его учиться. Парень выучился, стал механиком и шофером.

После войны европеец вернулся в родные края. Его африканский друг нашел на свалке брошенный военный грузовик. При очень небольших затратах и настойчивом труде он починил его и начал возить грузы на побережье и обратно. Постепенно грузовик вышел из строя, но у парня уже завелись деньги, которых хватило на покупку новой машины. Теперь у него несколько машин. А сам

он водит большой грузовик по «дороге арахиса» и хорошо зарабатывает. Но стоит только приехать в Африку его покровителю — известному уже во всем мире ученому—днем ли, вечером ли, ночью ли или на рассвете, он всегда находит у своих дверей африканца, который ждет его точно так же, как делал это, когда был еще совсем молодым. И все время, пока у него гостит европеец, грузовики стоят, у шоферов отпуск, фирма не работает, а ее шеф повсюду ездит с европейцем, который сделал из него человека. Он сопровождает его как шофер, бой, как самый преданный человек.

И еще один случай перенесет нас в Швейцарию. Швейцария, как известно, находится в центре Европы и производит самые лучшие в мире часы. Европа вообще создает огромное количество различных приборов, которые делят время на секунды, минуты, часы, недели, годы и бог знает на что еще. И беда состоит в том, что Европа, со своими привычками к порядку, пытается их внедрять в краю, где солнце стоит на небе целый день и немилосердно печет в спину большую часть года. Африканцы иногда говорят, что европейца можно узнать сразу, так как он все делает только по часам.

Во главе одного государственного предприятия в Африке был поставлен швейцарец. Он точно рассчитал нормы, которые потребуются применить при строительстве каналов, мостов и свай, по расчетам, принятым в Европе, с учетом европейского климата и техники. В соответствии с этим планом началось строительство в Африке. Кончилось все это плохо. Швейцарца отвезли в больницу — у него сдали нервы. Запланированные им объекты уже давно достроены африканскими рабочими в сравнительно короткие сроки, без предварительных расчетов и планов.

Моя точность поначалу также доставила мне в Африке немало неприятных минут. Я был в тропиках всего лишь несколько дней, и представление о местной пунктуальности у меня тогда было совершенно европейское.

Однажды ко мне должен был прийти очень важный гость, с которым было договорено, что он прибудет в три часа пополудни. День был необыкновенно жаркий, и мне страшно хотелось спать. Голова склонялась на грудь, и глаза закрывались. Я позвонил портье и попросил его разбудить меня в три часа, предупредив, что это очень важно, потом лег и моментально уснул. Каково

же было мое возмущение, когда я, проснувшись, обнаружил, что на часах уже без пятнадцати четыре. Почему меня не разбудили? Я оделся и вышел. По-прежнему было душно и жарко. В коридоре — ни души, тогда как обычно в это время там всегда довольно много народа, веранда пуста, а кафе мертво. Официант спал. Я прошел по коридору, споткнувшись о боя, который заснул прямо на земле, и кинулся в вестибюль, на ходу вспоминая всякие грозные слова, но и там было пусто. На стойке лежал лист бумаги с дважды подчеркнутой надписью: «Петр Зима — № 92, разбудить около трех обязательно!». На записке мирно покоилась голова дежурного портье, он тоже спал. Я разбудил его, выслушал сонные извинения, и все мои заранее подготовленные тирады куда-то испарились. В конце концов нам обоим было жарко, мне в комнате, а ему в вестибюле. Самым грустным оказалось то, что никто из нас не знал, был ли мой гость. На часах было уже четыре. Где он теперь? Так как весь этот день на стоянке перед гостиницей не было ни одной автомашины, то лимузин своего гостя я увидел уже издалека, когда он там разворачивался. Мой гость выскочил из машины, быстро закрыл ее и побежал, по-мальчишески подпрыгивая, к двери гостиницы. Он виновато рассмеялся, увидев меня:

— Я очень извиняюсь, опоздал на целый час, это так ужасно. Но ведь сегодня такая страшная жара, и я сам не заметил, как уснул.

Поделюсь с вами еще одним наблюдением.

Европейский бюрократ — лицемер. Если в Европе вы приходите в канцелярию к бюрократу, скажем, в половине одиннадцатого, то застаете его внимательно читающим утренние газеты. (Это, конечно, может случиться и в Африке.) Вы входите и приветствуете его. Бюрократ сворачивает газету и холодно спрашивает, что вам угодно.

В Африке этого не случится. Там вам вежливо ответят на приветствие, махнут рукой в направлении свободного стула и будут читать дальше. Европейский бюрократ лишь несколько остудит ваше пылкое желание немедленно приступить к делу. У африканца вы начинаете чувствовать, что пришли не вовремя. Вы будете ждать до тех пор, пока он не кончит читать газету. А уж потом с улыбкой займется вашими делами. Ему в этом помогут как раз то, чего не хватает европейцу: хорошие и крепкие

нервы. Он потерял вашу бумагу — неважно: напишете еще раз; не получил ваше письмо — тоже не так уж важно: напишете здесь, на месте. Ваши деньги выдали кому-то другому. Это, плохо, но можно вам выдать аванс или деньги господина X, который будет получать их позже.

Африканцы имеют не только крепкие нервы, но всегда сохраняют чувство юмора по отношению к людям и событиям, чувство, которое давно уже изгнано из учреждений Европы. Они не откажут себе в удовольствии вас проэкзаменовать, могут действительно заинтересоваться вами и сопоставить слова и официальные данные.

Если вы врач, то вас обязательно спросят, что это у того мальчика за болячка на голове. Если геолог — то тут же последует вопрос: «Что это там за камень?». Если вы изучали африканский язык, то вас тут же проверят. К тому же еще позовут коллегу, для которого этот язык родной. После того как африканец таким образом познакомится с вами, он станет совсем другим человеком и будет относиться к вам по-дружески. Сложность заключается лишь в том, что завтра у другого стола все начнется с самого начала.

Старая Европа должна быть самокритична. Хотя бы в конце нашего повествования. Она изобрела пар, электричество, газ и многое другое. Ускорила перевозку людей с места на место. Но одновременно она создала границы, паспорта, визы, таможи, пошлины, барьеры и шлагбаумы. С большим или меньшим успехом она пыталась перенести эти изобретения в Африку.

Посмотрим, насколько ей это удалось.

Молодой европеец переезжает границу государства на побережье Западной Африки. Перед отъездом его принимает знакомый пожилой начальник, желает счастливого пути и спрашивает:

— Так ты теперь будешь работать в соседней стране? А есть у тебя какие-нибудь рекомендации?

Европеец показывает документы, выданные посольством, министерством, академией. Начальник некоторое время молчит, потом качает головой и замечает:

— А не хочешь ли пару строк от меня? Я немного знаком с тамошним начальником.

Европеец минуту раздумывает и, чтобы не обидеть старого знакомого, соглашается. Тут оказывается, что у старого господина нет бумаги. У европейца ее тоже нет.

Он долго ищет хотя бы какой-нибудь клочок в своих карманах и наконец находит старый счет из гостиницы. Ему немного неудобно предлагать этот листок, но старик спокойно и быстро берет его и прямо по цифрам выводит слова. Молодой европеец, обрадованный тем, что написал о нем начальник, благодарит и прячет замызганный счет в карман. Если даже он его потеряет, то это не так уж важно. Европеец отправляется в путь. Он начнет с того, что оформит визу. Потом он пройдет таможенный контроль, паспорт и чемодан будут внимательно осмотрены, и лишь после всех этих формальностей европеец сможет продолжать свой путь до столицы. Там он начнет работать и лишь через некоторое время, по стечению обстоятельств, встретится с начальником, о котором говорил ему старый знакомый. При встрече он покажет все свои документы с большими цветными печатями и рекомендации различных учреждений и посольств. Начальник молча посмотрит на все это и лишь кивнет головой. Европеец расскажет, откуда приехал и где работал. Тут его собеседник слегка оживится и спросит:

— А больше у вас ничего нет?

Молодой европеец вспомнит о смятом клочке счета.

— У меня есть несколько неофициальных строк...

— Покажите.

Помятый лист бумаги будет взят с таким же пренебрежением, как и бумаги из министерства. Но именно его чиновник оставит у себя.

— Приходите послезавтра,— услышит европеец, приняв эти слова просто за вежливую форму отказа. Почему надо ждать до послезавтра?

В назначенный час он придет с чувством некоторого опасения и неуверенности. Но начальник выйдет ему навстречу, расплываясь в улыбке.

— Все в порядке,— услышит европеец.— Ваша рекомендация действительно подлинная. Я съездил к вашему другу и спросил, писал ли он записку. А теперь скажите, что я для вас могу сделать!

Молодой европеец вспомнит паспорт, визу, таможенный досмотр и остальные формальности и тут начнет понимать, что все заведенное по европейскому образцу существует в Африке прежде всего для самих европейцев. При этом подумает про себя: «Так им и надо! Ведь они привезли все это сюда сами!»

Голос Африки все громче и громче звучит в современном мире, и все же мы знаем о ней еще очень мало. Поэтому каждую новую книгу об Африке в нашей стране встречают с большим интересом. Особенно дороги для нас свидетельства очевидцев. Тех, кто видел африканское солнце, ходил по африканской земле, жил среди людей Африки.

Именно этим непосредственным общением и дорога для нас книга известного чешского лингвиста и путешественника Петра Зимы «Тамтамы до сих пор звучат». С первых страниц обрушивается на нас целый поток красочных впечатлений, на которые так щедра африканская земля, а особенно Западная Африка, где Петр Зима провел долгие месяцы.

Трудно найти другую область, столь же богатую природными, культурными и социальными контрастами. Западная Африка, простирающаяся от душных и сырых тропических джунглей до грозных песков Сахары, воплотила в себе все то, что составляет славу и гордость континента, и то, что до сих пор является его проклятием. Здесь возникли древнейшие и наиболее значительные цивилизации. Слухи о славе и могуществе великих западносуданских государств: Ганы, Мали и Сонгай — доходили до отдаленных стран Европы и Азии. В торговые и дипломатические отношения с этими государствами Африки вступали наиболее крупные страны Арабского Востока и Европы. Города Западного Судана были важнейшими культурными центрами тех времен, а Бенин и Дагомея, столицы государств на Гвинейском побережье, поражали европейцев своим могуществом, богатством и культурными ценностями.

Развалины этих городов до сих пор лежат в дебрях тропических лесов, в саваннах и пустынях Западной Африки. Сказания о подвигах предков еще и сейчас распространяются среди наследников их культуры, трудолюбивых земледельцев Африки. Но рядом с ними в тропиках обитают сравнительно отсталые племена с первобытным, по существу, укладом хозяйства и культурой. Плодородные обработанные земли сменяются здесь неприступны-

ми болотами и скудными пустынями, залитые гудроном шоссе переходят в караванные тропы, блестящие города с ультрасовременными зданиями соседствуют с убогими деревнями из жалких хижин, таких же, как строились тысячу лет назад. Богатство и нищета, процветание и болезни, цивилизация и почти поголовная неграмотность... И все это — Западная Африка, страна пробуждающихся к новой жизни многомиллионных масс, страна неисчерпаемых сил и возможностей.

Автор книги, на наш взгляд, хотел не просто познакомить читателей с бесконечными просторами Западной Африки, со сложными проблемами ее этнического и культурного развития, но стремился ввести в самую гущу ее жизни, чтобы радости и заботы африканцев стали и нашими радостями и заботами.

Петру Зиме удалось это сделать. Горячая увлеченность, искренняя симпатия к народам Африки не могут оставить равнодушным читателя, но дело не только в этом. Его книга — не просто дневник путешествия и не отчет об увиденном. Это страстный поиск того пути, по которому пойдет освободившаяся Западная Африка. Автор старается найти в традициях и культуре, в языке и литературе те основные ценности, тот источник силы, который позволит африканцам справиться с трудностями, подстерегающими их на пути реконструкции.

Особенно волнует его проблема соотношения европейской и традиционной африканской культуры или даже — еще шире — европейских и африканских черт в современном и будущем африканском обществе. Вопрос этот исключительно сложен. Чтобы разобраться в нем, надо иметь представление не только о транспорте, жилищах, быте, языке, литературе и искусстве Африки, но, скажем, и о таких на первый взгляд мелочах, как система имен для новорожденных. Все это оказывается связанным со множеством других явлений, порождающих неожиданные сложности и курьезные ситуации. Автор сумел разобраться во всех этих проблемах, снабдив читателей массой самых разнообразных сведений. Это делает книгу весьма оригинальной, увлекательной и особенно ценной для нас.

Однако в сложности темы кроется и причина некоторых недостатков работы, причина, по которой П. Зима зачастую не всегда находит правильное решение поставленных им вопросов.

Это в первую очередь касается главы «Когда люди хотят договориться...», где автор рассматривает важнейшую и в то же время исключительно сложную языковую ситуацию, сложившуюся в Западной Африке. П. Зима освещает здесь не только современное состояние проблемы, но стремится также раскрыть динамику формирования основных западноафриканских языков, попутно разъясняя читателям сложнейшие положения современного языкознания. Конечно, сделать это на двух десятках страниц чрезвычайно сложно. Но главное состоит в том, что автор не совсем представляет себе пути разрешения сложившейся языковой ситуации и попытка объяснить взаимоотношения между современными западноафриканскими языками оказывается неубедительной. Спорной остается и классификация языков Западной Африки, предложенная П. Зимой.

В советской африканистике на основании критического изучения работ крупнейших лингвистов М. Деллафосса, К. Мейнхофа, Д. Вестермана и Дж. Гринберга принята следующая классификация западноевропейских языков.

Выделяются две самостоятельные лингвистические семьи: семито-хамитская и манде (или мандинго) и шесть отдельных языковых групп: гвинейских языков, канури-тубу, сонгаи (которая, по последним данным, является самостоятельной), атлантическая, гур и восточно-бантоидная. Языки трех последних сходны морфологически и, очевидно, генетически связаны с языками банту, вследствие чего и получили название бантоидных. Обособленные Петром Зимой группа КВА и КРУ на самом деле входят в гвинейскую подгруппу.

В конце книги П. Зима отмечает то положительное влияние, которое оказала европейская колонизация на Западную Африку. Безусловно, новая техника, письменность, знакомство с мировой литературой и искусством представляются исключительно важными для африканских народов, особенно для их будущего. Но следует иметь в виду, что приобщение к европейской культуре совершалось в уродливых формах захвата и порабощения, прямого грабежа африканцев и подавления их самостоятельной культуры. Мы уже не говорим о тех страшных людских потерях, которые этот континент понес в ходе колонизации, о том, что европейская культура оказалась достоянием лишь узкого верхушечного слоя народа.

Будущее Африки связано не с теми крохами культуры, которые она получила, находясь под колониальным игом. Ее расцвет зиждется на равноправном обмене культурными ценностями со всем остальным миром. Для этого нужно завоевать экономическую и политическую самостоятельность, в чем и состоит главное условие для раскрепощения Африки, для возрождения ее великой культуры.

А пока тамтамы продолжают звучать, они говорят нам о том, что древняя и вечно юная Африка полна жизни, полна сил, что она борется за свое будущее. Тамтамы продолжают звучать, привлекая к Африке симпатии все новых и новых народов. В этом немалая заслуга публикуемой в русском переводе книги чешского ученого Петра Зимы.

Л. А. Фадеев

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
В путь	6
Страна, в которую приезжаешь	17
Ворота открыты	22
Когда люди хотят договориться	39
Три столицы Западной Африки	51
Когда звонят на урок	74
Жизнь за кулисами прошлого	86
Как установить родственные отношения и подлинные имена людей	99
Что осталось от кнута рабовладельца через сто лет	112
Чтобы дни не превратились только в будни	126
Город за спиной	139
Cogito, ergo sum	156
Прежде чем перевернуть последнюю страницу	163
Послесловие	171

57 коп.

